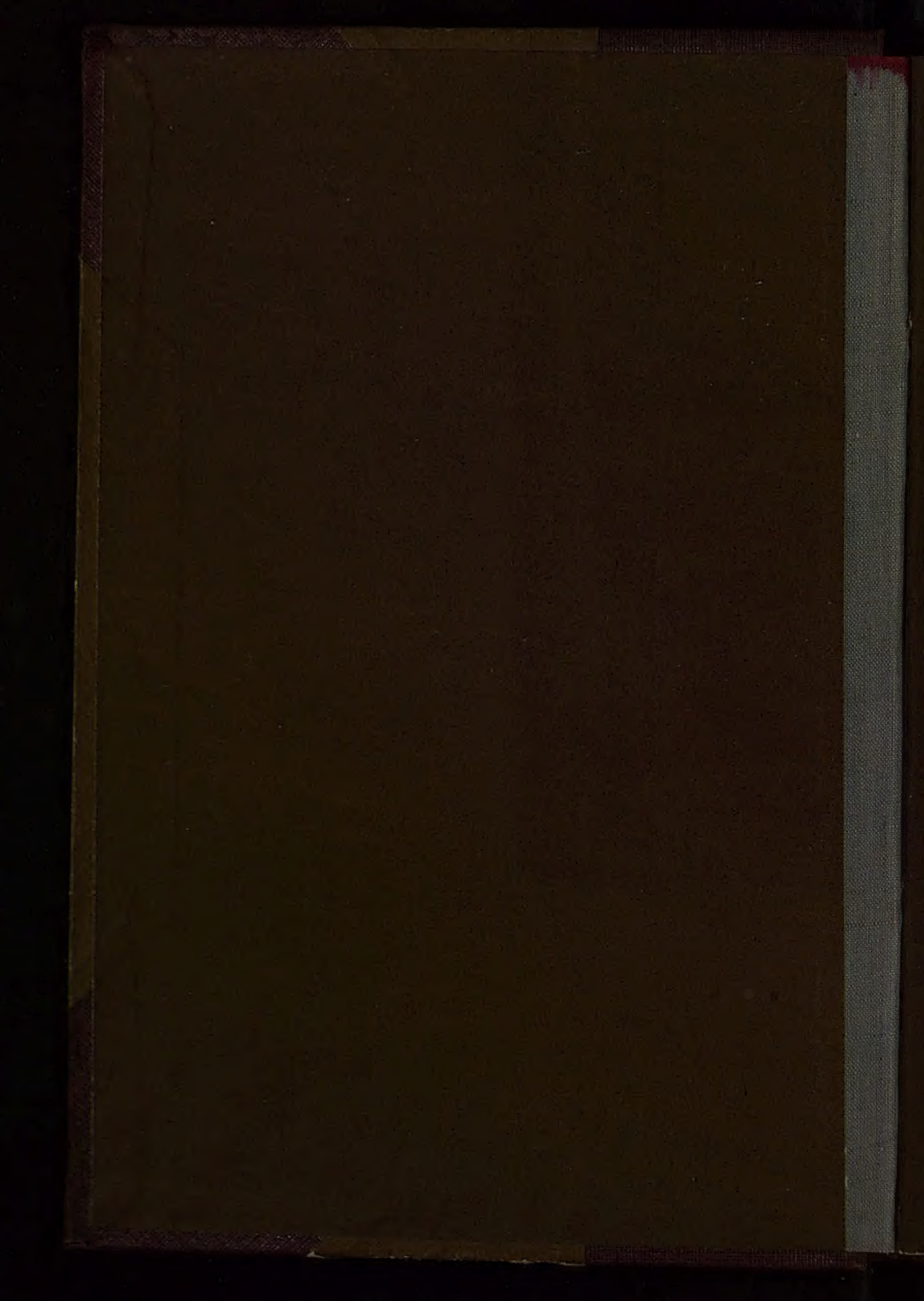
Зиновьевъ

Война и Кризисъ Социализма

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г. Зиновьевъ.

Война и кризисъ соціализма.

ЧАСТЬ I-ая.

(Двѣ эпохи войнъ).

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г. Зиновьевъ.

Война и кризисъ соціализма

ЧАСТЬ 1-ая.

(Двѣ эпохи войнъ.)

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917 г.

Типографія «Трудъ» Т-во «Рабочія Печать». Кавалергардская, 40.

Отъ автора.

Настоящая работа написана въ 1915—16 г.г. Передъ тѣмъ, какъ сдать ее въ цензуру, авторъ самъ удалилъ наиболѣе «опасныя» мѣста и смягчилъ рядъ «рискованныхъ» формулировокъ. Но—спасти рукопись не удалось. Сначала цензоръ сталъ вычеркивать отдѣльныя главы, затѣмъ отдѣльныя страницы въ уцѣлѣвшихъ главахъ, затѣмъ отдѣльныя строки въ уцѣлѣвшихъ страницахъ. Продѣлавши эту «работу», г. цензоръ, однако, еще разъ обозрѣлъ израненную цензорскимъ перомъ рукопись, на минуту задумался, обмакнулъ перо и—вычеркнулъ и то, что раньше уцѣлѣло. Книга окончательно была запрещена къ печатанью. Она можетъ увидѣть свѣтъ только теперь.

Сдавая теперь рукопись въ наборъ, я прошу читателя имѣть въ виду, что мѣстами въ книгѣ такъ и остался тотъ «эзоповскій» языкъ, къ которому въ минуту жизни трудную всегда прибѣгали русскіе марксисты, когда они имѣли дѣло не съ вольнымъ станкомъ.

Петербургъ, 8 апрѣля 1917 г.

* * *

Мытарства моей книги на этомъ не кончились. Въ іюльскіе дни, когда какая-то опытная рука громила типографію «Трудъ», много страницъ набору было умышленно разсыпано. Пришлось набирать заново. Это еще разъ затянуло выходъ книги въ свѣтъ.

Г. Зиновьевъ.

Петербургъ, Октябрь 1917 г.

Вмѣсто предисловія.

... Мы пишемъ эти строки въ день второй годовщины войны. Многое хотѣлось бы сказать въ этотъ день читателю-другу. *Но...*

Ограничимся только нѣсколькими пояснительными замѣчаніями по поводу того плана, котораго мы придерживались въ нашей работѣ.

Книга выйдетъ *тремя* отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый составитъ болѣе или менѣе законченное цѣлое.

Передъ читателемъ лежитъ *первая* часть всего труда, часть— преимущественно историческая. Мы надѣемся, однако, что она не совсѣмъ лишена и злободневнаго интереса. Необходимо было прежде всего выяснить принципіальную разницу между двумя эпохами войнъ: національныхъ и имперіалистскихъ. Необходимо было показать, какъ поступали представители революціонной социалъ-демократіи во время первой эпохи и на грани второй.

Вторая часть работы посвящена спеціально имперіализму и эпохѣ второго Интернаціонала.

Третья часть, которая, какъ и вторая, появится въ свѣтъ— мы надѣемся—въ самомъ ближайшемъ будущемъ, посвящена крушенію 2-го Интернаціонала и поведенію с.-д. партій во время войны 1914—1916 г.г. Она содержитъ слѣдующія 9 главъ: 1) Соціалъ-демократія во время войны. 2) Оппортунизмъ и соціалъ-шовинизмъ. 3) О пацифизмѣ и о томъ, какъ марксизмъ относится къ пацифизму. 4)Отъ бернштейніанства къ каутскіанству. 5) Причины краха. 6) Двѣ эпохи. 7) Теорія взаимной амнистіи. 8) Ростки новаго. 9) Что же дальше?

Въ значительной части вся работа является простымъ комментаріемъ къ основнымъ тезисамъ, выдвинутымъ уже въ сентябрѣ 1914 г. тѣмъ направленіемъ общественной мысли, къ которому принадлежитъ авторъ этихъ строкъ.

Мы говоримъ безъ обиняковъ о *крушеніи* 2-го Интернаціонала, рискуя вызвать злорадство враговъ. Но высказать то,

что есть, является первѣйшею обязанностью марксиста. Необходимо взглянуть правдѣ въ лицо—какъ ни тяжела эта правда...

Какъ ни тяжело положеніе—горю не помочь реляціями на тему: «все обстоитъ благополучно». Но нисколько не впадая въ излишній оптимизмъ, мы все же должны сказать: къ концу второго года войны дѣло обстоитъ уже гораздо менѣе безотрадно, чѣмъ въ 1914 и въ 1915 годахъ. Впрочемъ, о «росткахъ новаго» мы говоримъ подробно въ 3-ей части.

Здѣсь замѣтимъ еще только одно.

Многое, очень многое зависитъ отъ того, какъ будутъ развиваться далѣе дѣла въ германской соціалъ-демократіи. Сейчасъ она вся всколыхнута до дна происходящими событіями. Единой германской соціалъ-демократіи больше нѣтъ. Либкнехтъ и Шейдеманнъ—представители двухъ различныхъ партій; болѣе того—представители *двухъ различныхъ классовъ*. Полный, окончательный, оформленный расколъ въ германской соціалъ-дем-тіи принесетъ громадную пользу движенію не только въ самой Германіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Новый компромиссъ, сохраненіе прежняго «единства» будетъ означать долгій застой и мучительное гніеніе. Два непримиримыхъ лагеря стоятъ другъ противъ друга почти всюду—даже въ нейтральныхъ странахъ. Раньше или позже противъ Шейдеманновъ всѣхъ странъ соединятся Либкнехты всѣхъ странъ, построивъ новое зданіе 3-го Интернаціонала...

Еще только два слова. Авторъ хорошо сознаетъ недочеты своей работы. Онъ проситъ, однако, читателя помнить о томъ, что далеко не вся вина за эти недочеты лежитъ на авторѣ... Придетъ время, когда эти недочеты можно будетъ устранить. Читатель-другъ пойметъ насъ.

Г. З.

4-го августа (нов. ст.) 1916 г.
Хертнштейнъ.
(Швейцарія)

I. Введеніе.

Въ концѣ августа 1870 года, незадолго до Седана, когда военная побѣда Пруссіи была уже очень вѣроятной и стало ясно, что объединеніе Германіи—хотя бы и сверху, на Бисмарковскій ладъ—непремѣнно будетъ завершено, Карлъ Марксъ въ письмѣ къ Брауншвейгскому с.-д. Центральному Комитету эйзенахцевъ писалъ:

«Эта война перенесла центръ тяжести континентальнаго рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію».

И Марксъ тутъ же прибавлялъ, что это обстоятельство возложило большую отвѣтственность на нѣмецкій рабочій классъ, который самъ будетъ виноватъ, если не сумѣетъ сыграть принадлежащую ему теперь роль.

Предсказаніе Маркса оправдалось. Парижская Коммуна завершила собой цѣлую полосу въ исторіи французскаго рабочаго движенія.

Съ тѣхъ поръ—и особенно начиная съ 80-хъ годовъ—руководящая роль переходитъ къ нѣмецкому рабочему движенію.

Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ десятилѣтій германская соціалъ-демократія, можно сказать, правила всѣмъ пролетарскимъ Интернаціоналомъ. Ей принадлежала идейная гегемонія во 2-мъ Интернаціоналѣ почти съ самаго его зарожденія и—до краха послѣднихъ дней.

У насъ, у соціалистовъ нынѣшняго, молодого поколѣнія, поэтому, столь многое связано именно съ исторіей германской соціалъ-демократіи. И особенно—у соціалъ-демократовъ русскихъ. Мы воспитались сами и воспитывали русскихъ рабочихъ въ чувствахъ глубочайшаго уваженія къ германской соціалъ-демократіи. Какъ было не гордиться намъ германскимъ движеніемъ, не изумляться передъ величіемъ его, когда мы видѣли, какъ на нашихъ глазахъ выростало могущественное, гордое зданіе партіи, объединяющей милліонъ членовъ и 4 милліона избирателей, зданіе профессіональныхъ союзовъ, объединяющее въ своихъ стѣнахъ 3 милліона передовыхъ рабочихъ?

Какъ было не гордиться намъ, когда мы видѣли, что только въ этой странѣ безправный классъ, классъ наемныхъ работъ, капитала, выполняетъ такую громадную просвѣтительную работу создаетъ такой гигантскій организаціонный аппаратъ, культуру будущаго?

Во многихъ отношеніяхъ германская соціалъ-демократія была для насъ образцомъ, недосягаемымъ идеаломъ. Ее мы ставили себѣ въ примѣръ. Каждый молодой русскій пролетарій въ первыхъ же бесѣдахъ, въ первыхъ же кружкахъ слышалъ отъ насъ о могучей германской соціалъ-демократіи. Съ молокомъ матери-партіи онъ всасывалъ любовь и преклоненіе передъ германской соціалъ-демократіей...

И вотъ теперь—свершилось... Изъ недосягаемаго идеала германская с.-д.-тія превратилась въ игрушку имперіалистскаго правительства и «патріотической» буржуазіи «своей» страны. «*Наша* патріотическая соціалъ-демократія»—потрепываютъ ее по плечу германскіе имперіалисты. Германская буржуазія «за ненадобностью» закрываетъ свой «имперскій союзъ борьбы съ соціалъ-демократіей». Германская военная клика циркулярно распоряжается вычеркнуть изъ военныхъ учебниковъ страницы, направленныя противъ «внутреннихъ враговъ»—соціалъ-демократовъ. Теперь «*наши* соціалъ-демократы» стали совсѣмъ ручными!

Ихняя соціалъ-демократія! Посмотрите, какъ вѣрна она «отечеству» и кайзеру, какъ рѣшительно отказалась она отъ соціалистическихъ «предразсудковъ» во имя «защиты отечества»...

Въ 1891 году, когда политическая атмосфера въ Европѣ была особенно напряжена и казалось, что скоро разразится міровая война, Бебель, уже тогда безспорный вождь германской соціалъ-демократіи, писалъ:

«И тогда (т. е., когда возникнетъ міровая война), придетъ то, что должно придти. Народы, возмущенные массовыми бойнями и гнетомъ, народы, пережившіе голодовки и всѣ другіе ужасы всеобщаго краха, эти народы придутъ къ сознанію и возьмутъ свои судьбы въ собственныя руки. И въ этой великой симфоніи народовъ первую скрипку сыграютъ соціалъ-демократы» [1]).

Статья эта писалась приблизительно тогда же, когда Фридрихъ Энгельсъ выступилъ со своей извѣстной статьей «Der Sozialismus in Deutschland» [2]) (Соціализмъ въ Германіи), въ которой онъ выражалъ горячую надежду на то, что капиталистическій строй доживаетъ послѣдніе годы, что соціализмъ

---

[1]) «Neue Zeit», Сентябрь, 1891 г., стр. 36.

[2]) Есть русскій переводъ: «Общественное движеніе въ Германіи».

есть вопросъ самаго ближайшаго будущаго. «Миръ,—писалъ тогда Энгельсъ,—обезпечитъ побѣду германской соціалъ-демократіи приблизительно лѣтъ черезъ десятокъ. А война принесетъ ей либо побѣду черезъ 2—3 года, либо—полное разрушеніе по меньшей мѣрѣ, на 15—20 лѣтъ».

Статья Бебеля посвящена Эрфуртскому партейтагу, тому самому, который принялъ знаменитую въ исторіи Интернаціонала Эрфуртскую программу. Какъ разъ въ томъ же 1891 году Георгъ Брандесъ имѣлъ нѣсколько встрѣчъ съ Бебелемъ. Послѣ смерти Бебеля, Брандесъ съ улыбкой «трезваго» человѣка разсказалъ въ печати о томъ, какъ Бебель въ ту пору полонъ былъ «фантастической» вѣры въ то, что черезъ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ наступитъ крахъ буржуазнаго общества.

«То было раннею весною»... Великіе борцы рабочаго класса вѣрили въ очень близкое торжество соціалистическаго идеала. Они ошиблись насчетъ долговѣчности капиталистическаго строя, остатокъ дней капитализма оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ они думали. Но, что сказали бы они тогда, если бы кто-нибудь вздумалъ предсказать, что пройдетъ еще $^1/_4$ вѣка, что пролетарскія партіи во всѣхъ странахъ свѣта могущественно разовьются и объединятъ милліоны рабочихъ— но... но только для того, чтобы, когда міровая война дѣйствительно наступитъ, оффиціальныя с.-д. партіи оказались въ одномъ лагерѣ съ худшими поработителями рабочаго класса, съ злѣйшими врагами соціализма, съ самыми жестокими гонителями демократіи?

Свершилось! Въ 1891 году Бебель предсказывалъ германской соціалъ-демократіи на случай міровой войны роль первой скрипки въ революціонной симфоніи народовъ. Прошло почти 25 лѣтъ. Война разразилась. Она застала германскую соціалъ-демократію колоссальной четырехъ-милліонной партіей. Но эта партія, вмѣсто роли первой скрипки въ революціонной симфоніи народовъ, взяла на себя роль перваго барабана въ *контръ*-революціонной, разбойничье-имперіалистской симфоніи Гогенцоллерновъ, фонъ-Клюковъ и фонъ-Гинденбурговъ. И—взяла добровольно, взяла не за страхъ, а за совѣсть... Много ли въ исторіи случаевъ такого чудовищнаго паденія, такого неслыханнаго поруганія великаго знамени, на которое съ упованіемъ взирали милліоны людей, которое кровью своего сердца окрасили лучшіе борцы и мыслители человѣчества?..

Я думаю, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что больнѣе всего паденіе германской соціалъ-демократіи восприняли мы, русскіе соціалъ-демократы. Когда пришли первыя извѣстія

объ «историческомъ» засѣданіи германскаго рейхстага 4 августа (нов. ст.) 1914 г. и о поведеніи 110 с.-д. депутатовъ, мы сначала не хотѣли вѣрить самому факту. Сознаніе отказывалось усвоить это сообщеніе. Это ложь, это безстыдная ложь! Буржуазная печать просто пускаетъ «утку», чтобы подогрѣть настроеніе хоть на мигъ, хоть на время первыхъ дней мобилизаціи. Не можетъ же быть, чтобы на мѣстѣ, гдѣ высился до сихъ поръ Монбланъ, вдругъ оказалась... большая и мало-ароматная лужа... Но вотъ стали приходить реакціонныя юнкерскія газеты, гдѣ «нашихъ» соціалъ-демократовъ начали превозносить выше небесъ. Вотъ, наконецъ, пришелъ и «Форвертсъ» (центральный органъ германской соціалъ-демократіи), въ которомъ чернымъ по бѣлому—и безъ единаго слова критики—напечатана декларація, прочитанная депутатомъ Гаазе... Итакъ, это—правда! Умерла германская соціалъ-демократія. Обезглавили соціалъ-демократическаго Самсона, опозорили знамя рабочаго класса...

Унижено наше знамя. Случилось наибольшее несчастіе, какое только можно себѣ представить. Въ міровой войнѣ погибнутъ милліоны нашихъ братьевъ. Кровь затопитъ наши поля. Наши матери обречены на нищету и голодъ, быть можетъ, на голодную смерть. Но—что все это въ сравненіи съ тѣмъ униженіемъ соціалистическаго знамени, съ оплеваніемъ завѣтнѣйшихъ идеаловъ, составлявшихъ весь смыслъ нашей жизни и нашей борьбы, со всѣмъ тѣмъ позоромъ, который пріуготовила намъ—кто же?—*германская* [1]) соціалъ-демократія?..

Однако, чѣмъ больше думаешь надъ случившимся, тѣмъ больше приходишь къ убѣжденію, что въ историческомъ смыслѣ этотъ отчаянный крахъ германской и французской соціалъ-демократіи въ томъ ея видѣ, какъ она сложилась до войны 1914 года, была не несчастіемъ, а счастьемъ для мірового рабочаго движенія. Надо же намъ было узнать *правду* о нынѣшней соціалъ-демократіи, надо же было увидѣть намъ, гдѣ наша подлинная сила и гдѣ наша слабость, надо же было, наконецъ познать то, что есть. И—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не разъ обнаруживались грозные симптомы того, что въ германской соціалъ-демократіи не все обстоитъ благополучно. Голову подымалъ ревизіонизмъ. Отношеніе къ лѣвому марксистскому крылу становилось все болѣе враждебнымъ и пренебрежительнымъ. Всякая революціонная иниціатива подавлялась. Воздухъ пропитанъ былъ

[1]) А равно и *французская* соціалистическая партія, которая въ тотъ-же день тоже голосовала за военные кредиты.

рутиной. Печать безцвѣтна. Даже въ избирательной борьбѣ верхъ начали брать методы безпринципнаго компромисса. Вспомнимъ хотя бы знаменитое «Däm fung» (притушеніе) избирательной с.-д. агитаціи ради блока съ либералами во время общихъ выборовъ 1912 года. Въ 1913 году дѣло дошло даже до голосованія за военные кредиты. Голосованіе это мотивировалось тѣмъ что соціалъ-демократія всегда отстаивала систему прямыхъ налоговъ, а часть военныхъ расходовъ 1913 г. буржуазія согласилась взимать именно этимъ способомъ. И отсюда выводили, что соціалъ-демократіи будто бы нельзя было отказаться отъ голосованія за военные кредиты. Тщетно указывало лѣвое меньшинство, что рѣшающимъ моментомъ для насъ является *назначеніе* ассигновокъ, что не станемъ же мы вотировать ассигновки на висѣлицы для насъ самихъ, хотя бы эти ассигновки покрывались путемъ самаго справедливаго прогрессивнаго подоходнаго налога. «Центръ» вмѣстѣ съ ревизіонистами майоризировалъ лѣвое крыло, и даже Бебель призналъ правильнымъ это чудовищное голосованіе.

Грозные признаки были. Часто только не хотѣлось видѣть всей серьезности этихъ признаковъ. Часто мы закрывали глаза на эти факты. Мы высказались, конечно, отрицательно о голосованіи за военную ассигновку 1913 года (рѣчь идетъ объ увеличеніи арміи, предпринятомъ Вильгельмомъ немедленно послѣ поѣздки Пуанкарэ въ Россію, гдѣ, какъ извѣстно, обсуждались планы усиленныхъ вооруженій). Но мы считали это болѣе или менѣе случайной ошибкой. Намъ и въ голову не приходило, что это, можетъ быть, начало цѣлой эры, когда германскіе с - ціалъ-демократы перейдутъ отъ точки зрѣнія соціализма къ точкѣ зрѣнія имперіализма. Слишкомъ чудовищнымъ показалось бы намъ такое предположеніе. Слишкомъ больно было бы повѣрить въ такую возможность.

И, однако, теперь при свѣтѣ событій 4-го августа и 2-го декабря 1914 года голосованіе 1913 года предстаетъ передъ нами въ совершенно иномъ свѣтѣ. Это не случайно поскользнулось большинство германскихъ соціалъ-демократовъ. Нѣтъ, это проявилось то, что назрѣвало въ глубинахъ германской соціалъ-демократіи—то самое, что своей чудовищностью такъ больно рѣзнуло по сердцу всѣхъ соціалистовъ въ памятный день 4-го августа 1914 года...

Давно также чувствовалось, что по части интернаціонализма не все обстоитъ благополучно въ германской соціалъ-демократіи. Въ Интернаціоналѣ были на этотъ счетъ какія-то необъясни-

мыя, неясныя, но очень горькія предчувствія. И изъ своихъ опасеній товарищи изъ разныхъ партій не дѣлали тайны.

Послѣ Штуттгартскаго конгресса, на которомъ вопросъ объ интернаціональной борьбѣ противъ войны игралъ доминирующую роль, К. Каутскій писалъ:

«Въ Штуттгартѣ понадобилось не мало труда, чтобы разсѣять недоразумѣніе...: будто германская соціалъ-демократія въ случаѣ войны поставитъ себя внѣ рамокъ интернаціональной солидарности... Понадобилось не мало труда, чтобы разсѣять это недоразумѣніе и сообщить Интернаціоналу убѣжденіе, что германскій сознательный пролетаріатъ не позволитъ ни при какихъ обстоятельствахъ и никакими средствами разжечь въ немъ военный «энтузіазмъ», что его международная солидарность настолько крѣпка, что Интернаціоналъ можетъ всегда разсчитывать на германскій пролетаріатъ. И когда въ послѣдній день Штуттгартскаго конгресса это стало ясно и недвусмысленно, конгрессъ облегченно вздохнулъ, и буря одобреній была намъ отвѣтомъ» [1]).

Какой горькой ироніей звучатъ теперь эти слова Каутскаго! «Ни при какихъ обстоятельствахъ» обѣщали намъ не поддаваться угару шовинизма. Но стоило только наступить «обстоятельствамъ», и вся оффиціальная германская соціалъ-демократія оказалась въ лагерѣ злѣйшихъ шовинистовъ. Въ началѣ войны едва нашлись сколько-нибудь вліятельныя группы, которыя вспомнили бы объ обязательствахъ германскаго пролетаріата по отношенію къ братьямъ рабочимъ другихъ странъ,—группы, которыя спасли бы честь германской соціалъ-демократіи...

Эссенскій партейтагъ германской соціалъ-демократіи состоялся послѣ Штуттгартскаго конгресса. На этомъ партейтагѣ подробно обсуждался вопросъ о борьбѣ съ войной и объ интернаціональныхъ обязательствахъ германской соціалъ-демократіи. Какъ мы увидимъ ниже, уже и тогда обнаружились довольно опасные симптомы. Но подводя итоги преніямъ на этомъ важномъ партейтагѣ, тотъ же Каутскій успокоительно замѣчалъ:

«Интернаціоналъ можетъ относиться къ германской соціалъ-демократіи съ полнѣйшимъ довѣріемъ... Она всегда исполнитъ свой долгъ» [2]).

И вотъ мы дожили до того времени, когда германская соціалъ-демократія «исполняетъ свой долгъ»... передъ отечественнымъ имперіализмомъ, цинично предавая международный соціализмъ. Хуже того. Мы дожили до такихъ временъ, когда

[1]) Neue Zeit, 1907, S. 856.
[2]) Ibid. P 58.

прямую и завѣдомую измѣну соціалистическому знамени называютъ «исполненіемъ долга», а такіе люди, какъ Карлъ Каутскій, продолжаютъ и теперь, какъ въ 1907 году, увѣрять, что всѣ остались добрыми соціалистами, что понять другъ друга мѣшаютъ намъ только нѣкія маленькія «географическія» недоразумѣнія.

Какой позоръ, какое невѣроятное паденіе!

Идейный крахъ германской—и всей вообще оффиціальной европейской—соціалъ-демократіи тѣмъ больше, тѣмъ убійственнѣе, чѣмъ грандіознѣе ея численная сила. Съ гордостью говорятъ и пишутъ теперь вожди германской соціалъ-демократіи о томъ, что въ дѣйствующей германской арміи участвуетъ около трети соціалъ-демократовъ, что болѣе 40 корпусовъ въ нѣмецкихъ арміяхъ заполнены соціалъ-демократами. И статистическія данныя дѣйствительно показываютъ, что это такъ. Но подумали ли наши бывшіе товарищи о томъ, что означаетъ этотъ фактъ? Понимаютъ ли они, что онъ еще рѣзче подчеркиваетъ ихъ преступленіе передъ международнымъ соціализмомъ?

Подумайте, *что* могла бы сдѣлать соціалистическая партія, имѣя въ арміи одного своего члена изъ каждыхъ трехъ солдатъ—въ томъ случаѣ, *если бы она осталась соціалистической*!

Да, вамъ было много дано, наши бывшіе товарищи! Вы все это промотали—во имя прекрасныхъ глазъ вашихъ отечественныхъ имперіалистовъ. Вы были гордостью и надеждою международнаго соціализма—вы стали его позоромъ.

Крахъ второго Интернаціонала есть больше всего и прежде всего крахъ *германской* соціалъ-демократіи. А крахъ этой послѣдней есть прежде всего *крахъ оппортунизма*, крахъ ревизіонизма, который фактически возобладалъ въ послѣдніе годы внутри европейской соціалъ-демократіи. Ревизіонисты давно уже образовали въ германской соціалъ-демократіи какъ бы государство въ государствѣ. Вожаки профессіональныхъ союзовъ въ своемъ подавляющемъ большинствѣ ревизіонисты—давно уже имѣли свой практическій центръ, часто диктовавшій свою волю центральному комитету партіи, имѣли свои литературные органы, въ которыхъ тонъ задавали господа Шиппель, Кальверъ, Гильдебрандтъ и т. д. Въ противовѣсъ партійной школѣ они создали свою школу, въ которой готовили вожаковъ совершенно опредѣленной ревизіонистской марки. Въ противовѣсъ журналу «Neue Zeit» («Новое Время»), они создали свой журналъ «Sozialistische Monatshefte» («Соціалистическій Ежемѣсячникъ»), въ которомъ собрались всѣ вожди оппортунизма.

Постепенно «вростаніе» оппортунистовъ въ германскую партію въ послѣдніе годы зашло такъ далеко, что фактически они стали господами положенія. Въ парламентской фракціи у нихъ большинство. Центральный комитетъ сведенъ до роли услужающаго фракціи. Журналъ «Sozialistische Monatshefte» фактически гораздо больше является центральнымъ органомъ партіи, нежели «Neue Zeit». Такъ называемый «марксистскій центръ», съ Гаазе и Каутскимъ во главѣ, оказался прикованъ къ ревизіонистской колесницѣ, какъ колодникъ къ тачкѣ.

Идеи ревизіонизма, восторжествовали въ германской соціалъ-демократіи. Эпоха истребительной имперіалистской войны, эпоха, когда рабочіе разныхъ странъ взаимно встали братъ на брата,— эта эпоха оказалась благопріятной для торжества ревизіонистскихъ идей. Побѣда ревизіонизма станетъ пирровой побѣдой. Его тріумфальное шествіе по черепамъ убитыхъ на разныхъ театрахъ войны пролетаріевъ станетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его погребальнымъ шествіемъ. Что такое ревизіонизмъ *на практикѣ*— это теперь видѣли рабочіе воочію. И когда схлынетъ мутная волна шовинизма, они сдѣлаютъ свои выводы.

Война заставляетъ переоцѣнить много цѣнностей. Въ томъ числѣ переоцѣнена должна быть и германская соціалъ-демократія. Мы мнили, что обладаемъ драгоцѣннѣйшимъ камнемъ, жемчугомъ, которому нѣтъ цѣны. Оказалось, что камень былъ поддѣльнымъ, оказалось—не все то золото, что блеститъ.

Не надо думать, что дѣло въ одномъ недостаткѣ интернаціонализма у германской соціалъ-демократіи. Невозможно себѣ представить, что только въ вопросѣ о милитаризмѣ, въ вопросѣ о борьбѣ съ войной германскіе с.-д. пошли за буржуазіей, а во всѣхъ остальныхъ вопросахъ они остались-де добрыми и надежными соціалистами. Тогда выходило бы, что и рабочую партію можно себѣ представить чѣмъ-то въ родѣ гоголевской дамы пріятной—только не во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣтъ, поведеніе въ связи съ войной вскрыло то, что германская (и французская) соціалъ-демократія сгнила въ самой своей сердцевинѣ, что мы имѣемъ дѣло съ гибелью цѣлаго историческаго поколѣнія въ современномъ соціализмѣ.

«Что-то гнило въ царствѣ датскомъ»... Мы давно это подозрѣвали. Теперь этотъ горькій фактъ сталъ непреложнымъ. Закрывать глаза на этотъ фактъ—значитъ самимъ становиться въ ряды измѣнниковъ. Необходимо безбоязненно взглянуть правдѣ въ лицо. Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чѣмъ была и чѣмъ стала германская соціалъ-демократія. Русская соціалъ-демократія *первая* обязана выполнить эту работу. Она

должна ревизовать свое отношеніе къ нынѣшней, германской соціалъ-демократіи, подъ страхомъ самыхъ печальныхъ политическихъ послѣдствій.

Когда намъ неустанно проповѣдывали, что мы, россійскіе соціалъ-демократы, должны поскорѣе стать «европейской» партіей,—подъ «Европой» чаще всего разумѣлась Германія съ ея нынѣшней оффиціальной соціалъ-демократіей. Послѣ того, что произошло съ германской соціалъ-демократіей, русскіе рабочіе должны очень и очень пораздумать раньше, чѣмъ пойти по пути такого «европеизма»...

Ревизіи нашего отношенія къ германской соціалъ-демократіи и будетъ посвящена настоящая книга въ ея значительной части.

Но нельзя скрывать отъ себя того, что въ нынѣшней войнѣ крахъ переживаетъ не одна только германская соціалъ-демократія. Вторая по значенію соціалистическая партія,—мы говоримъ о французской соціалистической партіи,—въ иныхъ условіяхъ, при иной внѣшней обстановкѣ—совершила такую же измѣну рабочему знамени. Болѣе того. Крахъ коснулся всего 2-го Интернаціонала, который распался, который разрушенъ событіями 1914—1916 г.г.

Германская соціалъ-демократія дѣйствовала не въ безвоздушномъ пространствѣ. Ея эволюція стояла въ тѣсной связи со всѣмъ международнымъ положеніемъ, съ развитіемъ соціализма и рабочаго движенія въ другихъ странахъ. Естественно, что въ нашей работѣ намъ придется коснуться и судебъ международнаго соціализма вообще. Какъ нельзя понять характера нынѣшней войны, не разобравшись въ политикѣ *всѣхъ* важнѣйшихъ державъ, такъ нельзя понять причинъ краха Интернаціонала, не разобравшись въ эволюціи *всѣхъ* важнѣйшихъ соціалистическихъ партій.

Но въ данный моментъ намъ придется больше всего касаться *германской* соціалъ-демократіи. Это—въ силу того, что германская соціалъ-демократія играла, какъ мы уже замѣтили, доминирующую роль во всей исторической эпохѣ 1889—1914 г. Она была, какъ выражаются нѣмцы, die *Sozialdemokratie*, воплощеніе соціалъ-демократіи. Писать о ней *значитъ* писать о всей международной соціалъ-демократіи. Мы убѣдились въ этомъ, между прочимъ, и на опытѣ данной работы. Начатая, какъ работа о «войнѣ и *германской* соціалъ-демократіи», она незамѣтно разрослась до предѣловъ книги на тему «Война и *соціалъ-демократія*».

II. Двѣ эпохи войнъ.

Великая французская революція и національная война.

Великая французская революція и національная война.—Національныя войны и національныя революціи.—Національное объединеніе Италіи.—Національное объединеніе Германіи.—Пруссія или Австрія.—Войны 1864—1866—1870—71 гг. Войны національныя и войны имперіалистскія.

Исторія 19-го столѣтія открывается эпохой сильнаго контрреволюціоннаго движенія, направленнаго противъ великой французской революціи. Судьбы внутренняго развитія революціонно-республиканской Франціи попадаютъ въ зависимость отъ окружающихъ ее монархическихъ государствъ Европы. У французской революціи не было болѣе сильныхъ враговъ, чѣмъ ея *внѣшніе* враги. Вся эпоха Наполеона была въ первую голову продуктомъ тѣхъ внѣшнихъ войнъ, которыя пришлось вести Франціи, чтобы отразить борьбу европейскихъ монархій противъ французской революціи. Ни одна историческая эпоха не иллюстрируетъ такъ наглядно связь между внутренней и внѣшней политикой ,какъ эпоха 1789—1814 г.г. Рудольфъ Гольдшейдъ справедливо говоритъ въ своей книгѣ о соотношеніи между внутренней и внѣшней политикой: «Die innere Politik *denkt* aber die äussere l e n k t», т. е. внутренняя политика полагаетъ, а внѣшняя политика—располагаетъ. И онъ же правильно замѣчаетъ, что «исторія какого-либо народа есть исторія сосѣднихъ съ нимъ народовъ» [1]).

Франція эпохи 1789 года въ силу хода событій скоро убѣдилась, что не можетъ быть и рѣчи объ удержаніи завоеваній великой французской революціи безъ цѣлаго ряда оборонительныхъ и наступательныхъ внѣшнихъ войнъ. Монархическія государства, окружавшія Францію, угрожали ей прямымъ нашествіемъ, прямымъ ея подчиненіемъ иноземному господству. Эта постоянная угроза была громадной помѣхой на пути фран-

---

[1]) Rudolf Goldscheid, Das Verhältnis der äusseren Politik zur innern Ein Beitrag zur Soziologie des Weltkrieges, стр. 14 и 30.

цузской революціи. Но она же давала революціонному движенію большій размахъ, превращая его въ *національное* движеніе, собирая во едино силы всей націи. За исключеніемъ высшей ройялистской знати, за исключеніемъ кучекъ контръ-революціонныхъ эмигрантовъ и представителей королевскихъ династій, прямо конспирировавшихъ противъ революціи съ иностранными монархическими державами,—весь французскій народъ сплачивался больше всего подъ дамокловымъ мечомъ угрожающаго иноземнаго нашествія и чуже-національнаго господства. *Оларъ* правъ, когда говоритъ, что «европейскую коалицію, сплотившуюся противъ Франціи, отразила муниципальная и якобинская организація»[1]).

Движущей силой всѣхъ національныхъ государственныхъ движеній 19-го вѣка было стремленіе освободиться отъ иноземнаго господства—говоритъ Бауэръ[2]). Но войны великой французской революціи являются классическимъ образцомъ *національныхъ* войнъ начинающейся капиталистической эпохи. Когда французская революція пыталась перебросить пламя революціоннаго пожара въ сосѣднія государства, когда она объявила войну всѣмъ европейскимъ королямъ и абсолютнымъ монархіямъ, она совершала простой актъ самообороны. Мало было низвергнуть абсолютизмъ внутри самой Франціи, недостаточно было покончить счеты съ Людовикомъ XVI. Чтобы побѣда французской революціи была полной, надо было сразить абсолютизмъ *внѣ* Франціи, или надо было, по крайней мѣрѣ, успѣшно провести оборону Франціи отъ внѣшнихъ нападеній, надо было отстоять обновленную Францію отъ иноземнаго подчиненія. Дѣятели и учрежденія французской революціи не могли видѣть эту задачу во всей ея полнотѣ въ моментъ первыхъ побѣдъ надъ старымъ режимомъ внутри собственной страны. Но уже очень скоро послѣ этихъ первыхъ побѣдъ задача эта неотступно становилась на очередь. Чисто эмпирическимъ путемъ дѣятели французской революціи приходили къ сознанію того, что для охраны внутреннихъ завоеваній необходимъ рядъ внѣшнихъ національныхъ войнъ, что для упроченія самой французской республики необходимо окружить Францію цѣлымъ рядомъ Tochterrepubliken, необходимо, чтобы мать-революція породила цѣлый рядъ «республикъ-дочерей». Планомѣрную и сознательную политику въ этомъ направленіи впослѣдствіи особенно

---

[1]) *А. Оларъ*, Французская революція, (русск. пер.) стр. 249.

[2]) См. его «Національный вопросъ», (русск. пер. 183), изъ котораго мы многое заимствуемъ.

рѣшительно повелъ Конвентъ. Дѣло становилось все болѣе ясно. *Или* новый республиканскій режимъ отразитъ нападенія чужихъ державъ и преобразуетъ сосѣднія страны по образу и подобію своему, т. е. создастъ и изъ нихъ республики. Или— сосѣднія абсолютистскія государства въ цѣломъ рядѣ войнъ не только сломятъ республиканскій режимъ во Франціи, не только возстановятъ въ ней монархическій строй, но и покорятъ ее ино-національному владычеству, быть можетъ, раздробятъ, раздѣлятъ Францію и отдѣльныя ея части прямо присоединятъ къ чужимъ государствамъ [1]).

Такъ революціонная борьба французовъ стала *національнымъ* дѣломъ. Такъ величайшее міровое движеніе, открывающее собою эпоху въ новѣйшей исторіи, дало намъ классическій образецъ *національныхъ* войнъ, имѣющихъ громадное прогрессивное значеніе для исторіи человѣчества.

«Liberté des Mers! Egalité des droits de toutes les nations!» (Свобода морей! Равноправіе національностей!)—такъ гласили надписи на знаменахъ французскихъ войскъ въ эпоху революціонныхъ войнъ. Разумѣется, въ этихъ девизахъ нельзя видѣть ничего соціалистическаго. Пароль «свободныя моря» направленъ былъ только противъ абсолютнаго господства Англіи на м рѣ. Пароль «равенство» означалъ только равенство въ *буржуа номъ* смыслѣ.

Но, во всякомъ случаѣ, это были войны, отстаивавшія *буржуазную революцію*, направленныя *противъ феодализма*, создавшія буржуазно-демократическое національное государство, и, постольку—*прогрессивныя.*

«Именно на базисѣ *національности* декларація правъ человѣка выработала основу всѣхъ либеральныхъ требованій: Le principe de toute Souveraineté reside dans la nation»,—пишетъ Лампрехтъ [2]). Французская революція открываетъ и въ этомъ отношеніи новую эпоху. Въ ней находитъ себѣ самое яркое выраженіе стремленіе побѣждающей буржуазіи создать, упрочить и отстоять *національное* государство. Національное угнетеніе— въ самой грубой, оголенной формѣ—было правиломъ въ эпоху, предшествовавшую капитализму. *Нарожденіе капитализма означа-*

---

[1]) Не надо думать, что борьба революціонной Франціи съ монархическими державами двигалась только мотивами борьбы буржуазно-демократическаго строя съ феодальнымъ (хотя *эти* мотивы преобладали). Были еще мотивы колоніальнаго соревнованія—между Франціей и Англіей.

[2]) Deutsche Geschichte von Karl Lamprecht, Dritte Abteilung, Neueste Zeit, III. Band, Berlin, 1907, стр. 353.

меновывается стремленіемъ къ созданію самостоятельныхъ государствъ, т. е. къ упраздненію ино-національнаго гнета.

Для этого существуютъ достаточныя *экономическія* причины. Возникающій капиталистическій товарооборотъ повелительно требуетъ упраздненія мелкихъ государствъ, государственной черезполосицы, такъ называемаго Kleinstaaterei, ему необходимо созданіе единой таможенной системы, единаго законодательства. Буржуазія должна стремиться къ тому, чтобы національное государство было настолько крѣпкимъ и большимъ, насколько это только возможно. Интересы капиталистическаго развитія враждебны государственной раздробленности и расчлененности. Возникающій капитализмъ требуетъ большихъ государственно-консолидированныхъ хозяйственныхъ территорій.

Если бы капиталистическія государства были связаны между собою путемъ свободнаго обмѣна, были слиты въ *одну экономическую область*, то капитализмъ—по правильному замѣчанію Отто Бауэра—могъ бы вполнѣ примириться съ раздробленіемъ націй на множество самостоятельныхъ государствъ. Но въ дѣйствительности государство капиталистическаго міра почти всегда становится болѣе или менѣе самостоятельною экономическою областью. Таможенные тарифы, налоговая политика, система желѣзнодорожныхъ тарифовъ, различія въ дѣйствующемъ правѣ и т. п., все это создаетъ опредѣленныя трудности для торговаго обмѣна между различными самостоятельными государствами. Поэтому нарождающійся капитализмъ стремится не просто къ національному государству, но къ—*большому* національному государству. Чѣмъ больше населена экономическая область, тѣмъ многочисленнѣе и тѣмъ крупнѣе могутъ быть предпріятія въ которыхъ изготовляется какой-нибудь товаръ. Величина предпріятія означаетъ, какъ извѣстно, уменьшеніе издержекъ производства, ростъ производительности труда. Она обозначаетъ при прочихъ равныхъ условіяхъ—большее раздѣленіе труда, даетъ возможность улучшить средства сообщенія и т. д. и т. п. Знаніе чужого, иностраннаго рынка гораздо болѣе затруднительно, нежели знакомство съ условіями собственнаго внутренняго рынка.

Всѣ эти преимущества большого государства націи 19-го столѣтія видѣли ясно, наблюдали непосредственно. Всѣ онѣ видѣли, какъ расцвѣла Франція съ тѣхъ поръ, какъ были уничтожены таможенныя линіи, раздѣлявшія французскія провинціи. Каждое государство—только одна нація, каждая нація—государство! Таковъ принципъ нарождающагося капитализма.

Понятно, что *маленькое* государство слабѣе не только экономически, но и *политически*. Капиталисту нужно такое государство, которое въ состояніи было бы защитить его интересы, поддержать ихъ, если нужно, силой оружія. Для этого опять-таки необходимо, чтобы національное государство было вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности *большимъ* государствомъ. Отсюда еще одинъ мотивъ къ стремленію освобождать соплеменниковъ изъ подъ иноземнаго владычества и присоединять къ своему единому національному государству [1]).

Ни одно изъ современныхъ большихъ государствъ не возникло сразу, какъ національное государство. Напротивъ, почти всѣ они возникли, какъ государства національностей, или лучше сказать, какъ конгломератъ племенъ, еще не составившихъ націю въ подлинномъ смыслѣ слова. И большинство изъ этихъ государствъ еще и теперь носятъ на себѣ слѣды ихъ построенія на основѣ различныхъ національностей. Въ чистомъ безпримѣсномъ видѣ сложное общественное явленіе дается намъ рѣдко. Но тѣмъ не менѣе эпоху 1789—1871 г.г. мы имѣемъ полное право характеризовать, какъ эпоху низверженія абсолютизма и *окончательнаго* образованія *національныхъ* государствъ въ Европѣ—эпоху, сопровождающуюся цѣлымъ рядомъ *національныхъ* войнъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли.

Родина современнаго государства это—страна, въ которой капиталистическое товарное производство возникло и развилось раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было—Италія [2]). Первымъ современнымъ государствомъ были тѣ богатыя итальянскія городскія республики, въ которыхъ классъ капиталистовъ впервые сумѣлъ использовать государство, какъ орудіе своей классовой политики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ исторіи разрываетъ Италію на множество мелкихъ и крупныхъ государствъ, которыя впослѣдствіи стали добычей испанскаго, французскаго и австрійскаго господства. И полное національное объединеніе Италіи завершается позднѣе всѣхъ другихъ большихъ европейскихъ государствъ—за исключеніемъ одной Германіи.

Борьба за созданіе національныхъ государствъ заполняетъ собой цѣлый рядъ десятилѣтій въ 19-мъ вѣкѣ, принимая чрезвычайно драматическія формы, приводя къ ряду войнъ и народныхъ движеній, служа импульсомъ для ряда революцій. Борьба за свободу Италіи, за объединеніе Германіи, за освобожденіе Греціи, Болгаріи, Сербіи и Румыніи отъ турецкаго вла-

---

[1]) Бауэръ., 171.

[2]) Ср. Отто Бауеръ, Ibid, 184—190, ср. также К. Каутскій, «Nationalität und Internationalität»,

дычества, борьба Ирландіи за гомруль, борьба поляковъ за возстановленіе польскаго государства вплоть до возстанія 1863 г.— все это звенья одной и той же цѣпи событій. Все это—величайшей исторической важности эпизоды изъ эпохи борьбы за національное государство. Эта борьба затянулась на Балканахъ до 1912—13 г.г., и еще въ 1914—16 г. мы слышимъ слабые отзвуки ея въ захолустныхъ уголкахъ всеевропейской войны.

Въ общемъ и цѣломъ эпоха національныхъ войнъ для западной и центральной Европы закончена 1871-мъ годомъ. Старая эпоха отошла въ прошлое. Новая—имперіалистская—эпоха можетъ тамъ и сямъ осложняться моментами національной борьбы. Въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ намъ не дано явленіе и здѣсь. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ основномъ мы имѣемъ теперь дѣло съ принципіально иной эпохой.

Борьба за національное государство есть длительный процессъ, занявшій въ исторіи много десятилѣтій. «Начиная съ исхода среднихъ вѣковъ, исторія работаетъ надъ конституированіемъ Европы на базѣ большихъ національныхъ государствъ»— пишетъ Фр. Энгельсъ въ его посмертной работѣ «Gewalt und Oekonomie bei der Herstellung des neuen deutschen Reiches» [1]). «Только такія государства—продолжаетъ Энгельсъ,—являются нормальной политической конституціей господствующей европейской буржуазіи. Они же являются необходимой предпосылкой для созданія гармоническаго интернаціональнаго сотрудничества народовъ, безъ котораго невозможно господство пролетаріата».

Съ развитіемъ торговли, земледѣлія, индустріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ усиленіемъ позиціи буржуазіи, всюду возросло національное чувство, раздробленные и угнетенные народы стали добиваться объединенія и самостоятельности. Революція 1848 г., поэтому, повсюду, кромѣ Франціи, гдѣ національное единство уже было достигнуто, имѣла задачей удовлетворить не только общеосвободительныя требованія народовъ, но и въ такой же мѣрѣ—національныя.

Послѣ 1789 года 1848-ой «безумный» годъ является наиболѣе важной исторической датой той эпохи, которая завершается 1871-мъ годомъ. Буржуазія окончательно стала чувствовать себя главной силой въ пробуждающейся къ новой жизни Европѣ. Чѣмъ бы ни кончился непосредственно 1848-й годъ, буржуазія ясно сознавала, что старому сонному царству,

---

[1]) См. эту серію замѣчательныхъ статей Энгельса, напечатанныя срвилейномъ въ «Neue Zeit» 1895/96, XIV. Jahrg., B. I S. 679.

старой летаргіи разъ навсегда положенъ конецъ. Вслѣдствіе открытія калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей и въ результатѣ ряда еще другихъ обстоятельствъ, наступаетъ такое развитіе міровыхъ торговыхъ сношеній и такой расцвѣтъ торговыхъ дѣлъ, какого не было еще никогда доселѣ. Буржуазія каждой страны должна была подумать о томъ, чтобы успѣшнѣе пріобщиться къ этому новому развитію, обезпечить себѣ свою часть.

Энгельсъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ Германію, подробно описываетъ тогдашнее экономическое положеніе въ Европѣ. Для буржуазіи нестерпимо было положеніе, когда черезъ каждую пару миль она натыкалась на новую таможенную заставу, когда единица мѣры, вѣса, денегъ была такъ разнообразна и хаотична, когда на каждомъ шагу промышленность тормазилась бюрократическими и фискальными препятствіями, когда національная раздробленность и Kleinstaaterei (обиліе мелкихъ государствъ) становились прямой, для каждаго буржуа ощутительной помѣхой въ развитіи индустріи. Отсюда—стремленіе буржуазіи къ единому національному государству.—«Отсюда видно,—замѣчаетъ Энгельсъ,—какъ *стремленіе къ объединенному «отечеству»* имѣло очень *матеріальную основу*» [1]).

Національныя войны и національныя революціи.

Движеніе въ сторону національнаго государства *неизбѣжно* должно было развиваться. Но это вовсе не значитъ, что въ дѣйствительной жизни все шло гладко, что не было элементовъ противодѣйствія этому исторически-необходимому процессу. Арена историческаго развитія не тротуаръ Невскаго проспекта—можно было бы сказать, слегка перефразируя Н. Г. Чернышевскаго. Здѣсь всегда переплетаются различныя силы, дѣйствія и противодѣйствія, элементы притяженія и отталкиванія, элементы прогресса и реакціи, движенія впередъ и движенія назадъ.

На пути къ достиженію исторически-необходимаго и всей экономикой обусловленнаго національнаго государства стояли династическіе интересы правящихъ домовъ, стояли интересы дворянства и аристократіи, продолжавшихъ борьбу съ буржуазіей за власть, стояли интересы всей контръ-революціонной Европы. Отсюда понятно, почему путь къ національному государству лежалъ черезъ рядъ войнъ и революцій.

---

[1]) Ibid. 680-681.

Послѣ 1814 года войны и революціи распредѣлялись болѣе или менѣе равномѣрно. Почти всѣ онѣ сосредоточивались въ краткіе періоды волненій 1820—1823, 1830—1835, 1847—1850, 1859—1870. Нѣкоторую періодичность войнъ и революцій замѣтили даже буржуазные историки [2]). А Энгельсъ въ 1885 году указалъ на то, что со времени французской революціи, (которая, считая всѣ послѣдовавшія за ней событія, продолжалась отъ 1789 до 1815) революціи и вообще большія политическія перетасовки совершаются въ Европѣ періодически приблизительно черезъ каждые 15—18 лѣтъ: 1815—1830, 1848—52, 1870—71.

Войны французской революціи начались подъ знаменемъ борьбы противъ иноземнаго господства, подъ знакомъ защиты національной свободы. Наполеоновская эпоха превратила эти войны въ ихъ прямую противоположность. Наполеонъ топталъ ногами національное чувство цѣлаго ряда народовъ. Но вотъ Наполеонъ побѣжденъ. Казалось бы, теперь принципъ національной свободы долженъ восторжествовать. На дѣлѣ оказывается нѣчто совсѣмъ другое. Національной свободѣ становятся поперекъ дороги *династическіе* интересы. На Вѣнскій конгрессъ (1815 г.) собираются не подлинные представители народовъ, а князья и дипломаты. Для Вѣнскаго конгресса малѣйшая династія, по выраженію Энгельса, значитъ больше нежели самый великій народъ. Германія и Италія вновь раздроблены и превращены въ мелкія государства, Польшу дѣлятъ въ четвертый разъ, Венгрія остается подъ ярмомъ. Карта Европы перекроена какъ будто со спеціальной цѣлью показать все безстыдство и тупоуміе государственныхъ мужей и дипломатовъ, съ одной стороны, и все безсиліе, всю безпомощность въ данный историческій моментъ европейскихъ народовъ, съ другой стороны.

Положеніе, созданное Вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 году, неминуемо чревато было цѣлымъ рядомъ новыхъ потрясеній. Національныя стремленія были подавлены грубой рукой. Но они скоро дадутъ о себѣ знать вновь. Ихъ можно на время отсрочить, но нельзя убить того, что заложено въ условіяхъ всей эпохи, того, что имѣетъ глубочайшіе экономическіе корни по всей хозяйственной жизни даннаго періода.

Національныя движенія въ Европѣ особенно оживляются на рубежѣ 2-го и 3-го десятилѣтія 19-го вѣка. Они стимулируются, съ одной стороны, русско-турецкой войной 1828—1829 г., съ другой стороны—іюльской революціей 1830 г. во Франціи.

---

[2]) См., напр., Сеньобосъ «Политическ. Истор. Соврем. Европы», Ч. II, 421.

Въ непосредственной связи съ русско-турецкой войной начинается война грековъ за независимость. Этимъ положено начало тѣмъ движеніямъ на Балканахъ, которыя еще до нашихъ дней не нашли своего полнаго завершенія.

Вслѣдъ за іюльской революціей во Франціи начинаются движенія—въ Бельгіи за освобожденіе изъ подъ власти Голландіи, въ Польшѣ—за національную независимость отъ Россіи, въ Италіи—за національное освобожденіе изъ подъ ига Австріи. Во всѣхъ этихъ странахъ возстанія подготовлены долгими годами національнаго гнета. Іюльская революція лишь даетъ толчекъ, служитъ импульсомъ, ускоряетъ событія, назрѣвшія во всемъ ходѣ исторіи.

Вѣнскій конгрессъ 1815 г. не только кромсалъ и дѣлилъ народы по своему благоусмотрѣнію, но и соединялъ ихъ въ такихъ комбинаціяхъ, какъ это казалось ему выгоднымъ для реакціонныхъ монархій Европы. Королевство соединенныхъ Нидерландовъ и было однимъ изъ плодовъ реакціонной политики Священнаго Союза. Бельгія была объединена съ Голландіей подъ скипетромъ короля Вильгельма I (Оранскаго). Соединенные Нидерланды нужны были державамъ, побѣдившимъ Наполеона, какъ сильный оплотъ противъ Франціи.

Фактически Бельгія этимъ отдана была подъ власть Голландіи. Вильгельмъ голландскій усиливалъ свой гнетъ надъ Бельгіей съ каждымъ днемъ. Гнетъ этотъ давалъ себя чувствовать бельгійцамъ во всѣхъ областяхъ жизни. При сліяніи Бельгіи съ Голландіей первая имѣла лишь на 30 милліоновъ гульденовъ долговъ, вторая—на 2 милліарда гульденовъ. А тяжесть общей государственной задолженности одинаково распредѣлялась и на Бельгію и на Голландію. Государственнымъ языкомъ и для Бельгіи былъ объявленъ голландскій языкъ.

Все это не могло не вызывать волненій. Въ 1828 и 1829 годахъ движеніе выливается въ форму петицій; подъ петиціей протеста собрано первый разъ 70.000, а второй разъ 300.000 подписей. Сначала бельгійцы требуютъ только реформъ, только широкой автономіи. Но постепенно движеніе наростаетъ и выдвигается на сцену требованіе полной независимости, полнаго отдѣленія отъ Голландіи. Вильгельмъ теперь спѣшитъ съ отдѣльными уступками. Но—уже поздно. Въ концѣ августа 1830 г. подъ впечатлѣніемъ іюльскихъ дней въ Парижѣ, движеніе въ Брюсселѣ усиливается. 24 іюля долженъ былъ праздноваться день рожденія короля. На улицахъ Брюсселя появляются афиши съ анонсомъ: «23-го—фейерверкъ, 24-го—иллюминація,

25-го—революція» [1]). Брюссель возстаетъ. Движеніе перекидывается въ другіе крупные центры Бельгіи. Бельгійскіе солдаты, находящіеся въ объединенной арміи, переходятъ на сторону возставшаго бельгійскаго народа. Голландскія войска идутъ войной на Бельгію. Происходитъ знаменитая въ исторіи бомбардировка Антверпена. Бельгійское національное собраніе провозглашаетъ независимость Бельгіи. Вильгельмъ Оранскій продолжаетъ сопротивляться, используя различныя международныя комбинаціи. Всѣ перипетіи борьбы потребовали почти цѣлаго десятилѣтія. Только 19-го апрѣля 1839-го года Бельгія была окончательно признана независимымъ нейтральнымъ государствомъ. И въ ней укрѣпилась бельгійская монархія...

Не меньшій откликъ встрѣтила іюльская революція—въ Польшѣ. Польское возстаніе 1830 года подавлено было вооруженной рукой... Не будемъ распространяться о немъ подробнѣе... Историческое значеніе его общеизвѣстно...

Въ 1831 году начинается рядъ національно-революціонныхъ движеній въ Италіи—Модена, Реджіо, Болонья, Парма и т. д. Бурнымъ потокомъ прорывается ненависть къ чужеземному австрійскому гнету. Австрійскія войска въ сотрудничествѣ съ «отечественными» угнетателями итальянскаго народа подавляютъ движеніе огнемъ и мечемъ. Висѣлицы, штыкъ, тюрьмы поставлены въ порядокъ дня. Гибнутъ тысячи борцовъ за итальянское освобожденіе...

Всякій крупный переломъ, всякая европейская революція, всякая крупная война въ эту эпоху неизмѣнно выдвигаютъ на очередь національные вопросы и національныя движенія. Ибо—*эти* вопросы въ данную эпоху являются самыми больными, ибо они заложены во всѣхъ условіяхъ тогдашней исторической действительности...

На 1—2 десятилѣтія движеніе къ національной свободѣ подавлено, загнано внутрь. Съ величайшимъ напряженіемъ силъ контръ-революціонный европейскій союзъ добивается этой оттяжки. Въ революціяхъ 1848-го года вопросъ о національномъ государствѣ поставленъ на очередь съ новой силой. Поставленъ, но—опять не рѣшенъ. Ни одна изъ революцій 1848 года не заканчивается полной побѣдой народа. Внѣшнія вмѣшательства болѣе отсталыхъ государствъ мѣстами опять оказываютъ рѣшающее вліяніе на исходъ освободительной борьбы

[1]) А. Штернъ, «Исторія Европы 1830—1848» г.г., т. I, стр. 100 (нѣм. изд.).

народовъ. Достаточно назвать вмѣшательство Россіи въ венгерскую революцію...

Войны эпохи 1848—1871 годовъ носятъ по преимуществу національный характеръ. Но это вовсе не значитъ, что въ теченіе этихъ годовъ мы не видимъ и другихъ войнъ, въ которыхъ рѣшающимъ моментомъ является просто стремленіе къ захвату чужихъ территорій, войнъ, которыя вызваны колоніальной политикой старыхъ колоніальныхъ государствъ, какъ Англія и т. п. Такой характеръ носятъ войны Англіи противъ Китая въ 1840—1856—1860 годахъ. Такова русско-турецкая война 1828 года, которую тогда удалось локализировать, и такова же во многихъ отношеніяхъ Крымская война, которая осложнилась вмѣшательствомъ ряда другихъ государствъ. Тогда, въ національную эпоху, *національная* война эпизодически осложнялась и перемѣшивалась съ элементами колоніальныхъ захватовъ. Въ нынѣшнюю, имперіалистскую, эпоху *имперіалистскія* войны эпизодически могутъ иногда осложняться моментомъ національнымъ,—ибо на самомъ дѣлѣ національный моментъ играетъ теперь совершенно подчиненную ничтожную роль. Но сами эпохи—совершенно различны...

1848-ой годъ поставилъ національную проблему самымъ острымъ образомъ. И чѣмъ больше со времени контръ-революціи 1849 года представители стараго режима стараются подавить національныя стремленія, тѣмъ съ большей силой разгорается движеніе внутри угнетенныхъ національностей. Національный вопросъ становится самымъ важнымъ вопросомъ въ Европѣ, осью всей европейской политики. Жизнь настолько выдвигаетъ этотъ вопросъ на первый планъ, что такая фигура, какъ Наполеонъ Третій, всю свою карьеру въ сферѣ международной политики въ сущности построилъ именно на національной проблемѣ. Бонапартистская игра въ «принципъ національностей» является альфой и омегой его «системы». «Національную» политику ведетъ онъ въ теченіе всѣхъ почти полныхъ 20 лѣтъ, во время которыхъ онъ безраздѣльно хозяйничалъ надъ Франціей. И впослѣдствіи вторая виднѣйшая фигура этой же приблизительно эпохи—Бисмаркъ—выдвигается на первый планъ черезъ посредство той же «Nationalitätenpolitik». («національной политики»).

Между Наполеономъ Третьимъ и Бисмаркомъ существуетъ, конечно, громадная разница. Первый лавировалъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, а второй между юнкерствомъ и буржуазіей, первый представлялъ Францію, которая уже въ теченіе долгаго времени сама играла роль угнетательницы на-

родовъ (Германіи—въ первую очередь), а второй представлялъ интересы раздробленной и національно-угнетенной Германіи. Но у Наполеона Третьяго и у Бисмарка масса общихъ чертъ, вся эпоха одинаково наложила на нихъ свой неизгладимый отпечатокъ. Энгельсъ и Марксъ были совершенно правы, когда многократно утверждали, что Наполеонъ III «въ переводѣ на нѣмецкій языкъ» и будетъ—Бисмаркъ.

Наполеонъ III велъ свою «національную» политику по выраженію Бисмарка, ради Trinkgeld'а («на чаекъ»). Бонапартизмъ не могъ держаться *внутри* Франціи, не поправивъ своихъ дѣлъ на *международной аренѣ*, не добившись того, чтобы Франція заняла опять одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейскомъ концертѣ, не получая время отъ времени «на чаекъ», въ формѣ аннексій и «компенсацій». Но весь духъ времени былъ таковъ, что для осуществленія этой задачи такому политику, какъ Наполеонъ III, ничего не оставалось какъ *эксплуатировать борьбу угнетенныхъ народностей за ихъ освобожденіе* изъ подъ иноземнаго владычества. У Наполеона III всегда былъ политическій нюхъ. Онъ вѣрно оцѣнилъ, что тутъ на лицо громадной жизненной важности процессъ, что національный вопросъ не сойдетъ уже съ очереди пока вопросъ о національномъ государствѣ не будетъ рѣшенъ, и что если умѣло присосаться къ этой проблемѣ, то на его вѣкъ хватитъ политической добычи.

Во время Крымской войны Наполеонъ III сначала предлагалъ организовать противъ Россіи національную войну всѣхъ *кавказскихъ* народовъ, а затѣмъ—поднять поляковъ и финляндцевъ. Во время Итальянской войны (1859) Наполеонъ III пытался черезъ Кошута поднять венгерцевъ противъ Австріи. Вообще вся «итальянская» политика Наполеона III, вся его политика поддержки Италіи противъ Австріи руководилась тѣмъ же стремленіемъ: поэксплуатировать въ свою пользу назрѣвшее въ соціальныхъ условіяхъ дѣло національнаго объединенія угнетенныхъ и національно-раздробленныхъ народовъ.

— «Пресловутый принципъ національностей есть бонапартистское изобрѣтеніе на предметъ вящшаго утвержденія Наполеоновскаго деспотизма въ самой Франціи... Послѣ coup d'etat (государственнаго переворота) 1851 года Луи Наполеонъ, этотъ императоръ «божьей милостью и волею народа», долженъ былъ найти такой пароль для прикрытія своей иностранной политики, который звучалъ-бы демократически и популярно. Что могло быть лучше, какъ написать на своемъ знамени «принципъ національностей»?

Такъ пишетъ о «національной политикѣ Луи Наполеона Фридрихъ Энгельсъ[1]) еще въ 1866 году, т. е. за 4 года до того, какъ закатилась звѣзда Наполеона III.

Уже Парижскій конгрессъ, созванный послѣ Крымской войны въ 1856 году, принесъ съ собою большую политическую побѣду для Наполеона III. Онъ добился не только того, что бонапартистская Франція вновь заняла «подобающее» мѣсто въ концертѣ великихъ державъ, онъ добился также автономіи для румынской націи и постановки на очередь *итальянскаго* національнаго вопроса. Національный вопросъ въ обѣихъ этихъ странахъ служилъ для него предметомъ спекуляціи—на ряду съ еще болѣе грандіозной и прибыльной спекуляціей, которую для него представляла національная раздробленность Германіи.

Легенда гласитъ, что еще въ ранней молодости, а затѣмъ и по восшествіи на престолъ, Наполеонъ III будто бы далъ торжественную Аннибалову клятву посвятить свою жизнь работѣ надъ освобожденіемъ и объединеніемъ Италіи, какъ младшей сестры Франціи, связанной съ нею общностью латинской культуры. Правда, впослѣдствіи Наполеонъ III какъ будто позабылъ объ этой клятвѣ, и Орсини, другъ Мадзини, долженъ былъ въ январѣ 1858 г. покушеніемъ на жизнь Наполеона 3-го напомнить послѣднему объ его Аннибаловой клятвѣ...

Въ дѣйствительности дѣло обстояло гораздо проще. Итальянское объединеніе, всѣ національные вопросы, связанные съ итальянскимъ объединеніемъ были для бонапартистской Франціи *предметомъ своекорыстнаго гешефта*. Громадный національный подъемъ въ итальянскомъ народѣ, бурное и страстное движеніе всколыхнувшее до дна всю народную Италію, вызвавшее рядъ національно-демократическихъ возстаній, выдвинувшее «молодую Италію», породившее такія фигуры, какъ Гарибальди и Мадзини,—это движеніе французская бонапартистская буржуазія, въ лицѣ главныхъ ея дѣльцовъ и дипломатовъ, эксплуатировала въ свою пользу. Въ 1859 году Наполеонъ III активно помогъ Сардиніи противъ Австріи. Въ 1866 году своимъ нейтралитетомъ онъ помогъ Пруссіи противъ Австріи. Оба раза онъ какъ будто содѣйствовалъ дѣлу національнаго объединенія—первый разъ объединенію Италіи, второй разъ объединенію Германіи. Но ходъ міровой исторіи на дѣлѣ былъ таковъ, что національное объединеніе *и* Италіи *и* Германіи было окончательно упрочено

[1]) Frederic Engels «What hare the working classes to do with polrad?» (To the Editor of the «Commonwealth»), статьи изъ журнала «The Commonwealth». Воспроизведены въ «Архивѣ» Грюнберга Н. Рязановымъ. «Archiv», Band 11, стр. 214, 215.

лишь послѣ паденія имперіи Бонапарта и пораженія самого Наполеона III въ войнѣ 1870—71. г.г.

Войны 1859, 1864, 1866 и 1870—71 г.г. тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Только въ суммѣ своей эти четыре войны принесли объединеніе Италіи и Германіи и свергли имперію во Франціи. Пэотому въ нашемъ изложеніи мы будемъ систематически прослѣживать ходъ событій въ теченіе всѣхъ этихъ четырехъ національныхъ войнъ.

Національное объединеніе Италіи.

Національная раздробленность Италіи (и Германіи), какъ мы уже замѣтили, была для бонапартистской Франціи сущимъ кладомъ. Вся иностранная политика Наполеона 3-го «оріентировалась» на эту раздробленность и вытекающія изъ нея войны и народныя движенія. Наполеонъ 3-ій считалъ, какъ выразился однажды Энгельсъ, своимъ неотъемлемымъ правомъ человѣка и гражданина эксплуатацію національнаго движенія въ этихъ двухъ странахъ—съ цѣлью выторговывать себѣ «компенсаціи». И пока дѣло касалось Италіи, эта политика удавалась Наполеону III.

Со времени 1849 года въ Италіи неограниченно господствовала Австрія, противъ которой внутри раздробленной и подчиненной иноземному господству Италіи, конечно, росло народное недовольство. Національное движеніе въ пользу объединенія Италіи, естественно, наростало съ каждымъ годомъ. Экономическое развитіе страны повелительно требовало объединенія. Эта задача не могла уже сойти съ очереди то того или иного разрѣшенія ея.

Но кромѣ того и международное дипломатическое положеніе благопріятствовало теперь выступленію противъ угнетательницы Италіи, Австріи. И за это ухватился Наполеонъ III. Австрія послѣ Крымской войны служила какъ бы козломъ отпущенія для всѣхъ правительствъ. Крымская война принесла этимъ послѣднимъ очень тощіе результаты. Западныя державы (Англія, Франція) не хотѣли вести эту войну въ серьезъ. Послѣ войны онѣ стали обвинять Австрію въ томъ, что въ исходѣ войны будто бы виновата *ея* нерѣшительность—которая на дѣлѣ была обусловлена ихъ же собственнымъ поведеніемъ.[1])

---

[1]) Энгельсъ называетъ Крымскую войну сплошной колоссальной комедіей ошибокъ, гдѣ на каждомъ шагу приходится спрашивать себя: кто-же кого надуваетъ? Но эта комедія стоила человѣчеству почти цѣлаго миллiона жизней. Англія вела войну, чтобы не допуститъ дальнѣйшаго укрѣп-

Кромѣ недовольства со стороны Англіи и Франціи Австрія навлекла на себя еще, разумѣется, недовольство со стороны Россіи. За помощь, оказанную Австріи въ 1849 году оффиціальной Россіей въ Венгріи, Австрія во время крымской войны отплатила ей черной неблагодарностью. Понятно, что Россія теперь не могла не сочувствовать нападенію на Австрію. Имѣя на сторонѣ своего плана Англію, Россію и Италію, Наполеонъ III могъ, конечно, не считаться съ Пруссіей, которую послѣ Парижскаго конгресса вообще третировали свысока. Война противъ Австріи за освобожденіе Италіи «до Адріатики» весной 1859 года была такимъ образомъ провозглашена, при благосклонномъ содѣйствіи Россіи. Вышло такъ, что за идею свободы народовъ, за національное объединеніе борется не только своекорыстная бонапартистская Франція, но и... старая дореформенная Россія. Картина для боговъ! Само національное движеніе въ Италіи глубоко прогрессивно и назрѣло въ условіяхъ всей хозяйственной и политической жизни. А къ этому глубоко жизненному и, при тогдашнихъ условіяхъ, прогрессивному движенію присасываются въ цѣляхъ его своекорыстной эксплоатаціи темныя силы реакціонной Европы!.. Таковы капризы исторіи

Весной 1859 года война была провозглашена, а лѣтомъ того же года она была уже закончена. Позиція Австріи въ Италіи не была окончательно подорвана. Объединеніе Италіи въ полной мѣрѣ предначертанной программы не удалось. Только Пьемонтъ добился расширенія. Но за то бонапартовская Франція получила Савойю и Ниццу. Наполеонъ III получилъ свой «Pourboir» («на часкъ»). Исполнилась мечта бонапартистовъ. На франко-итальянской сторонѣ возстановлены границы 1801 года.

Итальянскій народъ, разумѣется, не могъ признать себя вполнѣ удовлетвореннымъ такимъ исходомъ войны. Чтобы окончательно завершить дѣло объединенія Италіи, понадобилась, кромѣ войны, еще революція. А чтобы окончательно *закрѣпить* дѣло объединенія Италіи, кромѣ войны и революціи въ Италіи, понадобились еще три другихъ войны и революціи во Франціи.

Въ Италіи въ ту пору преобладала еще собственно мануфактура; крупная промышленность еще только зач налась. Рабочій классъ далеко еще не весь былъ экспропріированъ и пролетаризированъ; въ городахъ рабочіе часто еще владѣли своими

ленія Россіи за счетъ Турціи. Но внѣ этихъ предѣловъ для нея и для Франціи это была лишь «Scheinkrieg», лишь показная война. Только тогдашняя русская дипломатія ухитрилась превратить эту войну въ рядъ серьезныхъ неудачъ для Россіи. См. названныя статьи Энгельса въ «Neue Zeit», 682, 683.

собственными средствами производства, въ деревнѣ преобладалъ мелкій крестьянинъ собственникъ или арендаторъ, для котораго заработки въ городахъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности были только отхожимъ промысломъ. Поэтому энергія итальянской буржуазіи не была еще парализована наличностью классовыхъ противорѣчій между нею и зрѣлымъ сознательнымъ пролетаріатомъ.[1]) Отъ итальянской буржуазіи не совсѣмъ еще отлетѣлъ революціонный духъ-живъ. Исторіей ей была еще предначертана революціонная миссія.

Національнымъ угнетателемъ Италіи оставалась Австрія. Она поддерживала итальянскую раздробленность. Но она имѣла внутри Италіи болѣе или менѣе преданныхъ друзей въ лицѣ итальянскихъ князей, правителей отдѣльныхъ итальянскихъ провинцій. Уничтоженіе національной раздробленности для этихъ князей равнялось лишенію власти и доходовъ. Только подъ покровительствомъ иноземной державы, Австріи, могли они поддерживать режимъ угнетенія и внутри-государственной чрезполосицы. Въ общественномъ мнѣніи страны враждебное отношеніе къ итальянскимъ князьямъ, поэтому, связывалось съ враждебнымъ отношеніемъ къ ненавистной Австріи. Господство князей отождествлялось съ иноземнымъ владычествомъ Австріи. Злоба и ненависть противъ Австріи переносилась и на итальянскихъ правителей. Національное движеніе противъ внѣшняго чуженаціональнаго господства Австріи, такимъ образомъ, становилось вмѣстѣ съ тѣмъ революціоннымъ движеніемъ итальянскаго народа противъ его внутреннихъ правителей, противъ собственныхъ итальянскихъ князей. Итальянскіе князья стояли помѣхой на пути къ объединенію итальянскаго отечества. Чтобы добиться освобожденія и объединенія отечества, итальянскому народу надо было не только обезвредить внѣшняго врага, но и побороть собственнаго внутренняго врага. Въ томъ-то, между прочимъ, и заключается глубокая политически-прогрессивная сторона *подобныхъ* національныхъ движеній, что они должны были приводить къ непримиримой борьбѣ (част прямо къ гражданской войнѣ) народныхъ массъ противъ верхушки пирамиды...

Въ Италіи, благодаря описаннымъ выше условіямъ, передовымъ борцомъ за національную независимость явилась городская буржуазія. Ее поддерживали не только городскія народныя массы, но въ значительной мѣрѣ и земельное дворянство, интересы котораго тоже часто сталкивались враждебно съ режимомъ, созданымъ князьями, подслуживавшимися къ Австріи.

[1]) Ср. Энгельсъ, тамъ-же, стр. 684 и др.

Это придавало національному движенію итальянцевъ громадную силу. Послѣ войны 1859 года главной задачей осталось сверженіе иноземнаго господства въ Венеціи. Вмѣшательство Франціи и Россіи стало теперь невозможно. Національно-революціонное движеніе въ Италіи разросталось и принимало все болѣе бурный темпъ. Оно выдвинуло изъ своихъ нѣдръ такую исполинскую фигуру, какъ Гарибальди. Съ какой-нибудь тысячью добровольцевъ онъ побѣдилъ все королевство Неаполь, нанесъ сокрушительный ударъ интересамъ Бонапарта и фактически объединилъ Италію. Италія была свободна, и по существу дѣла объединеніе ея— почти завершено. И это удалось не благодаря хитроумнымъ ходамъ Наполеона III, а благодаря—революціи...

Но для полнаго объединенія и послѣ 1866 года не хватало еще присоединенія Рима..

Понадобилось пораженіе Наполеона III въ франко-прусской войнѣ, чтобы стало осуществимымъ и присоединеніе Рима. Въ августѣ 1870 года французскія войска Наполеона III должны были покинуть Римъ, чтобы отправиться на защиту французскихъ позицій противъ прусскихъ армій. Папа Пій 9-ый тѣмъ не менѣе отклонялъ всякіе мирные переговоры съ королемъ Италіи относительно присоединенія Рима. Тогда король Викторъ Эмануилъ 2-ой прибѣгъ къ силѣ. 20 сентября 1870 года итальянская армія начала обстрѣлъ Рима. Вѣчный городъ сдался. Населеніе Рима 133681 голосомъ противъ 1507[1]) высказалось за присоединеніе къ королевству Италіи. Объединеніе было завершено. Черезъ короткое время резиденція короля могла быть перенесена въ Римъ...

Національное объединеніе Германіи.

Иными путями шло дѣло объединенія *Германіи.* Если въ Италіи крупнѣйшую роль сыграла революція снизу, то въ Германіи рѣшающее значеніе имѣла бисрмаковская революція сверху.

Германія съ самаго начала 19-го вѣка и еще въ болѣе раннія времена переживаетъ очень длинную и очень тяжелую эпоху самаго отчаяннаго національнаго угнетенія, главнымъ образомъ, со стороны Франціи. Много разъ завоеватель производилъ опыты на живомъ тѣлѣ Германіи, увеличивая ея раздробленность, многократно перекраивая ее, то такъ, то иначе, подчиняя себѣ прямо или косвенно то тѣ, то иныя ея части.

---

[1]) Ср. «Geschichte der neuesten Zeit»-von Gottlob Egelhaaf, Stuttgart 1908.

Германію угнетала не только Францiя, но и Россiя. Во время мира въ Teschen'ѣ (1779) Россiя выступаетъ рядомъ съ Францiей, какъ протекторъ Германiи, и Германiя становится прямымъ объектомъ дѣлежа между Францiей и Россiей. Во время Тильзитскаго мира (1807) Россiя не мало содѣйствуетъ позору Пруссiи. Ольмюцъ означалъ высшiй пунктъ влiянiя Россiи въ нѣмецкихъ дѣлахъ и униженiя Пруссiи со стороны Россiи. (Дѣло идетъ о конференцiи въ Ольмюцѣ 29-го ноября 1850 г., вызванной конфликтомъ между Пруссiей и Австрiей изъ за Шлезвигъ-Гольштинiи. Россiя, въ лицѣ Николая 1-го, призвана была третейскимъ судьей. Она заставила Пруссiю отказаться отъ сближенiя съ Шлезвигъ-Гольштинiей и, ставъ на сторону Австрiи, третировала Пруссiю самымъ презрительнымъ образомъ).

Но въ теченiе 7 ½ вѣковъ иноземнаго угнетенiя Германiя особенно натерпѣлась со стороны Францiи. Апогеемъ была эпоха наполеоновскихъ войнъ и созданiе Наполеономъ такъ наз. Рейнскаго союза (iюль 1806 г.). Изъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествъ на Рейнѣ Наполеонъ создалъ Rheinbund, подчинилъ его себѣ во всѣхъ отношенiяхъ, выговорилъ себѣ право получать отъ этихъ подчиненныхъ ему нѣмецкихъ земель армiю въ 63 тысячи солдатъ при любой войнѣ Францiи противъ любой державы, даже противъ нѣмецкой. Наполеонъ не довольствовался соревнованiемъ между Пруссiей и Австрiей. Въ лицѣ Рейнскаго Союза Наполеонъ стремился создать еще «третью Германiю» (La troisieme Allemagne) дабы обострить противорѣчiя среди нѣмцевъ, увеличить раздробленность и создать положенiе, при которомъ объединенiе Германiи становилось еще болѣе невозможнымъ. Конституцiя Рейнскаго Союза была величайшимъ униженiемъ Германiи— настолько большимъ, что кайзеръ счелъ лучшимъ прямо отказаться отъ нѣмецкой короны. Нѣмецкiй историкъ Гентцъ называетъ эту конституцiю «позорной конституцiей народовъ-рабовъ, подчинившихся нѣсколькимъ деспотамъ, которые въ свою очередь подчинились одному оберъ-деспоту»[1]). Самый жестокiй миръ, который когда либо Наполеонъ навязалъ своимъ побѣжденнымъ противникамъ, былъ миръ въ Тильзитѣ. Наполеонъ прописалъ Пруссiи, по выраженiю Маркса, лошадиную дозу репрессiй. Пруссiя была въ буквальномъ смыслѣ искалѣчена. Ей оставили только 2856 кв. миль съ 4.594.000 жителей. Да и то лишь по ходатайству Александра 1-го. Россiя получила Бѣлостокъ. Александръ 1 съ-

---

[1]) Ср. «Handbuch der deutschen Geschichte» herausg. von Bruno Gebhardt, стр. 403 и др.

Наполеономъ заключили тайный оборонительный и наступательный союзъ. Россіи предоставлено было владычество на всемъ Востокѣ, Франціи—на западѣ. Въ ходѣ т. н. освободительныхъ войнъ, продолжавшихся до 1815 года, Германія дала отпоръ Франціи. Но національное угнетеніе ея не прекратилось. Политика препятствій объединенію Германіи перешла по наслѣдству отъ Наполеона 1 къ Наполеону III. Еще наканунѣ франко-прусской войны Наполеонъ III стоялъ крупнѣйшей помѣхой на пути къ объединенію Германіи. Еще наканунѣ 66-го года онъ выторговалъ себѣ отъ Пруссіи, въ видѣ «компенсаціи» за нейтралитетъ въ ея борьбѣ съ Австріей, земли на Рейнѣ.

Мы говорили уже выше о тѣхъ соціально-экономическихъ факторахъ, которые явились движущими силами къ созданію національныхъ государствъ, къ консолидированію большихъ національно-объединенныхъ хозяйственныхъ территорій. Всѣ эти общія соображенія цѣликомъ относятся и къ объединенію Германіи.

Чуженаціональный гнетъ и государственная раздробленность отражались самымъ роковымъ образомъ на судьбахъ экономическаго развитія Германіи. Сосѣднія страны одна за другой воздвигали таможенныя заставы противъ нѣмецкихъ товаровъ. Англія дѣлала невозможнымъ ввозъ лѣса и хлѣба изъ Германіи. Германія, раздробленная на множество государствъ, не могла настоять на томъ, чтобы иностранныя государства предоставили сколько нибудь подходящія условія нѣмецкимъ купцамъ. Въ петиціи, поданной прусскому королю, нижне-рейнскіе фабриканты писали: «всѣ рынки Европы закрыты для нашихъ товаровъ таможенными заставами, между тѣмъ какъ всѣ товары Ев опы находятъ въ Германіи открытый рынокъ» [1])

Еще болѣе губительно для нѣмецкой промышленности было то обстоятельство, что она не располагала и сколько нибудь широкимъ внутреннимъ рынкомъ. Каждое изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государствъ выдвигало собственныя таможенныя заставы, взимало особыя пошлины и т. п. Болѣе того: даже въ предѣлахъ одного и того же государства отдѣльныя провинціи составляли какъ бы особыя государства и сохраняли отъ среднихъ вѣковъ особыя права, особое законодательство и особыя пошлины. Неудивительно, что тогдашняя Германія съ ея безчисленными заставами напоминила французу де-Прадту огромную тюрьму, обитатели которой могутъ сообщаться другъ съ другомъ только черезъ рѣшетки.

---

[1]) Ср. «Очерки по исторіи Германіи въ 19-мъ вѣкѣ» т. I, стр. 21—22

Еще въ 1806 году существовало 67 отдѣльныхъ таможенныхъ тарифовъ, изъ которыхъ 11 акцизныхъ тарифовъ обнимали цѣлыхъ 2775 предметовъ обложенія [1]).

Даже послѣ 1815 года нѣмецкія княжества и вольные города, доходившіе до цифры 300, составляли цѣлыхъ 39 обособленныхъ территорій.

Лишь постепенно и съ преодолѣніемъ громадныхъ трудностей начинается таможенное объединеніе отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Въ 1841 году къ Zollverein'у (таможенному союзу) присоединяется герцогство Брауншвейгское. Въ 1842 году—Люксембургъ[2]). Въ 1837 и 1839 годахъ Zollverein'у удается заключить первые торговые договоры съ Голландіей, въ 1841 году—съ Англіей, въ 1839—съ Греціей, въ 1841—съ Турціей, въ 1844—съ Бельгіей. Въ 1853 году заключенъ прусско-австрійскій торговый договоръ. [3]) Добрыхъ два десятилѣтія развитія понадобилось на то, чтобы таможенное объединеніе Германіи сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ къ таможенному парламенту. Таможенный парламентъ былъ палліативомъ общегерманскаго объединенія. По договору 8 іюля 1867 года создавался подъ предсѣдательствомъ Пруссіи спеціальный Bundesrat (союзный совѣтъ). Изъ 58 голосовъ Пруссіи принадлежало 17, Баваріи—6, Саксоніи и Вюртембергу по 4, Бадену, Гессену—по 3 и т. д. И рядомъ съ нимъ создавался Zollparlament (таможенный парламентъ), который состоялъ изъ членовъ рейхстага сѣверо-германскаго союза и изъ южно-германскихъ депутатовъ, избранныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Объединеніе Германіи стало острой экономической необходимостью. Но на пути ему стояли многочисленныя препятствія. Прежде всего—раздробленность и военное безсиліе. Молодая Германія не имѣла никакого флота и долгое время не могла помѣряться даже съ маленькой Даніей. Лучшіе нѣмецкіе демократическіе поэты того времени въ своихъ произведеніяхъ давали выраженіе стремленію молодой Германіи къ единству, къ пріобрѣтенію для этого необходимой мощи. О созданіи германскаго флота мечталъ Гервегъ:

«Um deiner Toten Asche musst du streiten
«Ha! Schlummern nicht aus deiner Hansa Zeiten
«Auch deutsche Helden drin?»

---

[1]) Deutsche Geschichte Karl Lamprecht III. B. 1907 г. стр. 421.
[2]) Bruno Gebhard 604.
[3]) Geschichte Europas von 1830 bis 1848 vou Alfred Stern 3. Band 238, 239.

«А Фрейлиграть, будущій интимный другъ Маркса и Энгельса, въ своихъ «Flottentraumen» пѣлъ:

«Sprach irgendwo in Deutschland eine Tanne:
« O konnt ich hoch als deutscher Kriegsmast ragen
« O konnt ich stolz die junge Flagge tragen
« Des einigen Deutschlabs in der Nordsee Banner!»

Видный представитель молодой буржуазной Германіи Фридрихъ Листъ, котораго нѣмецкій историкъ Альфредъ Штернъ [1]) называетъ «пророкомъ нѣмецкаго единства въ политической области и провозвѣстникомъ нѣмецкаго расцвѣта въ хозяйственной области», говоритъ о страшномъ вредѣ, наносимомъ государственной разробленностью интересамъ экономическаго развитія, въ слѣдующихъ словахъ:—«38 таможенныхъ заставъ въ Германіи парализуютъ внутренній оборотъ и производятъ приблизительно такое же дѣйствіе, какъ если бы каждый кровеносный сосудъ нарочито былъ отрѣзанъ отъ другого, дабы помѣшать переливанію крови изъ одного сосуда въ другой. Чтобы вести торговыя сношенія изъ Гамбурга съ Австріей, изъ Берлина со Швейцаріей, приходится прорѣзать десять государствъ, изуч ть десять таможенныхъ системъ, 10 разъ платить пошлины. А кто имѣетъ несчастіе жить на границѣ, гдѣ сходятся 3 или 4 государства, тотъ всю свою жизнь проводитъ въ окруженіи цѣлой враждебной арміи таможенныхъ чиновниковъ, тотъ не имѣетъ отечества» [2]).

«Господство многихъ—рабство всѣхъ»—такова была формула нарождающейся германской крупной буржуазіи. На каждомъ шагу своей хозяйственной дѣятельности она сознавала ту истину, что государственная раздробленность («господство многихъ»; подразумѣвается господство многихъ князей) парализуетъ экономическое развитіе, приводитъ къ «рабству всѣхъ», задерживаетъ экономическій прогрессъ, не позволяетъ капиталистическому развитію идти достаточно быстрымъ темпомъ. Особенно тяжело давала себя знать на каждомъ шагу экономическая зависимость отъ Англіи. «Uneins zu Haus, nach aussen klein» (отсутствіе единства внутри дѣлаетъ насъ слабыми во-внѣ)—эти слова Дингельштедта были тогда на устахъ у всѣхъ образованныхъ представителей нѣмецкой буржуазіи. [3])

Это уже въ ту пору родилась пѣсня:

---

[1]) Geschichte Europas 1830—1848 S. 243—244.
[2]) Цитируемъ по Лампрехту стр. 421.
[3]) Ср. Dr. Gustav Stresemann „Englands Wirtschaftskrieg gegen Deutschland“ 1915 стр. 15 и др.

— Von der Maas bis an die Memel,
Von der Etsch bis an den Belt
Deutschland, Deutschland über alles,
Ueber alles in der Welt.

Достойно быть отмѣченнымъ, что эти стихи написалъ извѣстный *демократъ* Гофманъ, который навѣрное не предчувствовалъ, что впослѣдствіи эта пѣсня станетъ марсельезой юнкеровъ, антисемитовъ и имперіалистовъ. Тогда въ этой пѣснѣ выливалось только стремленіе къ объединенію Германіи, то стремленіе, которое позднѣе Бисмарка выразилъ словами: «Наше право это право нѣмецкой націи существовать, дышать, объединяться»...

Пруссія или Австрія.

Объединеніе Германіи становилось все болѣе неотложной, все болѣе жгучей экономическою необходимостью. Въ 1848—49 годахъ побѣда контръ-революціи отсрочила и германское объединеніе. Послѣ-революціонный періодъ получилъ въ наслѣдство отъ исторіи эту важную задачу. Какимъ же путемъ могло все таки завершиться германское объединеніе, которое къ 60-мъ годамъ стало вновь на очередь со всей силой?

Методовъ было два: *или* посредствомъ революціи *снизу*, т. е. посредствомъ сверженія многочисленныхъ королей и князей и созданія республиканскаго режима; *или* посредствомъ революціи *сверху*, посредствомъ ряда войнъ и поглощенія болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствъ болѣе крупными. Въ послѣднемъ случаѣ вставалъ вопросъ: *Пруссія* или *Австрія*? Какая изъ нихъ совершитъ эту революцію сверху, какая изъ нихъ объединитъ вокругъ себя болѣе мелкія государства? Объединятся ли нѣмецкія государства въ большую Германію (Grossdeutschland), включая Австрію, или Пруссіи удастся вытѣснить изъ германскаго союза Австрію и создать подъ своей диктатурой *малую* Германію (Kleindeutschland)?

— Три пути существовало послѣ того, какъ туманныя попытки 1848 года почти безъ исключенія потерпѣли крахъ, но тѣмъ самымъ и разсѣяли кое-какой туманъ—пишетъ Фр. Энгельсъ.

Первый путь былъ путь подлиннаго объединенія посредствомъ уничтоженія всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, т. е.—открытый революціонный путь. Этотъ путь совсѣмъ недавно привелъ къ успѣху въ Италіи: савойская династія присоединилась къ революціи и благодаря этому заполучила итальянскую корону. На такой смѣлый шагъ не были способны нѣмецкіе савойцы—гогенцоллерны и даже ихъ доморощенные Кавуры à la Бисмаркъ. Народу пришлось бы самому все сдѣлать... (Ему пришлось бы

самому провести рядъ войнъ)... создалось бы положеніе, при которомъ не было другого выхода, кромѣ революціи, изгнанія всѣхъ князей, созданія единой нѣмецкой республики.

Если бы Наполеонъ 3-ій въ началѣ 60-хъ годовъ объявилъ нѣмцамъ войну и сталъ бы ребромъ вопросъ о рейнской границѣ, тогда нѣмецкому народу пришлось бы пойти по этому пути. Но этого *не* случилось. Тѣмъ самымъ создана была возможность отсрочки. Остраго момента, который сдѣлалъ бы необходимость національнаго объединенія жгучимъ вопросомъ, не терпящимъ отлагательства ни на минуту, не оказалось на лицо. Это открыло путь двумъ другимъ возможностямъ.

Второй путь былъ путь объединенія подъ эгидой *Австріи*.

Благодаря политикѣ Наполеона, которому противъ Пруссіи нужна была не слишкомъ слабая Австрія, послѣдняя послѣ 1815 года сохранила болѣе или менѣе округленную территорію. Но она на дѣлѣ все же оказалась слабѣе, чѣмъ Пруссія. На свои прежнія владѣнія въ Южной Германіи она даже уже и сама болѣе не претендовала. Связи ея съ Германіей все болѣе ослабѣвали. Политика Меттерниха приводила къ тому, что Австрія отдѣлялась китайской стѣной отъ остального нѣмецкаго міра. Экономическимъ сношеніямъ чрезвычайно мѣшали безчисленныя пошлины, реакціоннѣйшая паспортная система въ Австріи и т. п. Политическое, идейное, умственное воздѣйствіе затруднялось цензурой. Австрія оставалась самымъ реакціоннымъ государствомъ. Всѣ стремленія ея властителей послѣ 48 года направлены были къ возстановленію до-мартовскихъ отношеній. Къ тому же и религіозный моментъ затруднялъ объединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ эгидою Австріи. Австрія и послѣ революціи осталась специфически-католической страной. Господство іезуитовъ продолжалось. Гегемонія Австріи надъ всей страной, въ которой $^2/_3$ населенія принадлежали бы къ протестантизму, была бы очень нелегка.

Нѣмецкое единство подъ эгидой Австріи было только мечтой. Это обнаружилось съ полной наглядностью въ 1863 году, когда во Франкфуртѣ собрались представители мелкихъ и среднихъ нѣмецкихъ государствъ—чтобы провозгласить Франца Іосифа германскимъ императоромъ. Королю Пруссіи достаточно было просто не явиться, чтобы все это собраніе превратилось въ простую и жалкую комедію.

Оставался еще только *третій* путь: объединеніе Германіи подъ эгидой *Пруссіи*. Путь объединенія *сверху*, ибо—революціонное движеніе германской буржуазіи стало исторической невозможностью. Послѣ февральской революціи наступили мартовскіе дни въ Вѣнѣ и революція 18 марта въ Берлинѣ. Буржуазія

одержала легкую побѣду, не принявъ серьезнаго участія въ борьбѣ. Рѣшительной борьбы она не хотѣла. Еще недавно она заигрывала съ соціализмомъ и коммунизмомъ(особенно на Рейнѣ). Но скоро она замѣчаетъ, что въ Германіи тоже нарождается цѣлый рабочій классъ, который при всей его политической неопытности—инстинктивно революціоненъ и враждебенъ самому господству буржуазіи, какъ класса. Наглядный урокъ даетъ французская жизнь. Тамъ пролетаріатъ выставляетъ уже требованія, явно несоединимыя съ существованіемъ самаго буржуазнаго строя. Тамъ 23 іюня 1848 года дѣло доходитъ до прямого сраженія между буржуазіей и пролетаріатомъ. Послѣ чрезвычайно кровопролитныхъ битвъ пролетаріатъ побѣжденъ. «Съ этого момента масса буржуазіи во всей Европѣ переходитъ на сторону реакціи, заключаетъ союзъ съ только что низвергнутою ею при помощи рабочихъ абсолютистской бюрократіей, противъ «враговъ общества», т. е. противъ тѣхъ же самыхъ рабочихъ.»[1])

Нѣмецкая буржуазія 1848 года безъ всякаго зазрѣнія совѣсти предаетъ крестьянъ, своихъ самыхъ естественныхъ союзниковъ, безъ которыхъ она безсильна противъ дворянства. Во всѣхъ буржуазныхъ революціяхъ размахъ движенію придаетъ судорожное содроганіе крестьянства, рвущагося изъ феодальнихъ оковъ. Нѣмецкая революція 1848 года есть лишь пародія французской революціи 1848 года—такъ писалъ К. Марксъ еще въ «Новой Рейнской Газетѣ».

Примиреніе германской буржуазіи съ реакціей неизбѣжно должно было привести къ тому, что внутри контръ-революціоннаго блока первенствующая роль должна была перейти къ юнкерству. Это наложило неизгладимую печать и на ходъ національнаго объединенія въ Германіи. Объединеніе это, давно уже ставшее экономической и политической необходимостью, беретъ теперь въ руки *Пруссія* въ лицѣ прусскаго *юнкерства*. Прусское юнкерство выдвигаетъ изъ своей среды такую фигуру, какъ кн. Бисмаркъ. Въ 1863 году Бисмаркъ уже у власти. «Желѣзный» канцлеръ начинаетъ осуществлять національное объединеніе путемъ «революціи сверху», посредствомъ политики «крови и желѣза». Германіи предстоитъ рядъ войнъ. Династическій элементъ играетъ въ нихъ большую роль. Но по своему объективному значенію эти войны суть національныя войны—въ нихъ рѣшается вопросъ о прекращеніи національной раздробленности Германіи, о созданіи германскаго единства. Бисмаркъ создаетъ это единство по образу и подобію своему. Въ трехъ кровавыхъ

---

[1]) См. Фр. Энгельсъ Ibid. 685—711.

войнахъ создается единая германская *имперія*, ибо демократія (и соціалъ-демократія) оказалась слишкомъ слаба, чтобы создать единую германскую республику. Эта имперія сразу пріобрѣтаетъ реакціонную юнкерскую окраску, несмотря на то, что Бисмаркъ для скорѣйшаго рѣшенія вопроса объ единствѣ долженъ былъ прибѣгнуть къ всеобщему избирательному праву, какъ къ цементу, скрѣпляющему германскія государства подъ гегемоніей Пруссіи. Задача объединенія Германіи рѣшается на бисмарковскій, юнкерскій ладъ, но она рѣшается...

Войны 1864—1866—1870/71 г.г.

Эру бисмарковскихъ національныхъ войнъ открываетъ война 1864 года. Послѣ смерти короля Даніи Фридриха 7-го Гольштинія съ ея почти сплошнымъ нѣмецкимъ населеніемъ и Шлезвигъ съ его преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ обнаружили стремленіе отдѣлиться отъ Даніи и примкнуть къ Германіи. Народныя представительства обоихъ государствъ провозгласили правителемъ герцога Аугустенбургскаго. Вопросъ о судьбѣ обоихъ герцогствъ сталъ, такимъ образомъ, національнымъ вопросомъ. Нѣмецкіе патріоты подымаютъ шумную агитацію за освобожденіе герцогствъ изъ подъ національнаго гнета датчанъ. Въ январѣ 1864 года Пруссія совмѣстно съ Австріей начинаетъ войну противъ Даніи и скоро выигрываетъ ее. Герцогства достаются, однако, не германскому государю герцогу Аугустенбергскому, какъ того добивалось патріотическое общественное мнѣніе Германіи. Пруссія и Австрія рѣшаютъ захватить герцогства въ свои руки. Пруссія получаетъ Шлезвигъ, Австрія—Гольштинію.

Непосредственно послѣ войны 1864 года вопросъ о томъ, подъ чьей гегемоніей объединится Германія—все больше обостряется. Пруссія *или* Австрія—эта диллема назрѣла теперь до послѣдней степени. Бисмаркъ явно ведетъ дѣло къ войнѣ съ Австріей, къ изгнанію ея изъ германскаго союза и созданію централизованнаго, подчиненнаго Пруссіи, Kleindeutschland'а.

Готовясь къ войнѣ съ Австріей, Бисмаркъ добивается нейтралитета Россіи (поддержкой ея противъ поляковъ), сочувственнаго отношенія какъ со стороны Франціи (обѣщаніемъ Наполеону 3 компенсаціи), такъ и со стороны Италіи (обѣщаетъ ей Венецію).

Въ нѣсколькихъ рѣшающихъ сраженіяхъ Пруссія съ молніеносной быстротой разбиваетъ Австрію на голову. Бисмаркъ отнимаетъ у Австріи только что совмѣстно съ нею отвоеванную Голь-

штинію и кромѣ того аннектируетъ Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Нассау, вольный городъ Франкфуртъ. Онъ не желаетъ окончательно разрушить Австрію, памятуя, что *черезъ нѣмецкое меньшинство въ Австріи нѣмцы имѣютъ возможность властвовать надъ десятками милліоновъ австрійскихъ славянъ.* Во имя этого онъ «скроменъ» въ своихъ требованіяхъ къ Австріи. Онъ борется противъ неумѣренныхъ аппетитовъ придворныхъ прусскихъ круговъ. И проводитъ свое умѣренное рѣшеніе, дающее возможность Германіи въ ея иностранной политикѣ скоро опереться на союзъ съ побѣжденной Австріей.

Уже послѣ побѣды Пруссіи въ 1866 году и послѣ заявленія Австріи, что она выходитъ изъ германскаго союза, Наполеонъ III, дабы продлить разъединеніе Германіи, изо всѣхъ силъ старается, чтобы создано было два объединенія: *сѣверный* германскій и *южный* германскій союзъ. Но южный союзъ такъ и не осуществился. 1866-ой годъ становится годомъ тріумфа «малогерманской» политики. Въ 1866—67 г. заканчивается организація сѣверо-германскаго союза. Онъ обнимаетъ всю Германію, кромѣ четырехъ южно-германскихъ государствъ. Это уже болѣе не Staatenbund, а—Bundestaat, не союзъ отдѣльныхъ совершенно самостоятельныхъ государствъ, а государство, вышедшее изъ объединенія отдѣльныхъ прежде самостоятельныхъ государствъ.

Бисмаркъ, такимъ образомъ, экспропріируетъ въ пользу Пруссіи трехъ легитимнѣйшихъ нѣмецкихъ князей. Его чувство «христіанства», его чувство піэтета передъ легитимизмомъ ни капельки не возмущается передъ изгнаніемъ трехъ благочестивѣйшихъ и законнѣйшихъ «христіанскихъ» князей. Это было настоящей революціей—замѣчаетъ по этому поводу Энгельсъ. Мы,—прибавляетъ онъ, конечно, послѣдніе, кто пошлетъ по этому поводу Бисмарку упрекъ. Въ чемъ мы его упрекаемъ, такъ это, напротивъ, въ томъ, что онъ не былъ въ достаточной мѣрѣ революціонеръ, что онъ оказался только прусскимъ революціонеромъ сверху, что онъ началъ цѣлую революцію при такомъ положеніи, когда онъ могъ провести революцію только на половину, что онъ, разъ ставши на путь аннексій, удовольствовался четырьмя жалкими мелкими государствами.[1])

Созданіе сѣверо-германскаго союза не было еще завершеніемъ единства Германіи. Это скорѣе былъ компромиссъ между стремленіемъ къ полному національному объединенію и партикуляристской традиціей. Пруссія стала во главѣ союза, ей принадлежалъ президіумъ. Сѣверо-германскій рейхстагъ, правда, избирался

---

[1]) Ibid 717.

на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Но ему противостоялъ Bundesrath (союзный совѣтъ), и Бисмаркъ балансировалъ между тѣмъ и другимъ учрежденіями, опираясь поочередно то на то, то на другое.

Во всякомъ случаѣ, созданіе сѣверо-германскаго союза было шагомъ политически рѣшающимъ. Тенденціи къ «игнорированію» союза, къ бойкоту сѣв. герм. рейхстага, попытки Вильгельма Либкнехта «не признавать» совершившагося и его австрофильство послѣ 1867 года были несомнѣнно ошибочны. Объединеніе Германіи подъ руководствомъ Австріи стало невозможностью. Пруссія безусловно побѣдила.

Сопротивленіе Австріи было разбито. Но у германскаго единства оставался еще другой, не менѣе сильный врагъ. Это—бонапартистская Франція, это Наполеонъ III. За нейтральность въ войнѣ 1866 года Бисмаркъ обѣщалъ Наполеону соотвѣтствующія «компенсаціи». Но онъ не далъ ихъ ему. Побѣдивъ Австрію, ступивъ на путь объединенія Германіи вокругъ Пруссіи, Бисмаркъ, по всему положенію вещей, уже и не могъ уступать Наполеону III нѣмецкія земли. Великодержавная прусская политика не позволяла этого. Въ конфликтѣ изъ за Люксембурга Наполеонъ III опять остался ни съ чѣмъ. Наполеонъ чувствовалъ себя обманутымъ. Престижъ его внутри Франціи, гдѣ онъ могъ держаться только внѣшними военными и дипломатическими побѣдами, падалъ. Разъединеніе, раздробленность Германіи была необходимымъ условіемъ, предпосылкой бонапартизма во Франціи. А между тѣмъ Бонапартъ не могъ не сознавать, что дѣло окончательнаго объединенія Германіи и, тѣмъ самымъ, золотые дни бонапартизма—сблизятся къ концу.

Величайшей глупостью Наполеона III—говорилъ впослѣдствіи Тьеръ—было-то, что онъ допустилъ рѣшающіе шаги къ объединенію Германіи и Италіи (1859, 1866). Ибо—гегемонія Франціи могла держаться только пока Италія и Германія были раздроблены на рядъ мелкихъ и среднихъ государствъ.

Теперь и самъ Наполеонъ III понималъ эту истину лучше, чѣмъ когда бы то ни было.

Наступалъ рѣшающій моментъ. *Теперь или никогда*—долженъ былъ думать Наполеонъ III. Или въ войнѣ противъ Пруссіи онъ ослабитъ ея мощь, оторветъ отъ нея мелкія государства и снова возстановитъ раздробленность Германіи, *или*—бонапартизмъ погибъ.

Моментъ долженъ былъ казаться Наполеону III особенно благопріятнымъ еще и потому, что онъ могъ разсчитывать на поддержку Австріи противъ Пруссіи (реваншъ за Садовую), Даніи

(реваншъ за Шлезвигъ-Гольштинію) и даже на поддержку со стороны Италіи.

Съ другой стороны, войны съ Франціей желалъ и Бисмаркъ. Что окончательное объединеніе Германіи возможно только послѣ побѣдоносной войны съ Франціей—было яснѣе яснаго. Военная подготовка Пруссіи въ данный моментъ, какъ доказано было опытомъ 1864 и 1866 годовъ, стояла очень высоко, выше подготовки Франціи. Пруссія окружена была ореоломъ двухъ побѣдъ. Мелкія нѣмецкія государства преклонялись передъ ней. Дипломатическое положеніе ея было не худо, ибо при данной комбинаціи силъ Бисмаркъ съ гораздо большимъ правомъ могъ разсчитывать на нейтральность Австріи (что и подтвердилось событіями). Бисмаркъ тоже искалъ войны и разставлялъ ловушки Наполеону III. Обѣ стороны старались лишь о томъ, чтобы создать обстановочку, при которой нападающей стороной выходилъ бы противникъ. Ловчѣе дѣйствовалъ Бисмаркъ, и онъ добился того, что лѣтомъ 1870 года Франція первая объявила войну Пруссіи.[1])

Планы Бисмарка оправдались полностью. Военная подготовка Пруссіи въ самомъ дѣлѣ оказалась выше французской. Партикуляристскій югъ Германіи дружно пошелъ съ объединеннымъ сѣверомъ противъ Франціи. Общія побѣды надъ Наполеономъ III больше всего спаяли воедино сѣверъ и югъ и послужили могучимъ факторомъ объединенія Германіи. 4 сентября 1870 года послѣ Седана пала 2-ая имперія во Франціи. Наполеонъ III былъ низвергнутъ и провозглашена республика. Во время осады Парижа въ Версали торжественно провозглашено было образованіе единой германской имперіи. Послѣдній врагъ германскаго единства былъ сломленъ. Объединеніе Германіи сверху было завершено. Такъ или иначе, но условія для успѣшнаго капиталистическаго развитія Германіи были окончательно упрочены.

Франко-прусская война совершенно измѣнила политическое положеніе въ Европѣ. Она создала германское единство, она подорвала всесильное вліяніе папы и тѣмъ завершила итальянское единство, она низвергла 2-ую имперію и создала третью французскую республику. Постольку эта война имѣла прогрессивное значеніе. Но объединеніе Германіи совершалось сверху, юнкерско-бисмарковскимъ путемъ. Благодаря этому, сталъ возможенъ грубый насильственный захватъ Эльзаса и Лотарингіи.

---

[1]) Дипломатической исторіи войны 1870—1871 мы подробнѣе касаемся въ слѣдующихъ главахъ нашей работы—въ связи съ вопросомъ о критеріи оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ.

Война 1870—71 создала эльзасъ-лотарингскій вопросъ, подъ знакомъ котораго впослѣдствіи создались новыя, очень реакціонныя группировки державъ. Кромѣ того война 1870—71 уничтожила нейтралитетъ Чернаго моря и тѣмъ самымъ заново выдвинула на сцену восточный вопросъ.

Это были элементы, которыми осложнилась война 1870—71. Но сама эта война была послѣдней крупной *національной* войной въ западной и центральной Европѣ. Этой войной заключается циклъ большихъ европейскихъ войнъ, объективной задачей которыхъ было созданіе крупныхъ сплоченныхъ національныхъ государствъ, необходимыхъ для успѣшнаго развитія капитализма, и которыя носили исторически прогрессивный характеръ. Германія въ силу ряда обстоятельствъ запоздала по сравненію съ другими государствами въ созданіи единаго, національнаго государства. Поэтому именно Германіи довелось *заключить* циклъ крупныхъ національныхъ войнъ. Въ силу этого опозданія, въ Германіи къ этому моменту былъ уже на лицо болѣе многочисленный рабочій классъ и существовала уже болѣе или менѣе оформленная с. д. рабочая партія, которая должна была занять самостоятельную позицію въ этой войнѣ. Объ этой позиціи мы говоримъ подробнѣе въ другой главѣ...

«Національное объединеніе Германіи и Италіи дало удовлетвореніе многолѣтнему страстному стремленію этихъ націй, послѣ неудачи революціи 1848 года. Это совершилось, правда, не путемъ внутреннихъ движеній, а путемъ внѣшнихъ войнъ. Крымская война 1854—56 г.г. привела къ паденію крѣпостного права и принудила правительство прислушаться къ промышленной буржуазіи. Въ 1859, 1866 и 1870 г. г. завершено было объединеніе Италіи, въ 1866 и 1870 г. достигнуто было, правда, очень несовершенное объединеніе Германіи. 1866-ой годъ даетъ толчекъ либеральной эрѣ въ Австріи и служитъ началомъ всеобщаго избирательнаго права, извѣстной свободы печати и коалиціи въ Германіи. 1870 годъ завершаетъ это начало и приноситъ Франціи демократическую республику. А въ Англіи въ 1867 году проводится избирательная реформа, принесшая верхнимъ слоямъ рабочаго класса и низшимъ слоямъ буржуазіи избирательное право, котораго у нихъ не было до сихъ поръ. Этимъ созданы были для всѣхъ классовъ государственныя основы, на которыхъ они могли построить свое существованіе, для всѣхъ классовъ -*кромѣ пролетаріата*»...[1])

[1]) Каутскій: «Der Weg zur Macht» 1909 стр. 63—64. Эта брошюра писана Каутскимъ до его поворота вправо.

Въ эпоху 1789—1871, какъ мы уже замѣчали, были, разумѣется, и войны, которыхъ вовсе нельзя назвать національными. Яркій примѣръ хотя бы англо-китайская война изъ за продажи опіума (1841—42). Не о нихъ здѣсь рѣчь.

Національныя войны это—войны, которымъ предшествуетъ и которыя вызваны долголѣтней эпохой національнаго угнетенія со стороны иноземныхъ державъ; это—войны, которымъ обыкновенно предшествовали бурныя національныя движенія въ угнетенныхъ иноземнымъ владычествомъ народностяхъ; это—войны, которыя направлены противъ абсолютизма и феодализма; это—войны, имѣвшія объективной задачей удовлетворить вызванную *экономической* необходимостью потребность въ созданіи большихъ хозяйственно-сплоченныхъ національныхъ государствъ. Это—исторически-прогрессивныя войны, черезъ которыя молодой капитализмъ прокладывалъ себѣ путь къ господству; это—войны, въ которыхъ буржуазія играла прогрессивную, часто революціонную роль, въ отличіе отъ имперіалистической эпохи всемогущества финансоваго капитала, когда буржуазія во всѣхъ капиталистическихъ странахъ стала реакціонной, идетъ къ упадку; это—войны, во время которыхъ пролетаріатъ началъ только складываться въ классъ, въ отличіе отъ имперіалистской эпохи, когда пролетаріатъ сталъ единственнымъ носителемъ освободительныхъ стремленій и когда все развитіе протекаетъ подъ знакомъ борьбы не между феодализмомъ и буржуазіей, а между буржуазіей и пролетаріатомъ; это—*войны начала* капиталистической эры, въ отличіе отъ нынѣшней эры *имперіалистскихъ* войнъ...

Войны національныя и войны имперіалисткія.

Національный гнетъ, тяжкія послѣдствія національной раздробленности—наиболѣе тяжелымъ бременемъ ложились, разумѣется, на низшіе слои населенія, на трудящихся и неимущихъ, на демократію въ широкомъ смыслѣ слова. *Ей* больше всего приходилось страдать отъ иноземнаго владычества, отъ раздробленности отечества. Естественно, что она же стала и главнымъ носителемъ національныхъ движеній, направленныхъ къ сверженію иноземнаго господства, къ уничтоженію раздробленности, къ созданію національно-сплоченныхъ государствъ. Кличъ «защита отечества» сталъ въ ту пору ея кличемъ.

Мы видѣли, какую громадную роль въ эпоху 1789—1871 играли національныя движенія и во Франціи, и въ Италіи и въ Германіи. Эти движенія разливались бурнымъ потокомъ по

странѣ, вовлекая въ свой круговоротъ милліоны и десятки милліоновъ стонущаго подъ игомъ національнаго гнета населенія, до дна всколыхивая цѣлые народы, окрашивая собою всю безъ остатка общественно-политическую жизнь въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Оборона отечества отъ новаго расчлененія его иноземными угнетателями (Франція), борьба за устраненіе національнаго расчлененія, тяжелой гирей висящаго надъ всей общественной жизнью отечества (Италія, Германія)—это заполнило собой все, это стало главнымъ нервомъ всего соціально-политическаго развитія въ Европѣ.

Именно въ эту эпоху родился и получилъ громадную популярность въ самыхъ широкихъ слояхъ народа пароль «защита отечества».

Тогда онъ *долженъ* былъ быть подхваченъ милліонными массами, стонавшими подъ игомъ національной раздробленности. *Тогда* онъ имѣлъ исторически-прогрессивное значеніе, ибо направленъ былъ противъ абсолютизма и феодализма, шелъ по линіи историческаго прогресса, помогалъ борьбѣ противъ остатковъ средневѣковья, которые должны были теперь уступить мѣсто государственнымъ формамъ, свойственнымъ эпохѣ крѣпнущаго капитализма.

Національныя войны 1789—1871 должны были оставить неизгладимый отпечатокъ въ психикѣ самыхъ широкихъ народныхъ массъ. Цѣлыя поколѣнія принимали непосредственное участіе въ этихъ войнахъ, сотни и сотни тысячъ людей принесли въ жертву свою жизнь и свое достояніе. Войны эти вызвали проявленія массоваго героизма. Ихъ воспѣвали народные поэты, о нихъ складывались цѣлыя преданія, переходившія изъ устъ, въ уста, о борьбѣ за національное освобожденіе говорилось въ простой народной пѣснѣ, въ школѣ, съ церковнаго амвона. Эту традицію поддерживала и самая передовая, самая просвѣщенная часть буржуазіи. Легко себѣ представить, какіе глубокіе слѣды все это должно было оставить въ сознаніи массъ, какія напластованія національной ненависти должны были остаться въ Германіи противъ французовъ и обратно, въ Италіи противъ Австріи, въ Австріи противъ Италіи и т. д. Въ особенности—въ массѣ мелкаго городского и деревенскаго люда. Ибо развитаго многочисленнаго пролетаріата въ эпоху національныхъ войнъ быть еще не могло: это войны—*начала* капитализма, а, стало быть, и начала формированія пролетаріата въ классъ.

И вотъ эти-то напластованія національной ненависти, созданныя столѣтіемъ національныхъ войнъ; эти-то пережитки 1789—1871 используются теперь командующими классами въ

различныхъ странахъ для того, чтобы и нынѣшнюю чисто-импеpіалистскую войну изобразить національной войной, чтобы и теперь заставить учащенно биться милліоны сердецъ при словѣ «защита отечества». Весь громадный аппаратъ государственныхъ учрежденій, прессы, парламента и т. д. во всѣхъ странахъ единовременно пущенъ въ ходъ для того, чтобы, пользуясь указанной психологіей, оставшейся въ массахъ, эсплуатируя пережитки отошедшей въ прошлое эпохи,—мобилизовать массы для чуждаго ей дѣла подъ старымъ знаменемъ національной обороны, «защиты отечества».

Эта эксплуатація тѣмъ болѣе удается командующимъ классамъ, чѣмъ прочнѣе тѣ слѣды, которые оставили въ психологіи массъ національное угнетеніе и національныя войны въ данной странѣ. Замѣчательно, что нигдѣ массы мелкой буржуазіи и отсталые слои пролетаріата такъ слѣпо не повѣрили въ сказку о томъ, будто война 1914—16 г. г. есть національная война, какъ во Франціи и въ Германіи. Нигдѣ манипуляціи буржуазіи съ лозунгомъ «защита отечества» не были такъ успѣшны, не вызвали такого національнаго подъема, какъ во Франціи и Германіи. Развѣ только еще въ Италіи повторилось то же самое, несмотря на то, что подлинные мотивы итальянскихъ имперіалистовъ по всему положенію вещей должны были выступить съ максимальной обнаженностью.

Во Франціи живы традиціи національныхъ войнъ эпохи великой французской революціи, жива ненависть противъ «пруссака», въ 1870 году произведшаго осаду Парижа и т. д. Въ Германіи жива память о долгой мучительной полосѣ національной раздробленности, о томъ, какъ Франція угнетала нѣмцевъ и мѣшала имъ объединиться. Въ Италіи сохранились цѣлые резервуары ненависти противъ «тедески», противъ «австріака», такъ долго угнетавшаго Италію. И хоть теперь дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ, хоть теперь буржуазія и правительства *всѣхъ* странъ, подъ давленіемъ всемогущаго финансоваго капитала, ведутъ захватную политику, не имѣющую ничего общаго съ интересами народовъ,—наслѣдіе прошлаго даетъ себя знать. Во Франціи, Германіи и Италіи фраза о національной оборонѣ, защитѣ отечества, освобожденіи угнетенныхъ братьевъ и т. п. въ имперіалистской войнѣ нашихъ дней имѣетъ особенный успѣхъ—гораздо большій, нежели въ Англіи и въ Россіи.

Буржуазія и ея политики и дипломаты совершенно сознательно практикуютъ теперь этотъ великій обманъ о національной войнѣ и «защитѣ отечества». Болѣе того. Систематически готовясь къ нынѣшней имперіалистской войнѣ именно въ томъ

ея видѣ, въ какомъ она осуществилась, буржуазные дѣльцы и дипломаты прямо говорили заранѣе, что для успѣха ихъ дѣла, для ослабленія сопротивленія соціалистически настроенныхъ рабочихъ массъ противъ войны имъ необходимо будетъ непремѣнно изобразить передъ массами захватную войну, какъ оборону, какъ національную защиту отечества. Возьмемъ примѣръ. Германскіе имперіалисты очень хорошо сознавали, что главнымъ подводнымъ камнемъ для ихъ политики войнъ и грабежей является германскій пролетаріатъ. Они сознавали, что, не обманувши его, не ослѣпивши его разсудка мифологіей національной войны и «защиты отечества», нельзя успѣшно воевать. И они обсуждали совершенно открыто вопросъ о томъ, какъ получше втереть очки германскому пролетаріату, какъ имперіалистскую войну выдать ему за національную.

Одинъ изъ видныхъ представителей германской дипломатіи Ритцнеръ, выпустившій (подъ псевдонимомъ Рюдорфера) незадолго до войны книгу подъ заглавіемъ «Grundzüge ger Weltpolitik», («Основы міровой политики»), обсуждая вопросы о подготовкѣ къ войнѣ, писалъ совершенно откровенно: «Если интернаціональному соціализму удастся внутренне отщепить рабочаго отъ зданія *націи* и сдѣлать его только членомъ *класса*, тогда онъ побѣдилъ. Ибо средства чистаго (лучше бы сказать: *грязнаго!* Г. З.) насилія... сами по себѣ на долгое время не удержимы. Наоборотъ, если это *не* удастся интернаціональному соціализму, т. е. если внутренняя связь (съ «націей») у рабочихъ, хотя бы безсознательно, останется,.. это становится пораженіемъ соціализма» [1])

Что же именно нужно сдѣлать, чтобы нанести пораженіе соціализму и развязать себѣ руки для имперіалистскихъ войнъ, для тѣхъ войнъ, которыя по словамъ того же германскаго имперіалиста Рюдорфера вытекаютъ изъ «интересовъ капитала»?

Для этого существуетъ только одно средство: это—облечь имперіалистскія войны идеологіей войнъ національныхъ. Это—вызвать у рабочихъ массъ представленіе, будто и сейчасъ они «защищаютъ отечество» въ якобы національной войнѣ.

Рюдорферъ продолжаетъ:—«Принимая въ разсчетъ соціалистическія теоріи мира, правительства, быть можетъ, должны будутъ при ихъ предпріятіяхъ (военныхъ) *старательно прикрыться національнымъ чувствомъ* (!) (курсивъ нашъ) «Auf die Deckung durch das nationale Gefühl... sorgfältig bedacht sein»).

---

[1]) Ruedorfer «Grundzuege der Weltpolitik» 1914 S. 173.

Но это по существу дѣла ничего не измѣнитъ. Кое-что измѣнится только въ области формы и техники(!), которыми придется пользоваться въ современной войнѣ» [1])

То, что чистосердечно призналъ германскій имперіалистъ Рюдорферъ, конечно, вовсе не относится только къ Германіи или только къ буржуазіи и правительствамъ одной изъ группъ воюющихъ державъ. Нѣтъ, это основа *буржуазной политики вообще*—въ эпоху имперіалистскихъ войнъ. Мы взяли только типичный примѣръ.

Нельзя сказать народнымъ массамъ прямо: идите и умирайте милліонами на поляхъ сраженія потому, что нашей буржуазіи нужно отнять бельгійскія или французскія колоніи въ Африкѣ, или потому, что «нашей» буржуазіи въ такой-то странѣ необходимы такія-то «сферы вліянія», такія-то сферы приложенія капитала и т. д. Чтобы вызвать воодушевленіе массъ, у буржуазіи есть одно средство: апеллировать къ пережиткамъ прежней эпохи, разжечь національное чувство популярнымъ лозунгомъ «защита отечества». Для войны это необходимо. Такъ же какъ для войны нужно готовить запасы аммуниціи, улучшать технику, столь же необходимо готовить и обрабатывать народное сознаніе. Надо «прикрыться національнымъ чувствомъ». Это—простая форма и «*техника*», по циничному выраженію германскаго дипломата Рюдорфера.

Какъ великолѣпно усовершенствована эта имперіалистская «техника», какъ превосходно дѣйствовала она въ этой войнѣ видно, напримѣръ, на судьбѣ Болгаріи.

Національныя традиціи въ Болгаріи особенно живы. Ненависть къ туркамъ, которые въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ угнетали болгаръ, очень велика...

Прочитайте, напримѣръ слѣдующую картинку у В. Г. Короленко, который незадолго до войны имѣлъ случай наблюдать добруджанскихъ болгаръ. Короленко описываетъ слѣдующую сцену въ одной болгарской школѣ въ захолустномъ селѣ. Для участія въ литературномъ вечерѣ, посвященномъ празднику освобожденія болгаръ, съѣхалось много болгарскихъ учителей и учительницъ.

«Молодые учителя и учительницы, очень похожіе на нашихъ, только съ смѣлыми глазами и сверкающими одушевленіемъ лицами, читали патріотическіе стихи своихъ поэтовъ, и небольшая классная комната была густо насыщена впечатлѣніями прошлой

[1]) Ruedorffer «Grundzuege der Weltpolitik». стр. 178.

борьбы. «Турецки те тирана»—поминались то и дѣло. Загорѣлые, толстоусые и горбоносые болгары-лавочники, старыя и молодыя болгарки жадно слушали поэтическія отголоски недавней еще національной борьбы. Кровь, смерть на колахъ, мужественное презрѣніе къ мученіямъ, и месть утѣснителямъ».

Національная ненависть направлена *противъ турокъ.* И что же? Наступаетъ война, и—съ какой легкостью германскому имперіализму при посредствѣ своихъ болгарскихъ приказчиковъ удалось въ 1915 году направить эту ненависть совсѣмъ въ другую сторону... Турки объявлены лучшими друзьями: такъ хочетъ германскій финансовый капиталъ, германскій имперіализмъ.

И развѣ мало такихъ превращеній видѣли мы въ ходѣ настоящей войны?..

Критерій наступательной и оборонительной войны тоже родился въ эпоху національныхъ войнъ 1789—1871. Демократія и нарождающійся соціализмъ тогда *должны* были различать между оборонительной и наступательной войной. Это различіе сводилось не просто къ дипломатической исторіи войнъ, не къ тому, кто первый объявилъ войну, кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ. Нѣтъ, вопросъ ставился шире—съ точки зрѣнія историческаго прогресса. Наступательной войной была война, имѣвшая цѣлью сохранить и укрѣпить пережитки феодализма и абсолютизма, продлить національный гнетъ и національную раздробленность, помѣшать созданію единыхъ національныхъ государствъ. Оборонительной войной была война, объективно стремившаяся покончить съ остатками феодализма, шедшая навстрѣчу экономической потребности въ созданіи національнаго государства. Въ сознаніи демократіи это дѣленіе войнъ предшествовавшей эпохи на наступательныя и оборонительныя тоже оставило глубокій слѣдъ. Нынѣ имперіалистская буржуазія хватается за эти пережитки, какъ за послѣднее средство. Въ ходъ пускается пресловутая «техника» и ловкость рукъ. Буржуазія и правительства каждой страны не жалѣютъ усилій, не жалѣютъ милліоновъ, чтобы только изобразить свою войну «оборонительной», а войну со стороны противника «наступательной». Въ имперіалистскую эпоху съ критеріемъ оборонительной и наступательной войны происходитъ то же, что съ паролемъ «защита отечества»...

Буржуазія и правительства Германіи, Австріи (и не только ихъ однѣхъ) эксплоатируютъ пережитки эпохи національныхъ войнъ, совершенно такъ-же, какъ сознательно эксплоатируютъ религіозные предразсудки массъ, политическіе предразсудки отдѣльныхъ слоевъ населенія, скажемъ, крестьянства и т. п.

И имперіалистамъ это оглупленіе народа удается тѣмъ легче, чѣмъ болѣе «интернаціонализуются» ихъ пріемы: то обстоятельство, что пресловутая «техника» примѣняется сразу во всѣхъ странахъ въ общеевропейскомъ масштабѣ, только облегчаетъ обманъ имперіалистамъ въ каждой странѣ.

Оппортунисты соціализма въ разныхъ странахъ безсознательно поддались этой идейно-политической эксплуатаціи, не разобравъ, что со стороны буржуазіи это простая «техника». Дѣло германскихъ (и иныхъ) соціалистовъ было помочь рабочему классу устоять противъ этой мошеннической «техники», помочь пролетаріату оказать сопротивленіе поднявшему голову націонализму. Вмѣсто этого оппортунистическая часть соціалистовъ сама склонила голову передъ буржуазной «техникой» и сама превратилась въ соціалъ-повинистовъ. Сопротивляться было нелегко—словъ нѣтъ. «Техника» буржуазіи оказалась стоящей на большой высотѣ. Ей удалось создать широкій массовый націоналистическій потокъ. Но это обязывало германскихъ (и иныхъ) соціалистовъ не къ капитуляціи, а только къ еще болѣе упорному сопротивленію...

Въ войнахъ нынѣшней эпохи, въ имперіалистскихъ войнахъ могутъ играть роль и національный элементъ и чисто династическіе интересы. Но эта роль будетъ только случайной, эпизодической. Въ эпоху національныхъ войнъ, какъ мы видѣли, тоже вплетались элементы иного порядка. Но въ историческомъ смыслѣ мы можемъ и должны различать *двѣ особыхъ эпохи*: войнъ національныхъ и войнъ имперіалистскихъ. И мы должны помнить, что представители имперіализма, представители всемогущаго финансоваго капитала всегда будутъ стараться въ глазахъ народа прикрасить имперіалистскія войны, будутъ стараться «прикрыться національнымъ чувствомъ».

Въ войнѣ 1914—16 г. тоже есть національный элементъ: австро-сербскій конфликтъ, балкано-турецкія столкновенія тѣсно связаны съ національнымъ вопросомъ. Вообще на всемъ востокѣ Европы національный вопросъ еще играетъ огромную роль. Но національный элементъ въ общемъ въ этой войнѣ играетъ совершенно подчиненную роль и абсолютно не мѣняетъ общаго имперіалистскаго характера ея.

Еслибы еще нужны были доказательства того, что въ нынѣшнихъ войнахъ имперіализмъ является главной движущей силой, то лучшей иллюстраціей могла бы послужить именно война 1914—16 г. Кому же теперь не ясно, что тонъ во всей этой войнѣ задаютъ могущественные имперіалистскіе интересы Англіи, Германіи, Франціи и т. д.?

Національныя войны, подобныя тѣмъ, какія мы видѣли въ Европѣ въ эпоху 1789—1871 г., теперь возможны еще только въ Азіи или въ крупныхъ быстро развивающихся колоніяхъ. Со стороны Китая, Индіи возможны національныя войны, войны за ихъ освобожденіе изъ подъ гнета европейскихъ государствъ, за сверженіе иноземнаго господства, стремящагося къ ихъ раздробленію и порабощенію. Такія войны возможны и со стороны крупныхъ африканскихъ, южно-американскихъ и австралійскихъ колоній, стремящихся къ полной независимости. Но и на эти войны наложила бы неизгладимый отпечатокъ имперіалистская эпоха. Эти страны выступили бы, правда, не въ роли субъектовъ, а въ роли объектовъ имперіализма. Но та стадія капитализма, которая достигнута въ Европѣ, тысячью послѣдствій скажется и на этихъ странахъ, многочисленными нитями связанныхъ съ Европой...

Марксъ и Энгельсъ еще въ 1847 году (при составленіи «Коммунистическаго Манифеста») духовнымъ окомъ провидѣли всемірно-историческую эволюцію, которая теперь начинаетъ завершаться. Въ моментъ начала капитализма борьба пролетаріата должна принять національныя формы. Но по существу своему она должна становиться все болѣе интернаціональной и она должна въ интернаціональномъ масштабѣ привести къ смѣнѣ капиталистическаго способа производства инымъ, принципіально отъ него отличнымъ.

«Хотя борьба пролетаріата противъ буржуазіи по всей сущности не есть борьба національная, однако, она въ началѣ принимаетъ національныя формы. Само собою понятно, что пролетаріатъ каждой страны долженъ прежде всего... посчитаться со своею собственною буржуазіею... Поэтому пролетаріатъ остается еще (писано въ 1847 году!) національнымъ, *хотя совсѣмъ не въ буржуазномъ смыслѣ слова*». Но капитализмъ развивается. «Національныя различія и національный антагонизмъ и теперь (1847 годъ!) все болѣе и болѣе исчезаютъ по мѣрѣ развитія буржуазіи, свободы торговли и мірового рынка, по мѣрѣ того какъ условія производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующія имъ условія существованія, становятся повсемѣстно одинаковыми». [1])

«Рабочіе не имѣютъ отечества»—говорили тамъ же (стр. 28) Марксъ и Энгельсъ. Какъ далеко это отъ того лозунга «защиты отечества», который теперь подъ вліяніемъ буржуазіи защищаютъ германскіе и иные соціалъ-шовинисты, всуе повторяющіе имя Маркса!

---

[1]) К. Марксъ и Фр. Энгельсъ «Ком. Маниф.», русск. пер. 18‹ 28.

Соціалъ-шовинисты часто полны лучшихъ намѣреній и благихъ пожеланій. Они увѣрены, что это они куда-то толкаютъ буржуазію, а не наоборотъ. Но du glaubst zu schieben und du wirst geschoben, тебѣ кажется, что ты кого-то куда-то подталкиваешь, а на самомъ дѣлѣ ты самъ—игрушка въ чужихъ рукахъ. На дѣлѣ соціалъ-шовинисты лишь повинуются «техническимъ» манипуляціямъ *Рюдорферовъ всѣхъ странъ*. Помогая Рюдорферамъ окружать войны нынѣшней эпохи ореоломъ войнъ совершенно другой, давно отошедшей въ прошлое эпохи, соціалъ-шовинисты въ лучшемъ для нихъ случаѣ становятся слѣпымъ орудіемъ имперіалистовъ.

Однако, мы забѣжали впередъ...

III. Чѣмъ была германская соціалъ-демократія въ 1871 году и чѣмъ стала она теперь?

Патріотизмъ «королевско-прусскихъ» соціальдемократовъ. — Позиція Швейцера въ 1870 — 71 гг. — Позиція Брауншвейгскаго Комитета. — Позиція Бебеля и Либкнехта. — Отъ Вильгельма Либкнехта до Альберта Зюдекума.

Какова же была позиція соц.-демократіи во время національныхъ войнъ?

Въ 1872 году Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля судили въ Лейпцигѣ по обвиненію въ «государственной измѣнѣ». Фактически это была месть за то, что во время войны 1870/71 г. Бебель и Либкнехтъ выступили какъ *интернаціональные* соціалисты, какъ подлинные революціонные демократы, какъ враги шовинизма. Они одни отказались съ самаго же начала вотировать военные кредиты и средь неистоваго «патріотическаго» воя всей буржуазной Германіи мужественно протянули братскую руку французскимъ рабочимъ.

Этого буржуазная Германія не простила Бебелю и Либкнехту. Даже восторгъ побѣды надъ Франціей не смягчилъ ея бѣшенной ненависти къ дерзкимъ «внутреннимъ врагамъ», осмѣлившимся поднять соціалистическое знамя въ самомъ началѣ франко-прусской войны.

Буржуазно-юнкерская Германія судила Бебеля и Либкнехта. И на этомъ «судѣ», между прочимъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій поучительный діалогъ между подсудимыми и председателемъ суда:

Подсудимый Либкнехтъ: Каждый честный человѣкъ, какіе бы принципы онъ ни исповѣдывалъ, долженъ быть готовъ, если нужно, умереть за нихъ.

Предсѣдатель суда: Стало быть, вы готовы были бы и за *республику* принять такую борьбу?

Подсудимый Либкнехтъ: Да, и это я при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлалъ бы, напр., если бы стали примѣнять военную силу противъ какого-нибудь представительнаго учрежденія

которое высказалось за республику. Я взялъ бы ружье на плечо и пошелъ бы противъ королей и противъ ихъ армій, совершенно такъ же, какъ я поступилъ въ 1849 году, когда Франкфуртское національное собраніе дало Германіи конституцію, введенію которой насильственно воспротивились господа князья. («Браво»—изъ публики).

Предсѣдатель суда: Болѣе откровеннаго признанія я не могъ бы и желать.—Господинъ подсудимый, Бебель! А вы какъ думаете объ этомъ?

Подсудимый Бебель: Я *всецѣло* присоединяюсь къ тому, что сказалъ Либкнехтъ—также и въ вопросѣ о готовности взять ружье на плечо... По моимъ понятіямъ, государство образуетъ народъ, а вовсе не король. Безъ короля очень легко себѣ можно представить любое государство, а безъ народа—нѣтъ. Я еще въ своей заключительной рѣчи остановлюсь на этомъ подробнѣе, а пока замѣчу, что на мой взглядъ большинство народа, если оно пресытилось королевскою властью, имѣетъ полное право взять да и учредить республику. [1]).

40 лѣтъ тому назадъ признанные представители германской соціалъ-демократіи говорили: мы возьмемъ ружье на плечо для борьбы за *республику* противъ Гогенцоллерновъ. Теперь они говорятъ: мы возьмемъ ружье на плечо для борьбы за «отечество», за цѣлость монархіи Гогенцоллерновъ, за нѣмецкій имперіализмъ, за кайзера! Такова идейная эволюція германской соціалъ-демократіи. Хотите сразу измѣрить тотъ длинный, слишкомъ длинный путь, который прошла германская соціалъ-демократія, хотите сразу обнять ту разницу, которая существуетъ между поведеніемъ германскихъ соціалистовъ во время войны 1870/71 и войны 1914/16 г.г.—сопоставьте эти двѣ формулы: «Я беру ружье на плечо для борьбы за германскую республику» и—«я беру ружье на плечо для борьбы просто за Германію», т. е. за нынѣшнюю германскую монархію, за «отечество» германскихъ имперіалистовъ.

Патріотизмъ «королевско-прусскихъ» соціальдемократовъ.

Не надо думать, что и 40 лѣтъ тому назадъ въ Германіи совсѣмъ не было «патріотическихъ» соціалистовъ. Они *были.* Виднѣйшій ихъ представитель извѣстный Швейцеръ, выставляя свою кандидатуру въ Сѣверо-германскій рейхстагъ, писалъ

---

[1]) Leipzig «Hochverratsprozess 278—283.

въ своемъ программномъ кредо: «Я заявляю, что, если бы нашему нѣмецкому отечеству стала угрожать какая-нибудь иноземная опасность, я буду всѣми моими силами и всѣми доступными мнѣ средствами поддерживать, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его—короля Пруссіи, въ которомъ воплотилось теперь національное могущество Германіи, а равно и его правительство»[1]).

Но то былъ Швейцеръ, то былъ, по выраженію Маркса, *королевско-прусскій* соціалъ-демократъ. Какъ же случилось, что теперь вся оффиціальная германская с.-д. стала продолжательницей традиціи Швейцера? Куда дѣвались традиціи Либкнехта и Бебеля? Гдѣ тѣ нѣмецкіе соціалисты, которые, стоя теперь во главѣ 3-милліонной рабочей арміи, проявили бы хоть подобіе того мужества, которое проявили въ 1870—71 г. Вильгельмъ Либкнехтъ и Августъ Бебель, имѣвшіе тогда за собой только первые слабые отряды организованныхъ рабочихъ?.. Въ первое время войны 1914 г. такихъ германскихъ с.-д. можно было перечесть по пальцамъ...

Еще въ 1911 году Бебель напоминалъ это «патріотическое» изъявленіе чувствъ Швейцеромъ, чтобы еще разъ посмѣяться надъ своимъ былымъ противникомъ, чтобы паки и паки показать своимъ читателямъ, сколь много мелкобуржуазнаго, антисоціалистическаго было въ такъ называемомъ «швейцеріанствѣ». Какъ же это случилось, что теперь въ войну 1914/16 г.г. оффиціальная германская соціалъ-демократія внезапно возрождаетъ самое худшее, что было въ швейцеріанствѣ—казалось бы разбитомъ на голову, похороненномъ разъ навсегда «швейцеріанствѣ»?

Уже по отношенію къ войнѣ 1866 года довольно отчетливо намѣтились двѣ различныхъ линіи поведенія—одна у тогдашнихъ соціалъ-патріотовъ Швейцера и его группы, другая—у тогдашнихъ революціонныхъ интернаціоналистовъ—Бебеля, Либкнехта и ихъ единомышленниковъ, такъ наз. «эйзенахцевъ».

Разница между Швейцеромъ и «эйзенахцами» въ основномъ и главномъ уже издавна сводилась къ тому, что Швейцеръ, какъ правильно про него замѣчено, *съ холопской торопливостью* преклонился передъ исторической миссіей Бисмарка и уже при первыхъ этапахъ «революціи сверху» поспѣшно отказался отъ всякихъ надеждъ на организацію народныхъ силъ для революціи *снизу*. Межъ тѣмъ, какъ Либкнехтъ и Бебель, полагая, что существуетъ еще почва для непосредственно-революціоннаго движенія, исполняли свой долгъ революціо-

---

[1]) Бебель «Aus meinem Leben» II. стр. 48.

церовъ до самой послѣдней возможности, продолжали борьбу противъ бисмарковскаго пути за революціонно-демократическій путь объединенія Германіи *снизу* и за *революціонное* рѣшеніе стоявшихъ на очереди коренныхъ вопросовъ. И то обстоятельство, что побѣдителемъ оказался въ концѣ концовъ Бисмаркъ, что Швейцеръ какъ будто оказался правъ въ оцѣнкѣ фактическаго положенія вещей—нисколько не умаляетъ революціонныхъ заслугъ Либкнехта и Бебеля и въ историческомъ смыслѣ вовсе не оправдываетъ «бисмаркіанства» Швейцера.

Въ вопросѣ объ отношеніи с.-д. къ внѣшнимъ войнамъ, которыя велъ Бисмаркъ, дѣленіе пошло по той же линіи. Непосредственно передъ австро-прусской войной 1866 года, Бебель на публичномъ собраніи прогрессистовъ въ Лейпцигѣ выступилъ единственнымъ оппонентомъ и заявилъ: «Не будемте такъ пугаться этой войны; изъ этой войны можетъ выйти нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ предполагаютъ ея вдохновители. *Можетъ быть, еще окажется, что народъ во время возстанетъ и окончитъ войну въ своемъ смыслѣ*»[1]).

А въ то же время швейцеровскій «Соціальдемократъ» по поводу первыхъ же побѣдъ Пруссіи надъ Габсбургами писалъ: «Это не то рѣшеніе, котораго хотѣли мы, но это—*рѣшеніе*, и это рѣшеніе есть фактъ»[2]).

И ближайшіе единомышленники Швейцера—Газенклеверъ и Тэльке (Tölke)—писали ужъ прямо хвалебныя оды въ честь Бисмарка.

Политическое различіе ясно: Швейцеръ и швейцеріанцы немедленно преклоняются передъ первыми успѣхами Бисмарка. Бебель, В. Либкнехтъ и ихъ друзья до послѣдней минуты борются за другой путь, стремятся всю силу демократіи и пролетаріата бросить на другую чашу вѣсовъ, чтобы, быть можетъ, всетаки наклонить ее въ сторону «народнаго возстанія», въ сторону рѣшенія собственныхъ судебъ въ духѣ революціи и демократіи.

До самаго послѣдняго момента Бебель и Либкнехтъ въ 1866 году выступаютъ, какъ революціонеры.

На громадномъ собраніи въ Лейпцигѣ 8 мая 1866 года Бебель проводитъ резолюцію, въ которой заявляетъ, что всякая помощь прусскому правительству въ подготовленной имъ войнѣ должна разсматриваться, какъ актъ, противорѣчащій интересамъ нѣмецкаго народа. «Интересы народа—продолжаетъ

---

1) Ср. Мерингъ «Geschichte der deutschen Sozialdemokratie» 2 изд. томъ 3, стр. 239.

2) Ibid. стр. 257—258.

резолюція—могутъ защищаться только парламентомъ, избраннымъ на основѣ всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права и опирающимся на *всеобщее вооруженіе народа.* Собраніе выражаетъ надежду, что нѣмецкій народъ выберетъ только такихъ представителей, которые выскажутся *противъ всякой наслѣдственной центральной власти»* [1]).

На другомъ большомъ народномъ собраніи, на которомъ присутствовало 3000 человѣкъ, Бебель отъ имени своихъ друзей предложилъ резолюцію, которая выставляла слѣдующія требованія:

«*Вооруженное сопротивленіе* противъ политики Пруссіи, цѣлью которой является нарушеніе мира... Прусскій парламентскій проектъ долженъ быть безусловно отвергнутъ; вопросъ о конституціонномъ устройствѣ всей Германіи можетъ быть рѣшенъ только *Учредительнымъ собраніемъ,* въ рукахъ котораго находилась бы власть... Законодательное введеніе всеобщаго *вооруженія народа...* Народъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, долженъ объединиться въ политическіе союзы» [2]).

Вся тактика Бебеля и Либкнехта въ отношеніи къ войнѣ 1866 года звала къ *революціонному* дѣйствію, звала народныя массы взять дѣло въ свои руки и повести его къ осуществленію нѣмецкаго единства *снизу.* Исходя изъ этого, Бебель и Либкнехтъ прямо *желали пораженія* своему «отечеству» въ войнѣ 1866 года. Не только они, но и буржуазно-демократическій комитетъ (въ который делегатомъ вошелъ и Бебель), въ воззваніи къ нѣмецкому народу писалъ:

«Пораженіе военной партіи было бы для Пруссіи самой прекрасной побѣдой... Нація хочетъ такъ же мало служить Австріи, какъ и Пруссіи. Она хочетъ только одного: быть свободной, быть хозяиномъ у себя въ домѣ».

Но Пруссія *побѣдила* въ войнѣ 1866 года. Объективно это послужило шагомъ впередъ, шагомъ къ объединенію Германіи, хотя и сверху. Однако, Бебель и Либкнехтъ непосредственно послѣ войны 1866 года *продолжали* борьбу за революціонный путь. А «патріотъ» Швейцеръ поступалъ иначе.

Уступка Австріей Венеціи Наполеону 3-му вызвала у нѣмецкихъ либераловъ бурю негодованія противъ Австріи. По ихъ мнѣнію, это была «измѣна отечеству». И къ этому обвиненію не преминулъ присоединиться швейцеровскій «Соціалъ-демократъ». Тотъ фактъ, что собственное прусское «отечество»

---

[1]) Авг. Бебель «Изъ моей жизни», т. I, стр. 126 (русск. изд).
[2]) Ibid. 129.

вступило въ союзъ съ Италіей, т. е. съ иностранной державой, для уничтоженія Австріи, т. е. нѣмецкаго же государства,— этотъ фактъ прусскіе либералы замазывали и старались забыть. И совершенно такъ-же держался въ этомъ вопросѣ «патріотъ» Швейцеръ. А Бебель, подводя итоги своей жизни, нисколько не раскаивался въ своемъ революціонномъ поведеніи въ 1866 году:

«Мнѣ и Либкнехту,—писалъ онъ,—впослѣдствіи часто предлагали вопросъ, что было бы, если бы вмѣсто Пруссіи побѣдила Австрія... Но противъ этого ничего нельзя было подѣлать. *Если рѣчь идетъ о народѣ, который лишенъ условій свободной жизни, то пораженіе на войнѣ, по моему мнѣнію, не мѣшаетъ, а наоборотъ способствуетъ его внутреннему развитію.* Побѣда развиваетъ во враждебномъ народу правительствѣ высокомѣріе и чрезмѣрную требовательность, въ то время, какъ пораженіе заставляетъ его прислушиваться къ желаніямъ народа, чтобы заслужить его симпатіи. Это показываютъ 1806 и 1809 годы въ Пруссіи, 1866 въ Австріи, 1870 во Франціи и пораженіе Россіи въ войнѣ съ Японіей въ 1904 году. Безъ этого пораженія не было бы и русской революціи; болѣе того, при побѣдѣ Россіи революція на долгіе годы была-бы немыслима... Исторія показала намъ, что послѣ того, какъ прусскій народъ принесъ на алтарь отечества огромныя жертвы людьми и имуществомъ, сбросилъ иноземное владычество Наполеона и спасъ такимъ образомъ династію изъ бѣды, послѣдняя забыла всѣ прекрасныя обѣщанія, которыя она дала народу въ минуту опасности. Послѣ долгихъ лѣтъ реакціи необходимъ былъ 1848 г., чтобы народъ завоевалъ себѣ все то, въ чемъ ему несправедливо отказывали въ теченіе десятилѣтій. А Бисмаркъ развѣ послѣ въ Сѣверо-германскомъ рейхстагѣ не отклонялъ всякое дѣйствительно-либеральное требованіе! Онъ дѣйствовалъ тогда, какъ диктаторъ... Правительство сильнаго государства всегда опаснѣе для демократическаго развитія страны... Она (революція) имѣла бы своимъ послѣдствіемъ *демократическое* объединеніе государства. Побѣда Пруссіи все измѣнила». [1]).

Въ тѣхъ же мемуарахъ Августъ Бебель, вспоминая, какъ наростало тогда революціонное настроеніе въ массахъ, сожалѣетъ о томъ, что «никогда движеніе, великолѣпное по своей сущности, не оканчивалось болѣе безрезультатно». Одной изъ

---

[1]) Ibid 138, 139.

причинъ этой безрезультатности, по мнѣнію Бебеля, было *отсутствіе сильной революціонной партіи, сплоченной организаціи.*

Таковы были расхожденія среди германскихъ с.-д. во время войны 1866 года.

Позиція Швейцера въ 1870—71 г.г.

Но вотъ приближается война 1870/71 г. Рабочій классъ, а вмѣстѣ и с.-д. партія стали въ Германіи несравненно болѣе вліятельными. Съ другой стороны, сильно измѣнилась внѣшняя обстановка. Франко-прусская война начиналась при иныхъ условіяхъ. Неизмѣннымъ остался одинъ вопросъ: выступать ли соціалистамъ и въ этой войнѣ, какъ революціонерамъ, интернаціоналистамъ—даже въ тотъ моментъ, когда правительство своего «отечества» пытается сверху осуществить такое исторически-прогрессивное дѣло, какъ національное объединеніе? Или—превратиться въ соціалъ-патріотовъ, оказать поддержку своему правительству только потому, что оно «свое».

Какъ же отнеслась въ дѣйствительности германская соціалъ-демократія къ войнѣ 1870/71 г.? Какъ именно поняла она свои задачи по отношенію къ ней?

Четыре болѣе или менѣе ясныхъ тенденціи можно отмѣтить въ тогдашнемъ германскомъ соціалистическомъ лагерѣ:

1) позиція Швейцера и его группы,

2) позиція недавнихъ лассальянцевъ—дѣятелей Брауншвейгскаго Комитета—хотя и перешедшихъ на сторону эйзенахцевъ, но еще окончательно не порвавшихъ идейную пуповину, связывавшую ихъ съ лассальянствомъ,

3) позиція В. Либкнехта и Авг. Бебеля съ ихъ сторонниками,

4) позиція Маркса и Энгельса, которая теперь стала особенно ясной, благодаря опубликованной ихъ перепискѣ, дающей чрезвычайно цѣнный матеріалъ для сужденія объ ихъ тогдашнихъ взглядахъ.

Начнемъ съ позиціи *Швейцера* и его сторонниковъ.

Въ соотвѣтствіи со всей своей политической позиціей дѣйствовалъ Швейцеръ и во время франко-прусской войны. 16-го іюля 1870 года Швейцеръ на публичномъ собраніи въ Берлинѣ проводитъ резолюцію, которая гласитъ: «нарушителемъ мира является Наполеонъ, и Германія берется за оружіе, чтобы защитить свою независимость и свою честь» [1]).

---

[1]) См. Gustav-Mayer «Joh. Baptist von-Schweitzer und die S-Die», 1909 г., стр. 389.

19-го іюля въ историческомъ засѣданіи рейхстага Швейцеръ (вмѣстѣ съ Газенклеверомъ и Менде) голосовалъ *за* испрашиваемые военные кредиты (120 милліоновъ талеровъ). По поводу деклараціи, оглашенной въ рейхстагѣ Либкнехтомъ и Бебелемъ, Швейцеръ выступаетъ съ самыми неприличными нападками, обвиняя Вильгельма Либкнехта въ томъ, что онъ никто иной, какъ «австрійскій агентъ». «Программа этого австрійскаго агента (т. е. Либкнехта) заключается въ томъ, чтобы аннулировать завоеваніе («Rückgängigmachung des Werkes) 1886 года» [1]). Все было бы де отлично, если бы не этотъ агентъ и его клика, которые смѣютъ возстановлять народъ противъ Германіи (hetzt gegen Deutschland) во время войны.

24-го ноября въ Сѣверо-германскомъ рейхстагѣ во второй разъ голосовались новые кредиты на войну. Въ это время— послѣ Седана и даже Метца—побѣда Пруссіи была уже совершенно безспорна. Теперь и Швейцеръ съ его друзьями рѣшились голосовать противъ военныхъ кредитовъ и даже выразить пожеланіе, чтобы прусское правительство отказалось отъ насильственныхъ аннексій. Швейцеръ сдѣлалъ это въ формѣ присоединенія къ «поправкѣ» Бебеля—Либкнехта, которая гласила: «военные кредиты отклонить, требовать отъ имперскаго канцлера заключенія немедленнаго и справедливаго мира съ французской республикой и рекомендовать ему отказъ отъ всякой аннексіи».

Оцѣнивая все поведеніе Швейцера во время франко-прусской войны, Мерингъ приходитъ къ тому выводу, что: «во время этой войны его (Швейцера) политическая позиція была совершенно правильной (durchaus richtig), но слабѣе (schwächlicher—слабѣе, дрябла, менѣе мужественна), чѣмъ позиція Либкнехта и Бебеля» [2]).

Эта оцѣнка не кажется намъ правильной. Она носитъ на себѣ тѣ же слѣды эклектизма, что и вся вообще оцѣнка Мерингомъ лассальянства и, въ частности, дѣятельности Швейцера. Въ самомъ дѣлѣ, если политическая позиція Швейцера во время франко-прусской войны была «совершенно правильной», то почему же она должна быть признана «schwächlicher», чѣмъ политическая позиція Либкнехта и Бебеля. А если въ ней были элементы «Schwächlichkeit», то какъ же можно ее характеризовать словами: «совершенно правильна»?

---

[2]) Ibid, S. 390.
[1]) Mehring, Geschichte, т. IV, стр. 17/18.

На самомъ дѣлѣ въ поведеніи Швейцера въ 1870/71 г. были почти всѣ элементы такъ называемаго «патріотическаго» соціализма. Конечно, Швейцеръ тогда все-таки не дошелъ «до жизни такой», до которой пала германская соціалъ-демократія въ 1914—16 годахъ. Конечно, Швейцеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны нашелъ въ себѣ мужество присоединиться къ своимъ антагонистамъ Либкнехту и Бебелю и голосовать противъ новыхъ ассигновокъ. И, наконецъ, — послѣднее по счету, но отнюдь не по важности—самая война 1870—71 годовъ, по своему соціально-политическому значенію, по всему ея характеру была совсѣмъ не то, чѣмъ является чисто имперіалистская война 1914—16 годовъ. Но, при всемъ томъ, политическая позиція Швейцера въ этой войнѣ далеко не была образцомъ соціалъ-демократической выдержанности. Недаромъ даже горячему защитнику Швейцера—Фр. Мерингу при характеристикѣ будто бы «совершенно правильной» политической позиціи Швейцера какъ-то нечаянно подвернулось подъ перо такое нелестное слово, какъ «Schwächlichkeit», т. е. «дряблость», «слабость» неустойчивость...

Позиція Брауншвейгскаго Комитета.

А взгляды *Брауншвейгскаго Комитета*, этихъ бывшихъ лассальянцевъ, теперь какъ бы занявшихъ позицію среднюю между Швейцеромъ и Либкнехтомъ-Бебелемъ?

Они немногимъ отличались—особенно въ началѣ войны—отъ позиціи Швейцера. И только ихъ мужественное поведеніе во вторую стадію войны, стоившее имъ лишенія свободы и навлекшее на нихъ громы и молніи со стороны всей буржуазной Германіи, какъ-то больше примиряетъ со всей ихъ позиціей.

Швейцеръ называлъ дѣятелей этого комитета (Браке, Бонгорстъ, Эллерсъ, Кюнъ и Шпиръ) «Strohpuppen», соломенными куклами Либкнехта. Но на самомъ дѣлѣ они въ началѣ войны вели себя, какъ Strohpuppen *въ рукахъ Швейцера*. Немедленно же послѣ объявленія войны они созываютъ въ Брауншвейгѣ публичное собраніе, на которомъ проводятъ рѣшеніе, что «оборонительная война должна быть признана, какъ неизбѣжное зло» [1]). Депутатъ Фрицше, тоже недавній лассальянецъ, примкнувшій къ эйзенахцамъ, голосуетъ въ рейхстагѣ вмѣстѣ съ

---

[1]) Gustav Mayer, 389.

Швейцеромъ *за* первые военные кредиты. Фрицше, съ извѣстнымъ правомъ, можно считать въ этомъ пунктѣ парламентскимъ представителемъ именно Брауншвейгскаго Комитета.

Позиція В. Либкнехта и Бебеля, а также позиція редактируемаго Либкнехтомъ «Volkstaat'a» брауншвейгцамъ чрезвычайно не нравится. Они выступаютъ съ безпрерывными протестами. 15-го іюля Брауншвейгскій Комитетъ выступаетъ съ манифестомъ, явно направленнымъ противъ Либкнехта-Бебеля. Война—читаемъ мы въ этомъ манифестѣ—«поскольку она является оборонительной войной, должна быть поддержана нѣмецкими рабочими» [2]). Манифестъ кончается возгласами: «*да здравствуетъ Германія!*», «да здравствуетъ интернаціональная борьба пролетаріата!»

Конфликтъ между Либкнехтомъ-Бебелемъ и брауншвейгцами разгорается. Обѣ стороны сдерживаются только для того, чтобы открытымъ разрывомъ не доставить дешеваго торжества общему противнику—Швейцеру, къ которому и тѣ и другіе питаютъ слишкомъ опредѣленныя чувства. Но брауншвейгцы рѣшительно настаиваютъ на своей точкѣ зрѣнія и развиваютъ очень энергичную агитацію въ цѣломъ рядѣ городовъ, чтобы «снизу» оказать давленіе на непримиримыхъ Бебеля и Либкнехта.

На лейпцигскомъ процессѣ были оглашены нѣсколько чрезвычайно интересныхъ писемъ Либкнехта и Бебеля къ брауншвейгцамъ (письма эти были захвачены при арестѣ этихъ послѣднихъ), изъ которыхъ мы приведемъ нѣсколько выдержекъ.

26 іюля В. Либкнехтъ пробуетъ еще писать имъ въ примирительномъ тонѣ.

«Мы едины въ вопросѣ о первыхъ двухъ пунктахъ его (брауншвейгскаго) рѣшенія, ибо мы всѣ, конечно, противники династическихъ войнъ и стоимъ на точкѣ зрѣнія не національной, а интернаціональной. Напротивъ, 3-й пунктъ касательно отношенія къ прусскому правительству во время настоящаго furor teutonicus—насъ раздѣляетъ... Очень трудно не поддаться мѣстнымъ настроеніямъ въ нынѣшнія бурныя времена. И я, поэтому, не слишкомъ упрекаю васъ за ваше патріотическое усердіе. Но будьте же и вы терпимы. Если вы и не согласны съ моей и Бебелевской позиціей въ рейхстагѣ, то это несогласіе во что бы то ни стало должно быть теперь отложено въ сторону, или, по крайней мѣрѣ, надо избѣгать открытаго

---

[1]) Mehring, «Исторія», т. IV, стр. 6/7.

конфликта... Я заклинаю васъ устранить все то, что можетъ обострить расхожденіе» [1]).

Но особенно интересно опубликованное на томъ же судѣ письмо Бебеля къ брауншвейгцамъ.

«Если Брауншвейгскій Комитетъ выступитъ противъ Либкнехта, мы отказываемся отъ всякаго сотрудничества въ «Volksstaat'ѣ». Судя по вашему письму, вы впали въ какой-то національный пароксизмъ, вы какъ будто добиваетесь скандала и партійнаго раскола во что бы то ни стало. Чтобы мы своимъ поведеніемъ въ рейхстагѣ нарушили наши принципы—вы не докажете. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться тѣмъ, чтобы не обострять конфликта, вы требуете отъ людей, имѣющихъ твердыя убѣжденія, измѣненія, отказа отъ этихъ убѣжденій! Именно въ теченіе послѣднихъ недѣль «Volksstaat» показалъ себя строго партійнымъ органомъ. Доказательство: единодушный злобный вопль со стороны нашихъ противниковъ. Или и вы хотите присоединить свой голосъ къ этому націоналъ-либеральному вою? Вы говорите о саксонскомъ партикуляризмѣ! А на самомъ дѣлѣ именно въ Саксоніи мы всѣ выступаемъ, какъ добрые соціалъ-республиканцы, и мы всѣ смотримъ на эту войну, какъ на династическую. *Марксъ тоже высказался за насъ* (курс. нашъ Г. З.). Цюрихъ тоже, а Беккеръ ужъ навѣрное тоже на нашей сторонѣ» [2]).

А на самомъ судѣ Бебель въ поясненіе этого письма прибавилъ:

«Мы, т. е. В. Либкнехтъ и я, воздержались въ рейхстагѣ при голосованіи военныхъ кредитовъ, и за это Брауншвейгскій Комитетъ самымъ рѣзкимъ образомъ на насъ обрушился. Это-де противорѣчитъ демократизму, это-де въ силу нашего саксонскаго партикуляризма мы поступили такимъ образомъ. Противъ такихъ взглядовъ я и выступилъ въ приведенномъ письмѣ».

Бебель былъ тысячу разъ правъ, когда, подчеркивая, что онъ и Либкнехтъ дѣйствуютъ въ силу «твердаго убѣжденія», тѣмъ самымъ намекалъ брауншвейгцамъ, что у нихъ-то такихъ убѣжденій нѣтъ, а есть только *колебанія*.

Въ томъ же первомъ своемъ манифестѣ Брауншвейгскій Комитетъ привѣтствуетъ французскихъ рабочихъ, выступаетъ противъ національной ненависти, заявляетъ, что послѣ войны нѣмецкіе и французскіе рабочіе опять братски пойдутъ рука

---

[1]) «Leipziger Hochverrathsprozess», 121—122.
[2]) Ibid. 224.

объ руку, выражаетъ надежду, что рабочіе окажутъ рѣшающее вліяніе на исходъ войны. Но тутъ же вы встрѣчаете заявленіе: «мы, какъ нѣмцы, должны постоять за Германію». Либкнехтъ былъ совсѣмъ недалекъ отъ истины, когда на Лейпцигскомъ процессѣ сказалъ: «я считаю, что весь этотъ манифестъ, за исключеніемъ 2—3 фразъ, могъ бы прекрасно быть напечатанъ въ прусскомъ правительственномъ вѣстникѣ» (стр. 298). А Бебель прибавилъ: «манифестъ показался намъ черезчуръ истинно-прусскимъ; мы не могли бы согласиться съ нимъ почти ни въ чемъ. Наступленіе подъ звуки барабана (въ манифестѣ говорилось, что такое наступленіе начнется послѣ войны)—чистая фраза. Изъ за этого манифеста и начался нашъ конфликтъ съ Брауншвейгомъ. Все это могло бы быть сказано въ тронной рѣчи короля Вильгельма». (299).

Если почти черезъ 2 года, уже послѣ окончанія войны и разрѣшенія спора, Бебель и Либкнехтъ на *судѣ* передъ чужими людьми считали нужнымъ въ *такомъ* тонѣ говорить о первыхъ выступленіяхъ брауншвейгцевъ, то легко представить себѣ, какъ сильно натянуты были струны въ моментъ самаго конфликта. Либкнехтъ одно время былъ такъ возмущенъ что готовъ былъ бросить все и вновь эмигрировать въ Англію или въ Америку—изъ чувства омерзѣнія, какъ онъ говорилъ, передъ оргіей пошлаго «патріотизма». Но событія пошли быстрымъ темпомъ. И къ чести брауншвейгцевъ надо сказать, что они сумѣли сдѣлать выводы изъ этихъ событій. Немедленно же послѣ Седана и послѣ паденія имперіи Бонапарта, они въ своемъ новомъ манифестѣ (отъ 5 сент. 1870 г.) провозглашаютъ «ура» французской республикѣ, требуютъ немедленнаго заключенія мира, мужественно высказываются противъ аннексій и т. д. Ихъ единомышленникъ Фрицше въ рейхстагѣ теперь, при второй ассигновкѣ, тоже голосуетъ вмѣстѣ съ Бебелемъ и Либкнехтомъ *противъ* военныхъ кредитовъ.

За выпускъ этого новаго манифеста брауншвейгцы были арестованы и въ наручняхъ увезены въ крѣпость. На лейпцигскомъ процессѣ Браке—главный дѣятель Брауншв. Комитета—прямо и честно заявилъ: «Когда вспыхнула франко-прусская война, между нами и редакціей возникли разногласія. Мы считали эту войну оборонительной. Редакція смотрѣла на нее, какъ на войну чисто-династическую. Мы желали, чтобы редакція подчинила свои взгляды взглядамъ комитета. Редакція отказывалась это сдѣлать... Лейпцигскіе товарищи держались иного взгляда на войну, которую мы *ошибочно* (fälsch-

lich) разсматривали, какъ войну оборонительную. Это вызвало конфликтъ, и, чтобы его разрѣшить, мы сочли полезнымъ прибѣгнуть къ мнѣнію третьяго лица, къ которому мы всѣ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Это лицо былъ—Марксъ. Его отвѣтъ получился незадолго до Седана и меня совершенно убѣдилъ. Часть этого письма я перепечаталъ буквально въ манифестѣ Комитета отъ 5 сентября 1870 года[1]).

Въ своей книгѣ «Брауншвейгскій Комитетъ въ крѣпости и на судѣ», Браке въ 1872 году такъ же честно призналъ свою ошибку. Онъ писалъ:

«Мы видѣли въ Наполеонѣ главнаго врага свободы и нарушителя европейскаго мира... Уже только позднѣе мы увидѣли, что это по меньшей мѣрѣ еще большой вопросъ, какая сторона въ тотъ моментъ считала войну болѣе желательной—французы или нѣмцы... А со дня Седана положеніе измѣнилось. Объ оборонительной войнѣ не могло быть болѣе и рѣчи... [2])

Въ рѣчи на судѣ Браке говорилъ о письмѣ Маркса къ Брауншвейгскому Комитету. Въ манифестѣ брауншвейгцевъ отъ 5 сентября дѣйствительно напечатанъ большой отрывокъ изъ письма Маркса. По имени Марксъ въ манифестѣ не названъ. Комитетъ сослался лишь на «одного выдающагося друга, находящагося заграницей, который намъ пишетъ (слѣдуетъ указанная выписка).

Въ сборникѣ «Война» (Парижъ 1915 г.) Плехановъ утверждаетъ, что манифестъ Брауншвейгскаго Комитета отъ 5 сент. 1870 г. «тоже вышелъ изъ подъ пера Маркса» (24).

Мы уже знаемъ, что это *не такъ*. Для полнаго опроверженія Плеханова мы можемъ еще сослаться на слѣдующее, не оставляющее никакихъ сомнѣній, мѣсто въ книгѣ Браке. «Переговоривъ съ нѣкоторыми членами Комитета, *я написалъ этотъ манифестъ*» [3])—пишетъ этотъ главный дѣятель Брауншвейгскаго Комитета.

Плеханову для защиты его нынѣшней позиціи очень хотѣлось бы представить дѣло такъ, будто въ 1870 году Марксъ былъ солидаренъ не съ Бебелемъ и Либкнехтомъ, а съ непослѣдовательными швейцеріанцами. Der Wunsch ist der Vater des Gedankens... Отсюда и та напраслина, которую Плехановъ возводитъ на Маркса. Этимъ и объясняется то, что «изъ подъ

---

[1]) «Leipziger Hochverrathspreess», 406—408.

[2]) «Der Braunschweiger Ausschuss in Lötzen und vor Gericht», Braun schweig, 1872, 2, 6.

[3]) Ibid., стр. 7.

пера» Плеханова выходятъ утвержденія, прямо противоположныя истинѣ...

Письмо Маркса къ брауншвейгцамъ имѣетъ большое историческое значеніе. О немъ мы подробнѣе говоримъ въ главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о взглядахъ Маркса и Энгельса.

Такова была промежуточная позиція Брауншвейгскаго Комитета и его единомышленниковъ. Перейдемъ теперь къ поведенію главной группы тогдашней германской с.-діи—съ Либкнехтомъ и Бебелемъ во главѣ.

Позиція Бебеля и Либкнехта.

Въ борьбѣ Либкнехта противъ Швейцера иногда бывали элементы того, что Энгельсъ называлъ угловатымъ «анти-бисмаркизмомъ». Противъ бисмаркистской насквозь политики Швейцера Либкнехтъ иногда перегибалъ палку въ другую сторону. Отъ этой погрѣшности, быть можетъ, была несвободна та или другая статья «Volksstaat'a» и во время франко-прусской войны. Но относительно всей политической позиціи Либкнехта (и Бебеля) во время франко-прусской войны мы должны сказать, что они дали намъ образецъ того, какъ должны дѣйствовать революціонные соціалъ-демократы, если они хотятъ остаться вѣрными знамени интернаціонализма.

Либкнехта упрекали въ томъ, будто онъ не дооцѣнивалъ важности пораженія Бонапарта съ точки зрѣнія торжества французской демократіи, будто въ своей ослѣпленной ненависти противъ Бисмарка онъ не видѣлъ, какимъ грознымъ врагомъ соціализма и демократической свободы была имперія Наполеона. Это невѣрно. Въ самые же первые дни войны Либкнехтъ писалъ въ «Volksstaat'ѣ»: «Бонапартъ желаетъ путемъ униженія Пруссіи укрѣпить свой колеблющійся тронъ, онъ пытается уготовить соціально-республиканскому движенію Франціи внутреннюю Садовую. Декабрьскій тронъ есть краеугольный камень реакціонной Европы. Съ пораженіемъ Бонапарта падаетъ также главный носитель современнаго классоваго и сабельнаго режима. Съ побѣдой же Бонапарта терпитъ крушеніе не только французская, но и вся вообще европейская демократія. Наши интересы требуютъ уничтоженія Бонапарта. Наши интересы находятся въ гармоніи съ интересами *французскаго* (курсивъ нашъ) народа».

«Мы меньше всего хотимъ оправдывать и обѣлять Бонапарта. Уже давнымъ давно мы трактовали Бонапарта, какъ мелкаго мошенника и предателя народныхъ интересовъ. Мы третировали

его такимъ образомъ еще въ то время, когда вся буржуазная и правительственная германская печать, и въ особенности нѣмецкіе князья, чествовали его, какъ спасителя общества и буржуазнаго порядка»—такъ писалъ В. Либкнехтъ непосредственно послѣ окончанія войны [1]).

Либкнехтъ превосходно понималъ, какъ важно было для дѣла пролетаріата свалить опору всемірной реакціи—имперію Бонапарта. Но это вовсе не значило, что онъ долженъ былъ вотировать военные кредиты, солидаризироваться съ Бисмаркомъ, или съ нѣмецкимъ «фатерландомъ». Мы подчеркнули, что Либкнехтъ говорилъ объ общности интересовъ съ *французскимъ* народомъ въ борьбѣ противъ имперіи. И онъ былъ тысячу разъ правъ. Именно такъ и долженъ былъ аргументировать интернаціональный соціалъ-демократъ.

Когда В. Либкнехтъ писалъ въ томъ же «Volksstaat'ѣ»: «Пусть нѣмецкій и французскій цезаризмъ дерутся сами, въ сопровожденіи денежной аристократіи—мы пролетаріи съ войной ничего общаго не имѣемъ», то только мелочно придирчивый критикъ можетъ увидѣть здѣсь одно «голое отрицаніе» и «фразу». На дѣлѣ Либкнехтъ вовсе не звалъ рабочихъ просто устраниться съ поля политической борьбы. Напротивъ, онъ звалъ къ самому энергичному вмѣшательству въ ходъ событій. Когда онъ говорилъ: пролетаріи ничего общаго не имѣютъ съ этой войной,—это означало только одно: что пролетаріи не должны брать на себя никакой отвѣтственности за эту войну ни въ Германіи, ни во Франціи. Но это вовсе не значило, что пролетаріи не должны были имѣть своего мнѣнія по поводу того, чье пораженіе будетъ выгоднѣе дѣлу международнаго соціализма. Это вовсе не значило, что рабочему классу рекомендовалось уйти подъ сѣнь голыхъ фразъ, остаться равнодушнымъ къ происходящимъ исторической важности событіямъ.

Передъ самымъ началомъ войны французскіе члены Интернаціонала (во Франціи въ то время въ союзахъ, ассоціаціяхъ и т. д. насчитывалось до 250 тысячъ человѣкъ, примыкающихъ къ Интернаціоналу) выпустили воззваніе къ рабочимъ всѣхъ странъ, въ которомъ они говорили, что это будетъ война изъ-за вопроса «о перевѣсѣ той или другой династіи» и что такая война «въ глазахъ всѣхъ рабочихъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ,

---

[1]) См. его брошюру объ Эмской депешѣ «Die Emser Depesche, oder wie Kriege gemacht werden», стр. 12. Эта брошюра стала теперь библіографическою рѣдкостью. Она заслуживаетъ большого вниманія всѣхъ интересующихся вопросомъ о томъ, какъ высокопоставленные дипломаты «дѣлаютъ» войны.

какъ преступнымъ безуміемъ». Многочисленные адреса французскихъ соціалистовъ, написанные въ такомъ же духѣ, осуждали войну, какъ «исключительно династическую».

Когда 17 іюля 1870 года, сейчасъ же послѣ объявленія войны, въ Хемницѣ открылся областной съѣздъ саксонскихъ соціалъ-демократовъ, Бебель и Либкнехтъ провели тамъ резолюцію, въ которой война осуждалась, какъ династическая, и которая призывала нѣмецкихъ рабочихъ и демократію присоединиться къ протесту, опубликованному *французскими* товарищами. Такія же резолюціи были проведены на массовыхъ собраніяхъ рабочихъ въ Лейпцигѣ, Нюренбергѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Фюртѣ, Креефельдѣ и т. д.

Засѣданіе рейхстага, въ которомъ должны были обсуждаться первые военные кредиты, назначено было на 19 іюля. Либкнехтъ съ Бебелемъ прямо съ Хемницкаго съѣзда должны были отправиться въ Берлинъ на открытіе рейхстага. По дорогѣ они, въ виду мобилизаціонной горячки, застряли на цѣлую ночь на маленькой станціи Гесницъ. Здѣсь и произошло послѣднее ихъ совѣщаніе и было принято окончательное рѣшеніе относительно того, какъ вести себя въ предстоящей сессіи рейхстага. Либкнехтъ предлагалъ голосовать *противъ* военныхъ кредитовъ. Бебель настаивалъ на томъ, что надо воздержаться, и ему удалось убѣдить въ этомъ также Либкнехта. Главное соображеніе было то, что, какъ революціонеры и соціалъ-демократы, они не могутъ ни прямо, ни косвенно солидаризироваться съ Бисмаркомъ, но—не должны также, хотя бы только косвенно, поддерживать и Бонапарта.

Декларація, составленная и прочитанная отъ общаго ихъ имени Бебелемъ, гласила:

«Нынѣшняя война есть война династическая, предпринятая въ интересахъ династіи Бонапарта [1])—совершенно такъ же, какъ война 1866 года была предпринята въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ.

«Требуемыхъ отъ рейхстага суммъ на веденіе этой войны мы не можемъ вотировать, ибо это было бы выраженіемъ довѣрія прусскому правительству, которое своимъ образомъ дѣйствій въ 1866 году подготовило нынѣшнюю войну.

«Въ качествѣ принципіальныхъ противниковъ какихъ бы то ни было династическихъ войнъ, въ качествѣ соціалистовъ-республиканцевъ и членовъ Международнаго Товарищества

---

[1]) Эти слова о войнѣ, «предпринятой въ интересахъ династіи *Бонапарта*», показываютъ, что въ самомъ началѣ войны и Бебель съ Либкнехтомъ тоже считали нападающей стороной *Францію*, а не Бисмарка.

Рабочихъ, которое борется противъ всѣхъ и всякихъ поработителей безъ различія ихъ національности и которое стремится объединить всѣхъ порабощенныхъ въ единый великій братскій союзъ,—мы не можемъ ни прямо, ни косвенно высказаться *за* эту войну и воздерживаемся поэтому отъ голосованія. При этомъ мы высказываемъ полную увѣренность, что народы Европы, наученные горькимъ опытомъ современныхъ печальныхъ событій, напрягутъ всѣ свои силы, чтобы завоевать себѣ право на самоопредѣленіе и положить конецъ нынѣшнему режиму сабли и классоваго угнетенія, который является причиной всѣхъ общественныхъ и государственныхъ бѣдъ».

Достойно революціонныхъ марксистовъ было отношеніе Бебеля и Либкнехта къ парижской Коммунѣ. Послѣ блестящихъ побѣдъ германскаго оружія Коммуна была первымъ облачкомъ на ясномъ небѣ Гогенцоллерновъ. Бисмарку приписываютъ признаніе, что Коммуна причинила ему первую безсонную ночь въ теченіе всей войны. Легко себѣ представить, что Коммуна дѣйствительно должна была причинить не мало безпокойства Бисмарку. Во первыхъ, Коммуна была первымъ внушительнымъ memento mori (напоминаніе о смерти) для всего буржуазнаго общества. А, во вторыхъ, Коммуна брала дѣло національной обороны въ свои собственныя руки, и Бисмаркъ догадывался, что имѣть дѣло съ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ совсѣмъ не то, что имѣть дѣло съ генералами прогнившей имперіи à la Трошю.

Бисмаркъ впослѣдствіи самъ признавался, что къ концу войны онъ самъ уже очень хотѣлъ мира—ибо боялся къ этому моменту не только Коммуны, но и вмѣшательства нейтральныхъ державъ. Онъ, по его словамъ, готовъ былъ даже удовольствоваться меньшими территоріальными уступками со стороны Франціи.

Въ его извѣстной рѣчи объ иностранной политикѣ, отъ 11 января 1887 года, онъ говорилъ [1]):

«Я уже въ 1871 году не очень склоненъ былъ брать Метцъ. Я выступалъ тогда за языковую границу. Но раньше, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, я освѣдомился у военныхъ авторитетовъ. Тьеръ заявилъ мнѣ: мы можемъ вамъ дать *или* Бельфоръ *или* Метцъ, а если вы будете настаивать и на томъ и на другомъ—мы не пойдемъ сейчасъ на миръ. А я въ это время былъ *очень озабоченъ* возможнымъ вмѣшательствомъ нейтраль-

---

[1]) См. «Die Reichstagsrede des Fürsten Bismarck vom 11 Jan. 1887 ber die politische Lage Europas», стр. 1 6/17.

ныхъ державъ. Я посовѣтовался съ Мольтке. Онъ сказалъ: Метцъ стоитъ 100000 солдатъ... Тогда я сказалъ: возьмемъ Метцъ».

Бисмаркъ еще черезъ 16 лѣтъ продолжалъ жалѣть, что такъ «мало» содралъ съ побѣжденной Франціи. Какъ извѣстно, онъ ограбилъ ее всего на 5 милліардовъ и взялъ отъ нея «только» двѣ провинціи. Бисмаркъ объяснялъ свою скромность тѣмъ, что «такого умѣреннаго побѣдителя, какимъ явился христіанинъ-нѣмецъ, вообще не сыщешь во всемъ свѣтѣ» [1]). На самомъ дѣлѣ, если Бисмарку не удалось сдѣлать еще большее кровопусканіе Франціи (saigner a blanc—это выраженіе Бисмаркъ очень любилъ повторять), такъ это, разумѣется, не потому, что онъ былъ слишкомъ скроменъ, а потому, что онъ боялся, какъ бы Коммуна въ самомъ дѣлѣ не справилась и съ внутреннимъ, и съ внѣшнимъ врагомъ.

Вся буржуазная, вся юнкерская Германія вдвойнѣ ненавидѣла тогда парижскую Коммуну.

Защищать Коммуну и бороться противъ аннексіи въ тогдашней нафанатизированной, утопавшей въ шовинизмѣ, Германіи, было дѣломъ не легкимъ. На Бебеля прямо бросались съ кулаками, когда онъ въ рейхстагѣ произнесъ свою памятную рѣчь въ защиту Коммуны.—Это только маленькая форпостная стычка, настоящій пожаръ гражданской войны еще впереди. Лозунгъ «война дворцамъ, миръ хижинамъ» скоро зазвучитъ по всей Европѣ,—бросилъ Бебель разъяренному феодально-буржуазному рейхстагу. Эту рѣчь черезъ два года, во время лейпцигскаго процесса, Бебелю особо поставили въ вину. А когда въ 1878 году Бисмаркъ впервые выступилъ съ проектомъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ, онъ торжественно заявилъ, что именно эта рѣчь Бебеля въ защиту Коммуны раскрыла ему глаза насчетъ истиннаго характера соціалъ-демократіи.

И не только Бебель въ рейхстагѣ, гдѣ онъ меньше рисковалъ, но и газета Бебеля и Либкнехта «Volksstaat» выступила съ мужественной защитой Коммуны.

Въ № 46 этой газеты редакція писала:

«Нѣкоторые буржуазные органы имѣютъ наивное безстыдство требовать отъ германской соціалъ-демократіи, чтобы она формально отреклась отъ парижской Коммуны.

«Читайте наши партійные органы, господа буржуа, тамъ вы найдете отвѣтъ. Мы *вполнѣ солидарны* и мы заявляемъ себя

---

[1]) W. Bracke, «Der Braunschweiger Ausschuss vor Gericht», стр. 80.

солидарными съ Коммуной, и мы готовы во всякую минуту защищать передъ кѣмъ угодно дѣйствія Коммуны» [1]).

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ тогдашній центральный органъ германской соц.-демократіи...

Надо хорошенько отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ великъ былъ тогда шовинизмъ въ Германіи, чтобы по достоинству оцѣнить антишовинистскія выступленія Бебеля и Либкнехта. И—не только въ Германіи. Во Франціи была та же картина. Европейская буржуазія, вплоть до самой радикальной, добровольно отдалась подъ диктатуру солдатчины. Еще во время конфликта изъ-за Люксембурга представители радикальной буржуазіи разныхъ странъ—Шарль Лемонье, Викторъ Гюго, Гарибальди и другіе—образовали европейскую лигу мира съ девизомъ: «si vis pacem para libertatem» («хочешь мира, подготовляй свободу»). Теперь объ этомъ не было и рѣчи. По крайней мѣрѣ, въ Германіи буржуазной демократіи не оказывалось. Іоганнъ Якоби, который именно въ связи съ гоненіями противъ германской соціалъ-демократіи за ея «антипатріотизмъ» въ войнѣ 1870/71 перешелъ въ ряды соц.-демократіи,—былъ единичнымъ исключеніемъ. Тѣмъ рѣзче, тѣмъ послѣдовательнѣе выдѣляется на этомъ фонѣ мужественное поведеніе Бебеля и Либкнехта.

Много мужества надо было, чтобы въ то время писать въ «Volksstaat'ѣ»:

«Французскій соціалъ-демократъ—нашъ братъ, хотя онъ и принадлежитъ къ другой національности. А нѣмецкій буржуа и реакціонеръ—нашъ врагъ, хотя онъ и принадлежитъ къ той же національности, что и мы».

Нужно было много рѣшительности, чтобы во время всеобщаго упоенія побѣдами германскаго оружія проповѣдывать въ томъ же «Volksstaat'ѣ» пораженіе прусской монархіи и вести прямую республиканскую агитацію. А Либкнехтъ съ Бебелемъ это дѣлали.

«Кто,—писалъ «Volksstaat»,—когда-либо слышалъ, чтобы деспотическое правительство, одержавшее побѣду, стало либеральнымъ? Съ побѣжденными же правительствами это иногда на короткое время случается. Примѣръ—Пруссія въ 1806 году и Австрія въ 1866».

«*Противъ* кого намъ нужно теперь бороться,—писалъ тотъ же «Volksstaat»,—относительно этого существуетъ полное единодушіе между всѣми нѣмцами (имѣлась въ виду импе-

[2]) Тамъ же, стр. 23.

рія Бонапарта). Но вотъ вопросъ: *за* кого же намъ бороться? (намекъ на то, что не за прусскую монархію, а за германскую республику слѣдуетъ бороться).

Подъ страхомъ самыхъ жестокихъ преслѣдованій Либкнехтъ печатаетъ въ своей единственной соціалистической газетѣ въ Германіи всѣ воззванія французскихъ соціалистовъ противъ войны. На судѣ въ Лейпцигѣ ихъ было оглашено нѣсколько. Въ одномъ изъ нихъ (напечатанномъ въ «Volksstaat'ѣ» № 61) Парижская секція Интернаціонала писала:

«Передъ лицомъ братоубійственной войны, той ужасной войны, въ которой падутъ тысячи нашихъ братьевъ, передъ лицомъ страданій, слезъ, угрожающей голодной смерти... мы, во имя братства народовъ, протестуемъ противъ войны и ея виновниковъ. Мы призываемъ всѣхъ сторонниковъ труда и мира къ борьбѣ за... (многоточіе) и мировую свободу. Да здравствуютъ народы—долой тирановъ!»

На судѣ Либкнехтъ заявилъ: я радъ, что и этотъ документъ поставленъ намъ въ вину. Ибо этотъ документъ доказываетъ, что наши французскіе товарищи, парижскіе члены Интернаціонала, не принадлежали къ числу шовинистовъ.

И французскіе члены Интернаціонала были единственными людьми во всей Франціи, которые имѣли мужество организовать демонстрацію противъ войны.

Въ № 73 «Volksstaat'а» помѣщено 2-ое воззваніе французскихъ соціалистовъ отъ 11 сентября 1870 года. Воззваніе подписано было Толэномъ , Лонгэ, Вальяномъ, Камелина и др. Оно писано послѣ Седана, послѣ паденія Наполеона. Наполеонъ больше для насъ не существуетъ,—заявляетъ это воззваніе. Оно заклинаетъ нѣмецкій народъ добиться прекращенія войны.—Да здравствуетъ всемірная республика! А вы, товарищи германскіе соц.-дем., вы, которые съ самаго начала протестовали противъ войны, вы боритесь и дальше противъ международной ненависти.

Такъ заканчивалось французское воззваніе. Редакція «Volksstaat'а», т. е. Либкнехтъ (и Бебель), сдѣлала къ этому коротенькую, но очень выразительную приписку:

«Лучшая гарантія мира это—свободная Франція и *свободная Германія. Французы выполнили свой долгъ—выполнимте и мы нашу обязанность*». (Другими словами—свергнемте и мы монархію въ Пруссіи и учредимте республику).

Эта коротенькая приписка дорого обошлась Бебелю и Либкнехту. На судѣ въ Лейпцигѣ предсѣдатель сдѣлалъ имъ самый подробный инквизиторскій допросъ насчетъ того, что

именно имѣли они въ виду сказать этими словами. Либкнехтъ и Бебель не отрицали своей «вины». Въ обвинительной рѣчи прокурора эта маленькая приписка сыграла очень большую роль. И прокуроръ добился таки двухъ годовъ крѣпости для обоихъ подсудимыхъ...

Вотъ какъ дѣйствовали во время франко-прусской войны вожди германской соціалъ-демократіи Либкнехтъ и Бебель.

Какъ поступили бы они, будь они живы, теперь? Объ этомъ невозможно, да и безполезно гадать. Либкнехтъ былъ человѣкъ большаго революціоннаго темперамента, чѣмъ Бебель. Въ своихъ воспоминаніяхъ Авг. Бебель разсказываетъ, что, когда послѣ Седана въ Парижѣ была провозглашена республика, Либкнехтъ прибѣжалъ къ нему въ мастерскую, вломился въ его комнату и въ величайшемъ возбужденіи со слезами радости на глазахъ сообщилъ ему о паденіи имперіи. И Либкнехтъ,— продолжаетъ Бебель,—былъ чрезвычайно смущенъ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ я встрѣтилъ это извѣстіе.

Но, чтобы ни говорили оппортунисты о Бебелѣ, какъ бы ни увѣряли они, что Бебель былъ бы теперь съ ними, какъ бы ни велики были тѣ уступки, которыя Бебель въ самомъ дѣлѣ допустилъ по отношенію къ нимъ въ послѣдніе годы своей жизни, не надо забывать вотъ чего. Еще *въ 1911 году* (время выхода въ свѣтъ 2-го тома его мемуаровъ) Бебель, обозрѣвая плоды своей жизни, счелъ нужнымъ относительно его поведенія во время франко-прусской войны заявить:

«*Я торжественно заявляю* (ich bekenne—вѣрую и исповѣдую), *что я ни въ какой мѣрѣ не раскаиваюсь въ нашемъ тогдашнемъ поведеніи.* Если бы мы въ началѣ войны знали все то, съ чѣмъ мы на основаніи оффиціальныхъ и внѣ-оффиціальныхъ источниковъ ознакомились въ слѣдующемъ году, мы держались бы еще рѣзче. Мы при голосованіи военныхъ кредитовъ должны были бы не воздерживаться, а *голосовать противъ нихъ*» [1]).

Это звучитъ очень многообѣщающе и, во всякомъ случаѣ, никому не даетъ права зачислять Бебеля по штату Зюдекума.

Отъ Вильгельма Либкнехта до Альберта Зюдекума.

Вотъ какова была германская соціалъ-демократія 40 лѣтъ тому назадъ. Такой мы полюбили ее, такой врѣзалась она въ

---

[1]) Мемуары, т. II, стр. 167; въ этомъ же духѣ Бебель дѣлалъ заявленія не разъ. См., напр., его заявленіе на Бременскомъ партейтагѣ, въ 1914 г. Protokollen, стр. 212.

память пробуждающагося пролетаріата всѣхъ странъ. Именно тогда, когда она грудью прокладывала себѣ путь *противъ теченія,* она стала великой, именно тогда она завоевала сердца всего героическаго и мыслящаго въ міровомъ пролетаріатѣ.

Когда прочитываешь протоколы Лейпцигскаго суда по дѣлу о «государственной измѣнѣ» Бебеля и Либкнехта, гдѣ эпоха 1870/71 г. въ жизни соціалистовъ обрисована съ наибольшею полнотою,—все время не выходитъ изъ головы мысль: какъ хороша была тогда германская соціалъ-демократія, какая сила, свѣжесть, какой неисчерпаемый родникъ бодрости, какой размахъ, какой полетъ ума, какая твердость, какой запасъ самопожертвованія! И—какъ низко пала она теперь...

Нельзя и сейчасъ безъ живѣйшаго волненія читать полныя революціонной гордости рѣчи В. Либкнехта и реплики Бебеля на этомъ судѣ. Перечитайте автобіографію Либкнехта, изложенную въ видѣ рѣчи на этомъ судѣ. (Именно въ этой рѣчи Либкнехтъ заявилъ: мнѣ вовсе не принадлежитъ та преувеличенная роль, которую вы мнѣ приписываете, по мнѣ назовите меня лучше всего простымъ *солдатомъ революціи*). Вильгельмъ Либкнехтъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ вождей германской соц.-демократіи, которые сами непосредственно пережили эпоху революціи 1848 года, сами принимали участіе въ революціи, сами ощутили на себѣ животворное дыханіе ея. Перечитайте рѣчи Либкнехта, и вы убѣдитесь, какое колоссальное вліяніе оказываютъ такія революціонныя переживанія, какъ незамѣнимы они для дѣятеля соціалистическаго движенія, какое неизгладимое впечатлѣніе оставляютъ они въ немъ на всю жизнь. Дуновеніе революціоннаго вѣтра—уже въ гораздо болѣе слабой степени—коснулось и Бебеля. Онъ былъ моложе Либкнехта. Либкнехту въ 1848-мъ году было 22 года, а Бебелю—лишь 8. Но остальные вожди, нынѣшнее ихъ поколѣніе въ германской соціалъ-демократіи не пережили ничего подобнаго. И это обстоятельство наложило свой отпечатокъ на всю ихъ психологію, на всю ихъ дѣятельность. Отъ «солдата революціи» Вильгельма Либкнехта до Geschäftssozialist'a (дѣльца отъ соціализма) Альберта Зюдекума—вотъ дистанція, отдѣляющая вождей нынѣшней германской с.-д. отъ ея вождей 1870 года. Длинный, слишкомъ длинный путь, приведшій германскую соціалъ-демократію къ такому тяжелому, такому чудовищному позору...

IV. Завѣты Маркса-Энгельса и «новый методъ» соціалъ-шовинистовъ.

Какъ соціалъ-шовинисты обоихъ лагерей обрабатываютъ взгляды Маркса и Энгельса.—Взгляды Маркса и Энгельса въ 1848 году и «борьба противъ царизма» въ 1914—16 годахъ.—Взгляды М—Э. въ 1854—59 годахъ, и могутъ-ли марксисты въ нынѣшнюю эпоху «брать сторону» той или иной коалиціи державъ.—Схема взглядовъ М.—Э. на войну 1870/71 г.—Первое Обращеніе Интернаціонала.—Второе Обращеніе И-ла. Оправдавшіяся предсказанія Маркса.—Переписка Маркса съ Энгельсомъ. Какъ Гарденинъ «доказалъ», что Зюдекумъ исполняетъ завѣты Маркса.—Еще переписка Маркса съ Энгельсомъ. Нѣчто о Плехановѣ, бисмаркизмѣ и «реакціонизмѣ».—И еще разъ переписка Маркса съ Энгельсомъ. Свидѣтельскія показанія Вальяна и Лафарга.—Фр. Энгельсъ объ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи. Оправдавшіяся предсказанія Энгельса.—Марксъ и ирландскій вопросъ. Право націй на самоопредѣленіе. Ключъ къ позиціи марксизма въ національномъ вопросѣ.—Тѣнь Швейцера. Марксова критика Готтской программы.

Какъ соціалъ-шовинисты обоихъ лагерей обрабатываютъ взгляды Маркса и Энгельса.

Въ связи съ войной и крахомъ 2-го Интернаціонала съ самыхъ различныхъ сторонъ интересуются теперь взглядами Маркса и Энгельса на интернаціональную политику вообще и поведеніе германской соціалъ-демократіи во франко-прусскую войну въ частности. Кто только не «излагаетъ» эти взгляды Маркса и Энгельса? Тутъ и авгуры «большой» европейской печати. Тутъ и философы истинно-русскаго націоналъ-либерализма (съ изряднымъ душкомъ прямой полицейщины) à la Петръ Струве. Тутъ и французскіе соціалисты и анархисты (Гильомъ, Эрве и К-о), которые, чѣмъ позорнѣе ихъ собственное поведеніе въ міровомъ кризисѣ 1914/16 г., тѣмъ усерднѣе сваливаютъ на марксизмъ и Маркса отвѣтственность за нынѣшнее поведеніе нѣмецкихъ Эрве. Тутъ и русскіе «критики» марксизма, съ Гарденинымъ во главѣ, которымъ охота смертная во что бы то ни стало «доказать», будто Марксъ, какъ они «всегда говорили»—былъ въ сущности шовинистомъ. Тутъ, наконецъ, и крайніе соціалъ-шовинисты всѣхъ странъ (Плехановъ, Давидъ, Ленчъ, Кваркъ), которые напрягаютъ всѣ усилія, чтобы, безбожно извративъ смыслъ событій, убѣдить почтенную публику въ томъ, будто поступая по Зюдекуму и Шейдеманну, они въ сущности остаются глубоко вѣрными и духу и буквѣ

священныхъ для нихъ традицій Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Истолкованіе въ шовинистскомъ духѣ позицій Маркса и Энгельса стало орудіемъ политической борьбы нынѣшняго дня. Это—своеобразная дань марксизму со стороны соціалъ-шовинистовъ и шовинистовъ sans phrases. Ибо, если бы въ массахъ не было такъ сильно обаяніе марксизма, этимъ господамъ незачѣмъ было бы аппелировать къ Марксу и Энгельсу.

Шовинисты *обоихъ* лагерей занимаются «обработкой» взглядовъ Маркса и Энгельса съ чрезвычайнымъ усердіемъ.

Въ большой «европейской» газетѣ «Frankfurter Zeitung» какіе-то наемные писаки, оперируя выдранными изъ текста отдѣльными фразами изъ нѣкоторыхъ отрывковъ писемъ Маркса и Энгельса, утверждаютъ, что, хотя Марксъ и Энгельсъ были и не во всѣхъ отношеніяхъ «добрыми нѣмцами», они де тѣмъ не менѣе въ войну 1870/71 г. выступали настоящими «патріотами» и французоѣдами.

«Версію» буржуазныхъ шовинистовъ Германіи охотно принимаютъ буржуазные шовинисты Франціи. Газета «Matin» тоже печатаетъ цѣлый рядъ статей небезызвѣстнаго г-на Ласкина, который пространно «доказываетъ», что Марксъ и Энгельсъ въ 1870/71 г. держали себя совершенно такъ же, какъ нынѣ Гейне и Зюдекумъ. И это понятно: данная версія выгодна *и* нѣмецкимъ *и* французскимъ буржуа. Нѣмецкимъ—для того, чтобы обманывать *своихъ* рабочихъ и именемъ «марксизма» натравливать ихъ на французскій пролетаріатъ. Французскимъ—для того, чтобы обманывать *своихъ* рабочихъ и разжигать въ нихъ ненависть ко всѣмъ нѣмцамъ, убѣждая ихъ въ томъ, что даже такіе «нѣмцы», какъ Марксъ и Энгельсъ, были шовинистами и ненавистниками французовъ.

И совершенно такъ же поступаютъ анархисты, синдикалисты, ревизіонисты, русскіе «критики», всѣ вообще противники марксизма, причисляющіе себя къ соціалистическому лагерю.

Анархистамъ—въ особенности, патріотствующимъ анархистамъ анти-нѣмецкаго лагеря—чрезвычайно желательно представить дѣло такъ, будто нынѣшнее поведеніе соціалъ-шовинистовъ есть логическій выводъ изъ марксизма. Старый противникъ Маркса, Джемсъ Гильомъ поспѣшилъ выпустить цѣлую книгу подъ выразительнымъ заглавіемъ «Карлъ Марксъ—пангерманистъ». Безсовѣстно подтасовывая отрывки изъ писемъ Маркса и Энгельса, этотъ анархо-шовинистъ старается изобразить Маркса «бисмаркіанцемъ». Онъ ставитъ себѣ за-

дачей—«раскрыть глаза всѣмъ на того человѣка, котораго слѣпые принимаютъ еще за творца Интернаціонала»[1]. Копенгагенскій анархистъ Шрейеръ въ книжкѣ «Соціалъ-демократія и война» утверждаетъ то же самое. То, что сдѣлала теперь германская оффиціальная с.-д. партія всецѣло вытекаетъ, видите ли, изъ марксизма: «Примѣнительно къ ея собственнымъ принципамъ, соціалъ-демократія поступила честно»[2]. Россійскій «лѣво-народникъ» Гарденинъ (Черновъ) пишетъ рядъ статей, въ которыхъ утверждаетъ, будто поведеніе Зюдекумовъ всецѣло базируется на томъ, что въ свое время защищали сами Марксъ и Энгельсъ. А наши русскіе соціалъ-шовинисты считаютъ выгоднымъ для себя признать эту версію Гарденина правильной. «Совершенно правъ Гарденинъ, когда въ позиціи, занятой теперь Плехановымъ (и Зюдекумомъ! *Г. З.*) по отношенію къ войнѣ, видитъ послѣдовательное проведеніе марксистскихъ взглядовъ»,—пишетъ одинъ изъ участниковъ плехановскаго сборника «Война»[3]. Эту же версію для *своихъ* цѣлей принимаютъ и Давидъ, и Шейдеманъ и всѣ нѣмецкіе соціалъ-шовинисты.

Двадцатилѣтнюю годовщину смерти Фридриха Энгельса нѣмецкіе соціалъ-шовинисты использовали для того, чтобы еще и еще разъ попытаться внушить нѣмецкимъ рабочимъ, будто провозвѣстникомъ нынѣшней ползучей политики Кольба—Зюдекума—Шейдемана былъ не кто иной, какъ великій учитель рабочаго класса и соратникъ Карла Маркса. (Смотри, напр., статью бывшаго марксиста Гейнриха Кунова «Фридрихъ Энгельсъ» въ шовинистскомъ «Hamburger Echo» № 81, отъ 5-го августа 1915 года). Поистинѣ, ничего святого не осталось для этихъ слугъ буржуазіи, подвизающихся подъ маскою соціалистовъ. Они не щадятъ даже великихъ могилъ...

Соціалъ-шовинистскіе литературные мародеры различныхъ марокъ и степеней дѣлаютъ свое дѣло. Каждый изъ нихъ «обрабатываетъ» взгляды Маркса и Энгельса въ своихъ цѣляхъ.

Своеобразіе положенія заключается въ томъ, что оппортунистамъ и соціалъ-шовинистамъ *всѣхъ* странъ чрезвычайно выгодно *такое* истолкованіе взглядовъ Маркса и Энгельса. Всѣ они, безъ различія языка и географической широты ихъ «отечества», охотно поддерживаютъ ту легенду, будто и основатели научнаго соціализма были «немножко» шовинистами.

---

[1] James Guillaume, Karl Marx Pangermaniste, Paris, 1915, Libr. Armand Colin, стр. 86.

[2] Paul Schreyer, Kopenhagen, «Die S-Die und der Krieg», стр. 13.

[3] «Война», Парижъ, 1915, стр. 79. Переизданъ и въ Петроградѣ,

По нынѣшнимъ временамъ не только Плехановъ и Куновъ, но даже какой-нибудь мелкій ренегатъ, въ родѣ Гениша и Ленча, или завѣдомые буржуа, рядящіеся въ платье соціалистовъ, въ родѣ Гейне, Кварка, Зюдекума—люди, которые сдѣлали карьеру на борьбѣ противъ марксизма—кричатъ на всѣхъ перекресткахъ, что, ведя политику 4-го августа, они слѣдуютъ традиціи Маркса и Энгельса. Это—цѣлая система грандіознаго обмана рабочихъ всѣхъ странъ. Какъ буржуазія оперируетъ обманомъ объ «освободительной» миссіи войны, о борьбѣ за «культуру» и «цивилизацію», такъ господа «оборонцы» совершаютъ грандіозный подлогъ «именемъ марксизма», именемъ Маркса и Энгельса.

Если бы марксисты оставили неразоблаченнымъ этотъ подлогъ, они облегчили бы измѣнникамъ соціализма ихъ дѣло. Вотъ почему мы должны со всею подробностью остановиться здѣсь на подлинныхъ взглядахъ М. и Э. и разобрать ту фальсификацію этихъ взглядовъ, на которую не жалѣютъ силъ и времени международные вожди соціалъ-шовинистовъ.

Особенно большое значеніе имѣютъ взгляды Маркса и Энгельса, высказанные во время войны 1870/71 г. Но сначала мы остановимся на болѣе ранней эпохѣ.

Взгляды Маркса и Энгельса въ 1848 году и „борьба противъ царизма“ въ 1914—16 годахъ.

Съ самаго начала своей политической дѣятельности Марксъ придаетъ огромное значеніе вопросамъ иностранной политики. Съ самаго 48 года онъ не перестаетъ повторять демократамъ и соціалистамъ, что они должны тщательно разбираться въ вопросахъ международной политики. Исторія французской революціи научила Маркса тому, какъ тѣсно связаны между собою внутренняя и внѣшняя политика. Для приданія прочности революціоннымъ завоеваніямъ необходимо вырвать изъ рукъ стараго режима его послѣднее оружіе—международную политику. Въ этомъ духѣ Марксъ всегда велъ пропаганду среди своихъ сторонниковъ.

На революцію 48 года Марксъ съ самаго начала посмотрѣлъ подъ угломъ зрѣнія *международнаго*, всеевропейскаго переворота. «Новая Рейнская Газета»—боевой политическій органъ, которымъ непосредственно руководилъ Марксъ—выступаетъ поэтому передъ нѣмецкой демократіей съ широкой программой *международной* политики, съ грандіознымъ планомъ преобразованія всей Европы.

Эта программа требовала свободной Польши, свободной Германіи, свободной Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она относилась крайне отрицательно къ панславизму—даже въ его революціонномъ выраженіи, какое ему пытался придать Бакунинъ. Въ панславизмѣ Марксъ справедливо видѣлъ сознательныя или безсознательныя реакціонныя стремленія, объективно направленныя противъ освободительныхъ порывовъ европейскихъ народовъ и—главное!—эксплуатируемыя правительствами въ реакціонныхъ интересахъ. Единственный изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, въ которомъ въ то время живо было революціонное броженіе—поляки—стоялъ въ сторонѣ отъ панславизма и относился къ нему даже враждебно. Этого не уставала подчеркивать «Новая Рейнская Газета» [1]).

Газета страстно нападала на то, что славяне нигдѣ не принимали серьезнаго участія въ революціонномъ движеніи 1848 г. Въ то время, какъ французы, нѣмцы, итальянцы, поляки, венгерцы подняли знамя революціи, славяне почти всюду встали подъ знамя контръ-революціи. Впереди всѣхъ—южные славяне, которые уже много лѣтъ раньше защищали свои контръреволюціонныя вожделѣнія противъ венгровъ, затѣмъ чехи, а позади нихъ въ боевомъ вооруженіи, готовые въ рѣшительный моментъ появиться на полѣ брани—русскіе.

Когда въ іюнѣ 1848 года вспыхнуло возстаніе въ Прагѣ, «Новая Рейнская Газета», однако, первая приняла сторону чеховъ въ Богеміи—такъ же, какъ она принимала сторону поляковъ въ Познани и итальянцевъ въ Ломбардіи. Но противъ тогдашней крѣпостной Россіи, которая служила главной опорой международной реакціи, газета все время вела упорную кампанію. Марксъ прямо звалъ къ наступательной войнѣ противъ Россіи, имѣя въ виду, что такая наступательная въ дипломатическомъ смыслѣ война была бы справедливой, оборонительной войной въ *историческомъ* смыслѣ.

Нѣмецкая демократія была убѣждена, что безъ войны съ Россіей не обойдется—«Новая Рейнская Газета» не переставала напоминать объ опасности, которая грозила нѣмецкой демократіи со стороны русскаго правительства. Въ іюнѣ 1848 года она восклицала: «...Россія стоитъ передъ воротами Торна!» И дѣйствительно, какъ это стало извѣстно черезъ 3 десятилѣтія, императоръ Николай 1 въ самомъ дѣлѣ предлагалъ въ это время прусской реакціи помощь русской арміи для подавленія нѣмецкой

---

[1]) Ср. «Памяти Маркса», сборникъ статей В. Базарова, Г. Зиновьева, В. Ильина, Ю. Каменева, Р. Люксембургъ, Ю. Невзорова, П. Орловскаго, Ю. Стеклова и др. Спб. 1908, стр. 305 и др. въ интересныхъ ст. Стеклова.

революціи. Да, какъ извѣстно, всего черезъ годъ послѣ этихъ событій во время венгерской революціи русскій царь не постѣснялся послать свои войска для усмиренія венгерскихъ революціонеровъ.

Продолжая традицію французской революціи, Марксъ и «Новая Рейнская Газета» проповѣдуютъ Германіи программу «революціонной пропаганды», которую выставила французская демократія во время войны революціоннаго періода. Для укрѣпленія французской республики было необходимо понести знамя возстанія во всѣ монархическія страны Европы, содѣйствуя освобожденію народовъ и ниспроверженію тираническихъ правительствъ—хотя-бы для этого пришлось прибѣгнуть къ войнѣ.

Марксъ былъ совершенно убѣжденъ—и имѣлъ на это всѣ основанія—что, если бы въ Германіи революція побѣдила, ей непремѣнно пришлось-бы считаться съ нападеніемъ крѣпостной Россіи и ей не удалось-бы закрѣпить свои побѣды внутри страны безъ внѣшней войны съ этой Россіей. Поэтому онъ проповѣдывалъ германской демократіи «французскій» методъ—разумѣется при иной обстановкѣ. «Лишь война съ Россіей есть война революціонной Германіи—писалъ Марксъ въ «Новой Рейнской Газетѣ». Въ ней она можетъ смыть грѣхи своего прошлаго, въ ней она можетъ окрѣпнуть и побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, въ ней она, какъ это подобаетъ народу, сбрасывающему съ себя цѣпи долгаго покорнаго рабства, купитъ жизнью своихъ сыновъ пропаганду цивилизаціи и освободитъ себя въ предѣлахъ собственнаго государства, освобождая народы внѣ ихъ...

...Надо вступаться за каждый революціонный народъ, надо звать ко всеобщей войнѣ революціонной Европы противъ... россійской реакціи... Если-бы удалось привести Германію къ войнѣ съ Россіей, тогда пришелъ-бы конецъ Габсбургамъ и Гогенцоллернамъ, и революція побѣдила-бы по всей линіи».

Совершенно ясно, что это была точка зрѣнія революціонера, вытекавшая изъ условій всей эпохи. Ни атома анти-русскаго или анти-славянскаго шовинизма не было въ ней. Марксъ такъ-же страстно ненавидѣлъ реакцію своей собственной страны, какъ и русскую реакцію. *Условіемъ, необходимой предпосылкой* внѣшней войны противъ русской реакціи онъ выставлялъ *низверженіе реакціи нѣмецкой*, истребительную борьбу, внутреннюю гражданскую войну въ *собственномъ* отечествѣ. Ибо Марксъ все время говорилъ о *революціонной* войнѣ *революціонной* Гер-

маніи противъ *крѣпостной* Россіи, гдѣ народъ спалъ мертвымъ сномъ, гдѣ не было ни вѣтерка свободы. Марксъ признавалъ это право на войну только за Германіей, *низвергшей своихъ* тирановъ, побѣдившей свою реакцію.

И только сикофантское перо г-на Петра Струве могло вывести по поводу этой позиціи Маркса слѣдующія поистинѣ безстыдныя строки:

— «Всякій знакомый въ цѣломъ съ дѣятельностью Маркса, знаетъ, что агрессивное германское расширеніе противъ славянства не только въ прошломъ, но и въ современной Марксу дѣйствительности, встрѣчало съ его стороны сочувствіе и одобреніе. Маленькія славянскія народности (до чеховъ включительно) Марксъ сознательно обрекалъ на съѣденіе (sic!) германизму...

«Анти-русская политика и даже, еще болѣе, вражда къ славянству, свободное объединеніе котораго рисуется въ видѣ какого-то (!) чудовищнаго «панславизма», является исторической традиціей германской соціалъ-демократіи...

«Марксъ въ 1848—49 г.г. желалъ и требовалъ войны съ Россіей; эту войну, какъ онъ разсчитывалъ, революціонная Германія будетъ вести въ союзѣ съ революціонной Польшей... Въ 1848—49 г.г. Марксъ желалъ европейской войны потому, что ждалъ отъ нея соціальной революціи, совершенно такъ-же, какъ того ожидалъ отъ англо-русской войны Жюль Гедъ въ 1885 году... Принципіальный пацифизмъ былъ всегда чуждъ соціалъ-демократіи, поскольку она опиралась на ортодоксальный марксизмъ».[1])

Во всей этой тирадѣ правдива только послѣдняя фраза.— *Да*, совершенно вѣрно, что Марксъ и марксизмъ всегда были чужды принципіальнаго пацифизма. Марксизмъ не пацифистское, а революціонное ученіе. Оно «признаетъ» войны, имѣющія освободительный характеръ. Соціалисты выступаютъ вовсе не противъ *всякой* войны. Еще великій русскій соціалистъ и демократъ Н. Г. Чернышевскій въ свое время писалъ, что такіе абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждалъ, что Мараѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества. Марксизмъ относился сочувственно къ «справедливымъ» и прогрессивнымъ національнымъ войнамъ, устранявшимъ феодальное чуженаціональное господство и національную раздробленность, марксизмъ отнесется несомнѣнно сочувственно къ войнѣ той страны, въ которой побѣдитъ соціализмъ, если для закрѣпленія этой побѣды понадобится та

[1]) «Русская Мысль» X, 1914, 159, 160, 166.

или иная внѣшняя война противъ страны, стремящейся удержать капитализмъ и низвергнуть соціалистическій режимъ.

Въ 1848 году Марксъ разсуждалъ не какъ пацифистъ. Это вѣрно. Но онъ разсуждалъ и не какъ шовинистъ, не какъ ненавистникъ славянства, не какъ человѣкъ, который ищетъ территорій, которыя могли-бы пойти «на съѣденіе германизму». Марксъ разсуждаетъ,—какъ революціонеръ и послѣдовательный демократъ.

Нынѣшніе германскіе соціалъ-шовинисты—духовные братья Струве—«используютъ» приведенныя заявленія Маркса въ томъже духѣ, какъ Струве, только выворачивая ихъ на изнанку. Они дѣлаютъ видъ, что и въ самомъ дѣлѣ Марксъ былъ противъ Россіи потому, что онъ стоялъ за «германизмъ» за «нѣмецкое человѣчество». Какъ-же, вѣдь и Марксъ звалъ бороться противъ крѣпостной Россіи и въ 1848 году прямо проповѣдывалъ войну Германіи противъ нея! «Мы» только продолжаемъ традицію Маркса, поддерживая теперь войну противъ «русскаго реакціонизма», противъ «русскаго варварства»—твердятъ на всѣ лады Зюдекумы, Шейдеманы и Ко. Эти господа хорошо знаютъ, что среди лучшей части германскаго пролетаріата жива ненависть къ русской реакціи. И они эту благородную ненависть *революціонныхъ* пролетаріевъ стараются отвести на мельницу Гогенцоллерновской монархіи. Для этого имъ и понадобился тотъ обманъ, будто, служа вѣрой и правдой Гогенцоллернамъ, они... продолжаютъ традицію Маркса. Эти фальшивомонетчики «забываютъ» только одну мелочь: Марксъ проповѣдывалъ войну *революціонной* Германіи противъ крѣпостной Россіи. Условіемъ такой войны онъ ставилъ предварительную побѣду *германской революціи* надъ германскимъ абсолютизмомъ и полу-абсолютизмомъ. А нынѣшняя оффиціальная германская соціалъ-демократія поддерживаетъ войну *реакціонной*, юнкерско-имперіалистской Германіи противъ Россіи, войну, долженствующую укрѣпить на долгіе годы именно контръ-революцію въ Германіи, войну, способную надолго отсрочить гибель «реакціонизма» и въ Россіи...

Нынѣшняя оффиціальная германская соціалъ-демократія такъ же похожа на Маркса, какъ скажемъ, Наполеонъ III похожъ былъ на революціонныхъ дѣятелей Конвента. *И* Наполеонъ III *и* дѣятели Конвента вели войны именемъ французскаго народа. Только дѣятели Конвента проповѣдывали войну, какъ оборону *революціоннаго* режима, какъ средство закрѣпленія завоеваній *революціи* отъ реакціонныхъ посягательствъ сосѣднихъ монархическихъ правительствъ. А Наполеонъ III велъ войны, какъ средство закабаленія себѣ чужихъ народовъ, какъ средство

пріобрѣсти себѣ славу завоевателя и тѣмъ удержать внутри страны гнуснѣйшій реакціоннѣйшій режимъ бонапартизма...

Къ какой только фальсификаціи взглядовъ Маркса не прибѣгли германскіе соціалъ-шовинисты! Одинъ изъ нихъ, ученый г. Куновъ утверждаетъ, напр., будто Марксъ въ 1848 году принципіально и начисто отрицалъ право націй на самоопредѣленіе, т. е. право каждой націи на политическую самостоятельность. [1]) Свое утвержденіе Куновъ основываетъ на отрицательномъ отношеніи Маркса къ «демократическому панславизму» Бакунина. Но даже Каутскій «новой манеры» разъяснилъ Кунову, что это ничего общаго съ принципіальнымъ отрицаніемъ права на самоопредѣленіе не имѣетъ, и, что, если Марксъ, въ порывѣ революціоннаго негодованія, наговорилъ много горькихъ истинъ тогдашнему контръ-революціонному «славянству» и псевдо-революціонному панславизму, такъ это ничего общаго не имѣетъ съ принципіальнымъ отрицаніемъ права на политическую самостоятельность за любой—въ томъ числѣ и славянской—націей...

Возрожденіе свободной Польши было главнымъ символомъ вѣры «Новой Рейнской Газеты».—«Покуда мы помогаемъ угнетать Польшу, покуда мы приковываемъ часть Польши къ Германіи—такъ писала газета Маркса—до тѣхъ поръ мы прикованы къ Россіи и русской политикѣ, до тѣхъ поръ мы не можемъ сломить у себя патріархально-феодальнаго абсолютизма».

Какъ похоже это на то, что говорятъ нынѣшніе господа Зюдекумы и Шейдеманы—неправда-ли?

Марксъ и здѣсь остался революціонеромъ до конца ногтей. Возрожденіе Польши было безусловно необходимо въ интересахъ европейской революціи, которая въ своемъ развитіи естественно наталкивалась на русскаго колосса. Для борьбы противъ этого послѣдняго польское возстаніе не могло не быть желаннымъ союзникомъ. Революціонная Германія, непосредственная сосѣдка Россіи, была особенно заинтересована въ освобожденіи Польши, тѣмъ болѣе, что и сама прусская реакція питалась въ значительной степени тѣмъ, что она владѣла обширной частью Польской территоріи.

На Англію, вопреки либеральной традиціи, Марксъ въ 1848 году не возлагалъ надеждъ. Напротивъ онъ писалъ о ней:—«Страна, превращающая въ своихъ пролетаріевъ цѣлые народы, охватывающая своими гигантскими щупальцами весь міръ и своими деньгами уже покрывшая однажды издержки по евро-

[1]) H. Cunow; Partei-Zusammenbruch, 1915, стр. 33 и др.

пейской реставраціи, страна въ собственныхъ предѣлахъ которой классовой антагонизмъ принялъ наиболѣе выраженную, наиболѣе циничную форму,—Англія кажется утесомъ, о который разбиваются революціонныя волны; она моритъ голодомъ новое общество еще во чревѣ матери, Англія господствуетъ надъ міровымъ рынкомъ. Переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ любой страны европейскаго континента и даже на всемъ континентѣ, но безъ Англіи—не болѣе, какъ буря въ стаканѣ воды».

Если разсуждать по логикѣ Струве, то Маркса за эти слова надо объявить и анти-англійскимъ шовинистомъ. (Такъ и поступаютъ германскіе соціалъ-шовинисты, Ленчъ и Ко). Какъ-же, вѣдь и противъ англійской буржуазіи у Маркса нашлись слова такой-же революціонной ненависти, какъ и противъ русскихъ крѣпостниковъ.

Всякое европейское революціонное движеніе, окрашенное духомъ французскаго соціализма,—полагалъ Марксъ—неминуемо натолкнется на міровое господство Англіи. А такое соціалистическое движеніе является теперь, по мнѣнію Маркса, очереднымъ вопросомъ дня. Марксъ понималъ, что іюньское пораженіе парижскаго пролетаріата означало поворотный пунктъ въ революціи 1848 года: съ этого момента возникла опасность, которая угрожала и всѣмъ буржуазнымъ революціямъ въ Европѣ, и всѣмъ національностямъ, которыя въ 1848 году пытались добиться своего освобожденія. Всѣ успѣхи венгерской революціи не будутъ имѣть никакого историческаго значенія, если ее не поддержитъ возстаніе французскаго пролетаріата. Но побѣдоносное возстаніе французскаго пролетаріата прежде всего вызоветъ всемірную войну. Въ этой войнѣ старая Англія потерпитъ пораженіе, а чартистская партія получитъ возможность захватить власть въ свои руки. «Чартисты во главѣ англійскаго правительства—лишь въ этотъ моментъ соціальная революція переходитъ изъ области утопіи въ область дѣйствительности».

Вотъ къ чему звалъ пролетаріатъ Карлъ Марксъ въ 1848 году. Вотъ къ какой цѣли онъ держалъ свой курсъ.

Увы! У французскаго пролетаріата не хватило силъ для такого побѣдоноснаго возстанія, а венгерская революція была подавлена «славянскими» войсками. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ движеніе все больше шло къ упадку. Нѣмецкая контръ-революція торжествовала по всей линіи.

Революціоннымъ надеждамъ Маркса не довелось осуществиться. Трезвенные умники получили возможность пренебрежительно пожимать плечами по поводу «революціоннаго ро-

мантизма» и несбывшихся «пророчествъ» Маркса. Но проповѣдь Маркса въ это историческое время осталась незабвеннымъ образцомъ тактики великаго революціонера и соціалиста. Профанація этой тактики нынѣшними соціалъ-шовинистами фальсификаторами ни капли не умалитъ исторической заслуги Маркса.

Взгляды Маркса—Энгельса въ 1854—59 годахъ, и могутъ-ли марксисты въ нынѣшнюю эпоху «брать сторону» той или иной коалиціи державъ.

Крымская война 1854—56 г.г. вновь поставила на очередь съ особой остротой вопросы міровой политики. «Священный союзъ» реакціонныхъ правительствъ Россіи, Пруссіи и Австріи распался. На сторонѣ Турціи и противъ Россіи стояли Франція и Англія. Пруссія осталась вѣрной Россіи, но Австрія «измѣнила» ей, отплативъ черной неблагодарностью за помощь русскихъ войскъ въ дѣлѣ подавленія венгерской революціи.

Каково было отношеніе Маркса и Энгельса къ этой войнѣ? «Противъ реакціонной Россіи!»—Этотъ пароль былъ для Маркса безспоренъ. Въ теченіе почти полувѣка, начиная съ 1815 года, Россія была самымъ опаснымъ противникомъ какого-бы то ни было революціоннаго движенія въ Европѣ. Крѣпостная Россія была главнымъ врагомъ международной демократіи.

И Марксъ съ Энгельсомъ и Лассаль одинаково надѣялись, что Крымская война вызоветъ новое оживленіе революціонныхъ движеній въ Европѣ—надежда, которая, какъ извѣстно, непосредственно *не* оправдалась. Но между Марксомъ и Энгельсомъ, на одной сторонѣ, и Лассалемъ на другой уже здѣсь обнаружились первыя разногласія. Лассаль думалъ, что война приведетъ къ распаденію Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ распаду Австріи. Въ результатѣ распада Австріи онъ ожидалъ созданія нѣмецкаго единства. Лассаль больше оцѣнивалъ событія подъ угломъ зрѣнія нѣмецко-національныхъ интересовъ. Если Австрія будетъ разбита, тѣмъ самымъ будетъ уничтожено соревнованіе между Австріей и Пруссіей и облегчится нѣмецкое національное объединеніе. Марксъ и Энгельсъ, напротивъ, оцѣнивали событія, какъ всегда, съ точки зрѣнія *общихъ международныхъ интересовъ европейской революціи.* Они считали главнымъ врагомъ международной демократіи крѣпостнической строй въ Россіи и въ интересахъ свободы европейскихъ народовъ желали пораженія этой послѣдней. Отсюда и ненависть Маркса къ тѣмъ представителямъ европейской буржуазіи, которые благоволили

къ Россіи. Напримѣръ—къ Пальмерстону, въ которомъ Марксъ видѣлъ «русскаго агента».

Разногласія между Марксомъ и Лассалемъ въ 1854 году не пошли дальше частныхъ писемъ. [1]) Другое дѣло—во время австро-итало-французской войны 1859 года.

Въ сущности это было то-же разногласіе, что и въ 1854 году—только на болѣе широкой базѣ и при болѣе сложной обстановкѣ.

Каково было положеніе вещей во время войны 1859 года?

Италія была раздроблена и частью находилась подъ варварскимъ гнетомъ полу-абсолютистской Австріи. Главный центръ тогдашнихъ итальянскихъ стремленій, Піемонтъ, опираясь на широкое національно-революціонное движеніе въ различныхъ уголкахъ внутри страны, готовился къ войнѣ противъ Австріи съ цѣлью добиться объединенія всего итальянскаго отечества.

Италія отстаивала справедливое и прогрессивное дѣло. Но она была слаба, чтобы одна справиться съ Австріей, и вынуждена была искать союзниковъ для борьбы противъ нея. Она нашла ихъ въ лицѣ самыхъ реакціонныхъ правительствъ во всей Европѣ: бонапартистской Франціи и крѣпостной Россіи. Изъ-за спины Наполеона вырисовывалась фигура Горчакова. Оба они, и Наполеонъ III и Горчаковъ, руководились своекорыстными, реакціонными интересами. Освобожденіе Италіи было для нихъ простымъ предлогомъ. Русской дипломатіи въ ея специфическихъ цѣляхъ нужно было ослабить Австрію и отомстить ей за измѣну во время Крымской войны. Наполеону III нужно было для поднятія своего престижа внутри Франціи заграбить Савойю и Ниццу.

Къ этому прибавлялся вопросъ о *нѣмецкомъ* національномъ единствѣ. Союзники Италіи, Россія и Франція, которые якобы готовы были бороться за національное объединеніе Италіи, сами въ теченіе ряда лѣтъ боролись противъ національнаго объединенія *нѣмцевъ*. Франція и Россія въ теченіе долгихъ десятилѣтій угнетали Германію и искусственно поддерживали ея національную раздробленность. Поддержка этой раздробленности была, можно сказать, альфой и омегой политики Наполеона III. Удерживая Германію въ безпомощномъ состояніи полуфеодальной раздробленности, Наполеонъ III сразу убивалъ двухъ зайцевъ: онъ угнеталъ нѣмцевъ, съ одной стороны, и—укрѣплялъ свой гнусный бонапартистскій режимъ внутри

---

[1]) Ср. очень скупое изложеніе этихъ разногласій въ брошюрѣ Каутскаго «Die Internationalitat und der Krieg», а также у Меринга въ его исторіи германской с.-д.

Франціи, съ другой стороны. Упрочивая свое реакціонное господство надъ французами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ угнеталъ и нѣмцевъ и являлся столпомъ международной реакціи.

Къ тому-же Наполеонъ III почти не скрывалъ своего намѣренія, какъ только онъ справится съ Австріей, пойти войной на Германію, чтобы отнять ея владѣнія на Рейнѣ. Отсюда и создалось положеніе, которое резюмировалось словами: Рейнъ приходится защищать на По *), (долина рѣки По была главнымъ полемъ сраженія между итальянцами и австрійцами). Было ясно, что войны между Пруссіей и Наполеономъ III не миновать—какъ и оказалось впослѣдствіи (въ 1870 году). И вотъ ставился вопросъ: хорошо-ли будетъ, если дать въ войнѣ 1859 года побѣдить Наполеону, позволить бонапартизму покрыть себя славой побѣдителя и косвенно улучшить положеніе Россіи? Не лучше-ли нѣмцамъ вмѣшаться сейчасъ-же?

Лассаль опять-таки судилъ о событіяхъ съ нѣмецко-національной точки зрѣнія и для него вопросъ былъ довольно легокъ и простъ. Для нѣмцевъ будетъ выгодно ослабленіе *Австріи*. Пусть Австрія будетъ разбита, и тогда падетъ одно изъ главныхъ препятствій къ объединенію нѣмцевъ. Въ своей брошюрѣ «Итальянская война и задачи Пруссіи» Лассаль писалъ:

— «Астрія?! *Россія*—естественно варварская страна, деспотическое правительство которой стремится цивилизовать ее ровно настолько, насколько это совмѣстимо съ его деспотическими интересами. Варварство имѣетъ здѣсь то оправданіе, что оно является такъ сказать *національнымъ элементомъ*. Совсѣмъ другое дѣло Австрія. Здѣсь *правительство* представляетъ варварскій принципъ *противъ* своихъ народовъ, искуственно и насильственно пригнетая подъ этотъ принципъ свои культурные народы... Австрія это *реакціонный принципъ*, крѣпкій и послѣдовательный. Поэтому она была всегда опаснѣйшимъ врагомъ освободительныхъ идей. Луи Наполеонъ, какъ личность—деспотъ и тиранъ. Но *принципы*, которыми онъ поддерживаетъ свое правленіе, которые онъ всегда и всегда долженъ провозглашать вновь,—демократичны». **)

Австрія—вотъ врагъ. Таковъ пароль Лассаля.

Онъ мотивируетъ свою позицію и другими соображеніями, онъ указываетъ на то, что Италія ведетъ справедливѣйшую и священнѣйшую войну, какую когда-либо вообще народъ можетъ

---

*) См. брошюру Ф. Энгельса «Po und Rhin» впервые вышла въ 1859 году, въ 1915 переиздана Бернштейномъ. Стр. 4 и др. *новаго* изданія. Отсюда и названіе брошюры «По и Рейнъ».

**) Reden und Schriften Lassales, т. I 306, 310, изд. Бернштейна.

вести въ борьбѣ за свою національную независимость и существованіе.

Но рѣшающимъ для него является моментъ *нѣмецко-національный.*

— «Неужели не ясно — писалъ Лассаль — что практически-политическія послѣдствія никому въ большей степени не идутъ на пользу, какъ именно *Германіи?* Неужели никто не видитъ, что Наполеонъ... осуществляетъ этой войной ничто иное, какъ устраненіе препятствій, о которыя разбились нѣмецкая революція 1848 года и всѣ стремленія къ германскому единству?..»

«Если есть вообще прочно установленный фактъ, такъ это именно тотъ фактъ, что на пути германскаго единства стоитъ дуализмъ Пруссіи и Австріи... Самостоятельное міровое положеніе, которое занимаетъ Австрія, опираясь на свои не-нѣмецкія владѣнія, вотъ неизбѣжная, неустранимая никакими палліативными средствами причина германскаго дуализма и невозможности германскаго единства. Съ *раздѣломъ Австріи* падаетъ и особая Пруссія сама собой... съ этого только дня *германское единство благодаря реальному соотношенію государствъ, дѣлается реально возможнымъ и потому неизбѣжнымъ»*.

Мы видимъ: у Лассаля преобладала «нѣмецкая» точка зрѣнія. Оттого-то и допускаетъ онъ фальшивыя ноты снисходительности по отношенію къ Наполеону III и къ Россіи, которая будто-бы имѣетъ оправданіе въ томъ, что ея варварство носитъ «національный» характеръ. Оттого-то въ его позиціи сквозитъ сочувствіе Пруссіи, то сочувствіе, за которое Марксъ справедливо называлъ лассальянцевъ «королевско-прусскими соціалъ-демократами». *)

---

*) Одинъ изъ самыхъ видныхъ послѣдователей Лассаля, Швейцеръ, довелъ до логическаго конца позицію Лассаля, когда онъ въ 1866 г. во время войны между Пруссіей и Австріей изъ-за Шлезвигъ-Гольштиніи прямо заявилъ себя бисмаркіянцемъ. Въ одной изъ своихъ тогдашнихъ рѣчей Швейцеръ говорилъ: «Австрія, господа, Австрія! Слыханное ли дѣло, что право и свобода могутъ быть въ Австріи? Лжецы и обманщики тѣ, которые говорятъ вамъ, что въ Австріи свобода и право... Если намъ удастся побудить прусское правительство итти дальше по пути уступокъ намъ—если обстоятельства сложатся такъ, что базисъ нашихъ дѣйствій окажется только въ Пруссіи, а въ Австріи у нась, какъ и прежде, будутъ связаны руки,—тогда, господа, да тогда мы выскажемся не противъ права и свободы націи, какъ намъ говорятъ лжецы и самонадѣянные болтуны, а—противъ австрійскаго правительства и союзнаго хозяйничанья; тогда мы будемъ надѣяться и желать, чтобы побѣда была не у знаменъ Австріи, а у *знаменъ Пруссіи,* не у знаменъ Бенедека, а у *знаменъ Бисмарка* и Гарибальди». См. политич. сочиненія и рѣчи Швейцера, изд. Мерингомъ, стр. 155, цитировано у Каутскаго въ «Die Internationalitat und der Krieg».

Такова была позиція Лассаля.

Иной точки зрѣнія придерживались Марксъ и Энгельсъ. Они не могли ограничиться только паролемъ: за нѣмецкое единство—хотя-бы подъ эгидой Пруссіи. Къ паролю «за велико-германское единство» они прибавляли три другихъ:

1) За *революціонное* рѣшеніе вопроса объ этомъ единствѣ, и для этого—

2) *противъ Россіи*—во что-бы то ни стало,

3) *противъ имперіи Бонапарта.*

Разногласія между Марксомъ—Энгельсомъ, съ одной стороны, и Лассалемъ, съ другой, кратчайшимъ образомъ укладывались въ двѣ формулы:

Противъ *Австріи* (Лассаль).

Противъ *Россіи* (Марксъ и Энгельсъ).

И въ этомъ пунктѣ Марксъ и Энгельсъ съ международной точки зрѣнія были, конечно, правы.

Освобожденію и національному объединенію Италіи Марксъ и Энгельсъ, разумѣется, сочувствовали всей душой. И отъ этого-то выборъ тактики при данномъ, чрезвычайно сложномъ, положеніи становится для нихъ особенно труднымъ дѣломъ.

Сочувствуя самымъ горячимъ образомъ освобожденію и объединенію Италіи, они не вѣрили въ то, чтобы это объединеніе было возможно подъ эгидой Наполеона III и при содѣйствіи Россіи. Они боялись, что Италія попадетъ изъ огня въ полымя, изъ подъ ига Австріи подъ иго Наполеона III. Получая Савойю, Наполеонъ III получаетъ ключъ противъ Италіи— писалъ Энгельсъ въ его второй брошюрѣ (1860 г.) «Савойя, Ницца и Рейнъ». «*Савойя въ рукахъ Франціи есть исключительно ключъ къ нападенію на Италію*». *) Болѣе того: «аннексія Савойи Франціей—утверждалъ Энгельсъ—*заключаетъ въ себѣ и аннексію французской Швейцаріи*». **)

Въ то же время Энгельсъ высказывался, какъ и Бебель съ Либкнехтомъ, за *пораженіе Пруссіи*. Въ письмѣ отъ 2 апр. 1866 года онъ писалъ Марксу:

«Что ты скажешь о Бисмаркѣ? Сейчасъ уже почти ясно, что онъ добивается войны и тѣмъ самымъ даетъ прекраснѣйшую возможность Луи Бонапарту безъ всякаго труда захватить кусокъ лѣваго берега Рейна и этимъ укрѣпить свою власть на всю жизнь. Если, вообще говоря, каждый изъ виновниковъ этой войны—если дойдетъ до нея—одинаково заслуживаетъ быть повѣшеннымъ (и я съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ не желалъ бы въ этомъ отношеніи никакого исключенія для австрійцевъ), то все-таки мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы Пруссію безжалостно поколотили». «Briefwechsel zwischen Engels und Marx», т. III, стр. 306.

*) Savoyen, Nizza und der Rhein, новое изданіе 1915 г. стр. 22.
**) Ibid, стр. 15.

Марксъ и Энгельсъ боялись, что при побѣдѣ Наполеона 3-го надъ Австріей Италія вмѣсто свободы пріобрѣтетъ новыя цѣпи и что даже часть Швейцаріи можетъ быть захвачена бонапартистской Франціей. И ихъ опасенія были совершенно основательны. Еслибы черезъ 10 лѣтъ Наполеонъ не былъ побѣжденъ Пруссіей, дѣло пошло-бы именно къ этому. Дѣйствительное объединеніе Италіи стало возможнымъ только послѣ войны 1870 года, когда Наполеонъ III былъ побѣжденъ Бисмаркомъ и во Франціи была возстановлена республика.

Съ другой стороны, какъ было уже сказано, Марксъ и Энгельсъ опасались, что, справившись съ Австріей и взявши Савойю и Ниццу, Наполеонъ двинетъ свои полчища на Рейнъ, увѣковѣчитъ національное раздробленіе нѣмцевъ и упрочитъ свой режимъ въ самой Франціи. Отсюда и та связь, которую Энгельсъ въ своей брошюрѣ устанавливалъ между Савойей и Ниццей, съ одной стороны, и Рейномъ, съ другой.

Какую-же программу предлагали Марксъ и Энгельсъ? О... несомнѣнно гораздо болѣе трудную, чѣмъ программа Лассаля, но за то—программу громаднаго революціоннаго размаха.

Они были убѣждены, что и въ Германіи наростаетъ крупное національно-революціонное движеніе, которое Наполеонъ III своими угрозами теперь еще больше разожжетъ. Революціонерамъ и демократамъ того времени они предлагали взять это германское національное движеніе въ свои руки, придать ему послѣдовательно-революціонный характеръ, свергнуть реакцію *и* въ Пруссіи *и* въ Австріи, создать снизу единую великогерманскую *республику*, пойти войной на Наполеона III (а впослѣдствіи и на реакціонную Россію), свергнуть бонапартизмъ, помочь *французскому* народу учредить республику и, такимъ образомъ, дать подлинное національное освобожденіе и дѣйствительное національное единство и Италіи и Германіи.

Безъ сверженія Наполеона не будетъ прочнаго національнаго объединенія ни Италіи, ни Германіи—говорили Марксъ и Энгельсъ. И они были опять-таки правы. Такъ и оказалось въ дѣйствительности. *Только послѣ франко-прусской войны* было достигнуто объединеніе Германіи и закрѣплено объединеніе Италіи. Не оправдались ихъ надежды на возможность могучаго національнаго движенія нѣмцевъ противъ русско-французской коалиціи, движенія, на которое они возлагали такъ много надеждъ и въ смыслѣ оживленія револююціи *во всей Европѣ.* Это такъ. И когда они увидѣли что переворотъ того размаха, къ которому стремились они, не состоялся, они не отвернулись и отъ работы на почвѣ, созданной «революціей сверху». Нелѣпо

и смѣшно было-бы—писалъ Марксъ Фридриху Энгельсу—желать повернуть назадъ колесо исторіи и «не признавать» итальянское единство только потому, что оно завоевано при помощи Наполеона III. Нелѣпо и смѣшно, говорили позднѣе Марксъ и Энгельсъ, отворачиваться отъ германскаго единства только потому, что его осуществилъ Бисмаркъ. Но—пока была хоть тѣнь надежды на возможность международнаго *революціоннаго* рѣшенія національныхъ вопросовъ, Марксъ и Энгельсъ были правы, когда звали рабочихъ именно на этотъ путь и отвергали нѣмецко-національную точку зрѣнія Лассаля, шедшую по линіи наименьшаго сопротивленія.

Въ соотвѣтствіи со всей своей позиціей Марксъ и Энгельсъ звали Германію въ 1859 году вмѣшаться въ войну, выступивши противъ Наполеона III. Это вмѣшательство вызвало-бы вмѣшательство Россіи, которая пошла-бы рука объ руку съ Наполеономъ III. Но Марксъ и Энгельсъ этого и хотѣли. Они именно и добивались превращенія войны 1859 года въ *революціонную* войну противъ реакціонной франко-русской коалиціи.

Проповѣдуя эту войну Марксъ и Энгельсъ *должны были* разжигать національно-*революціонныя* страсти. Въ своихъ брошюрахъ («По и Рейнъ» и «Савойя Ницца и Рейнъ») Энгельсъ *) въ яркихъ краскахъ рисовалъ нѣмецкому народу тѣ опасности, которыя ожидаютъ его, если Наполеону III удастся двинуть свои войска на Рейнъ и еще больше увеличить расчлененіе Германіи. Онъ разжигалъ революціонную ненависть противъ франко-русской коалиціи, училъ нѣмецкихъ демократовъ тому, что «если на насъ нападутъ, мы должны обороняться», пробуждалъ въ нихъ революціонную гордость, проповѣдуя что «нашимъ геніемъ должна опять стать—аттака» **) и т. п.

Эти брошюры Энгельса теперь особенно усиленно используются соціалъ-шовинистами. Какъ мелкіе воришки, они обшариваютъ обѣ брошюры Энгельса, чтобы, вырвавъ изъ исторической связи ту или иную фразу, воскликнуть: вотъ видите, самъ Энгельсъ говорилъ, что когда на насъ нападутъ, мы должны обороняться и т. п...

Особенно безстыдно расправляются съ этими брошюрами Энгельса нѣмецкіе соціалъ-шовинисты. Скрывая отъ рабочихъ весь *революціонный* характеръ этихъ брошюръ, они вырываютъ

---

*) И Марксъ тоже. Ибо Марксъ вполнѣ одобрялъ эти брошюры и чрезвычайно хвалилъ ихъ, какъ это видно изъ переписки Маркса съ Энгельсомъ А въ своемъ памфлетѣ «господинъ Фогтъ» (Herr Vogt), 1860 г., Марксъ защищалъ въ общемъ ту же линію.

**) «Po und Rhein», стр. 52.

изъ текста отдѣльныя рѣзкія замѣчанія Энгельса противъ *тогдашней* франко-русской коалиціи и говорятъ: вы видите, товарищи рабочіе, мы свято чтимъ завѣты Маркса и Энгельса, когда зовемъ васъ поддержать нашего кайзера противъ франко-русскаго союза...

ѣмецкіе соціалъ-шовинисты, какъ мы уже отмѣчали, сознательно эксплуатируютъ ту ненависть къ русской реакціи, которая жива среди лучшей части нѣмецкаго пролетаріата. Для этого имъ и нужны «ссылки» на Маркса и Энгельса.

Эти мошенники пера упускаютъ изъ виду только—*только!*—то, что для Маркса и Энгельса въ 1859—60 годахъ борьба противъ франко-русской коалиціи должна была быть только эпизодомъ въ *международной революціонной* борьбѣ за сверженіе абсолютизма *и* въ Германіи *и* во Франціи и въ другихъ странахъ. Они «забываютъ», что Энгельсъ говорилъ о *бонапартистской* франціи и **крѣпостной** Россіи, о Россіи, въ которой не было еще не только пролетарскаго, но и вообще никакого массоваго освободительнаго движенія *). Они забываютъ, что это говорилось въ то время, когда не было и въ поминѣ тѣхъ милліонныхъ рабочихъ партій, которыя были въ 1914 г.

Низкіе пріемы нѣмецкихъ соціалъ-шовинистовъ, которые съ холоднымъ расчетомъ практикуютъ это святотатство по отношенію къ именамъ Маркса и Энгельса, возмутили даже Эдуарда Бернштейна. **) Когда одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ соціалъ-шовинистовъ, франкфуртскій «с.-д.» депутатъ г-нъ Кваркъ выступилъ съ ссылками на Маркса и Энгельса, Бернштейнъ отвѣтилъ возмущенной статьей подъ заглавіемъ «Фальшивое использованіе классиковъ соціализма». Онъ старается пристыдить своихъ друзей господъ ревизіонистовъ и соціалъ-шовинистовъ и пространно доказываетъ имъ, что, какъ стыдно таскать носовые платки изъ чужихъ кармановъ, такъ не позволительно и вырывать отдѣльныя фразы изъ сочиненій Энгельса и Маркса и извращать ихъ смыслъ въ шовинистскомъ духѣ. «И въ произведеніяхъ нашихъ учителей можно въ большомъ количествѣ найти отдѣльные обороты, которые, взятые буквально и примѣненные къ условіямъ настоящаго времени, выставляли-бы нашихъ учителей пангерманистами, антисемитами и еще Богъ знаетъ кѣмъ. Писанныя при другихъ условіяхъ, они (эти мѣста

---

*) «Тѣмъ временемъ мы получили союзника въ лицѣ русскихъ крѣпостныхъ»,—съ радостью пишетъ Энгельсъ уже въ 1860 году, когда волненія крѣпостныхъ крестьянъ стали принимать замѣтные размѣры. См. «Savoyen, Nizza und der Rhein», 47.

**) Въ скобкахъ замѣтимъ, что и самъ Бернштейнъ въ *началѣ* войны былъ отнюдь не безгрѣшенъ на этотъ счетъ. Объ этомъ ниже.

изъ произведенiй) имѣютъ кореннымъ образомъ отличный характеръ». (Бернштейнъ оговаривается, что по цензурнымъ условiямъ онъ не можетъ выражаться яснѣе: онъ не можетъ сказать главнаго—что Марксъ и Энгельсъ звали къ *революцiонной* войнѣ, звали прежде всего свергнуть нѣмецкую реакцiю). *)

Таковы были подлинные взгляды Маркса и Энгельса въ 1859—60 годахъ. И такъ искажаютъ теперь эти взгляды нѣмецкiе квази-марксисты.

Да одни-ли нѣмецкiе! Ихъ русскiе собратья поступаютъ точно такимъ-же образомъ. Примѣръ: Плехановъ, Потресовъ и К°.

Марксъ и Энгельсъ были за поддержку «справедливыхъ» нацiональныхъ войнъ въ эпоху, когда на очереди стоялъ вопросъ о сложенiи единыхъ нацiонально-капиталистическихъ государствъ въ борьбѣ противъ феодализма абсолютизма и чуженацiональнаго господства. *Поэтому...* русскiй Зюдекумъ черезъ 55 лѣтъ объявляетъ «справедливой» типичную имперiалистскую войну, въ которой нѣтъ ни одного атома нацiональнаго освобожденiя и которая направлена къ прямому подавленiю международнаго рабочаго движенiя.

Марксъ и Энгельсъ въ эпоху, когда на очереди стоялъ вопросъ о завоеванiи власти *буржуазiей*, о побѣдѣ буржуазiи надъ остатками феодализма, высказывались во время названныхъ войнъ за побѣду той или иной буржуазiи, исходя изъ того, что побѣда данной буржуазiи будетъ выгоднѣе для демократiи и соцiализма. *Поэтому...* г. А. Потресовъ находитъ, что соцiалъ-демократы должны теперь—черезъ 55 лѣтъ, въ эпоху, когда въ передовыхъ странахъ рѣчь идетъ уже о завоеванiи власти *пролетарiатомъ*, о побѣдѣ рабочаго класса *надъ* буржуазiей—тоже высказаться за побѣду той или иной *буржуазiи*, «взять сторону» той или иной коалицiи.

Лицемѣрiе есть первая дань добродѣтели. Лицемѣрно прикрывая свой соцiалъ-шовинизмъ именемъ Маркса и Энгельса, соцiалъ-шовинисты доказываютъ только одно: что они сами сознаютъ иногда, какое неправое дѣло они защищаютъ. Они такъ-же похожи на Маркса и Энгельса, какъ «гора» 1848 года была похожа на Гору 1789—93 г.г., какъ жалкiе контръ-революцiонные болтуны германскаго либерализма 1848—49 годовъ похожи были на великихъ буржуазныхъ революцiонеровъ эпохи 1789—1793 г.г.

---

*) См. статью «Verfehlte Ausschlachtung der Klassiker des Sozialismus» von. EdBernstein, Vorwärts, 15—VII 1915 г.

Сознательные пролетаріи всѣхъ странъ сумѣютъ по достоинству оцѣнить то глумленіе надъ великими могилами нашихъ учителей, которое позволяютъ себѣ патріотствующіе тоже—соціалисты. Примѣнить взгляды проповѣдывавшіеся Марксомъ и Энгельсомъ въ 1848, 1859—1860 годахъ, къ условіямъ нынѣшняго времени—*значитъ* отвергнуть тактику соціалъ-шовинизма и идти по линіи, прямо противоположной той, которую предлагаютъ теперь рабочимъ соціалъ-патріоты...

Но перейдемъ ко взглядамъ Маркса и Энгельса во время войны 1870—71 г. На нихъ мы должны остановиться со всей подробностью.

Схема взглядовъ Маркса и Энельса на войну 1870—71 г.

Война 1870—71 г.г. имѣла совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который носитъ, напримѣръ, война 1914—15 г.г. Ея соціально-экономическое и общественно-политическое значеніе было кореннымъ образомъ отличное отъ нынѣшней войны. Мы уже говорили, что въ извѣстномъ смыслѣ войну 1870—71 г.г. можно назвать *послѣдней* изъ большихъ *національныхъ* войнъ. Межъ тѣмъ, какъ сейчасъ въ 1914—16 г. мы переживаемъ типичную *имперіалистскую* войну въ міровомъ масштабѣ, войну, характеризующую собою начало конца капиталистическаго строя.

Это не значитъ, чтобы и въ войнѣ 1870—71 г. движущей силой не былъ капитализмъ и его поступательный ходъ. Развитіе производительныхъ силъ и тогда въ послѣднемъ счетѣ играло рѣшающую роль. Но—фаза капитализма была другая.

Въ 1870—71 г. завершалась *первая* фаза капитализма. Въ 1914—15 г. начинаетъ завершаться его послѣдняя фаза. *Тогда мы переживали конецъ начала, теперь—начало конца.* И—тогда соціализмъ имѣлъ за собой очень небольшую количественную силу—въ лучшемъ случаѣ десятки и сотни тысячъ организованныхъ рабочихъ—межъ тѣмъ, какъ теперь второй Интернаціоналъ передъ его гибелью опирался на добрый *десятокъ милліоновъ* такъ или иначе организованныхъ рабочихъ.

Война 1914—15 г.—иная, чѣмъ война 1870—71 г. *) Въ связи съ этимъ и задачи соціалистовъ по отношенію къ ней иныя.

---

*)Даже нынѣшній «новый» Каутскій знаетъ, что «условія теперь совершенно иныя, чѣмъ въ 1870 году» и что теперь «письма Маркса и Энгельса того времени часто пытаются примѣнить къ проблемамъ нынѣшней войны, не принимая въ расчетъ всѣхъ отличій ситуаціи». «Neue Zeit». 27 ноября, 1914, стр. 234.

Далеко не все то, что проповѣдывали Марксъ и Энгельсъ въ отношенiи войны 1870—71 г. было-бы вѣрно теперь въ отношенiи войны 1914—16 г. Тактика соцiалистовъ должна быть теперь существенно иной—именно для того, чтобы остаться вѣрной духу марксизма. Но *въ какомъ направленiи* должна она измѣниться? Въ томъ, что на первый планъ должны быть выдвинуты *чисто соцiалистическiя* задачи, что о какихъ-бы то ни было «нацiональныхъ» задачахъ, осуществляемыхъ совмѣстно съ буржуазiей, теперь не можетъ быть и рѣчи, что интернацiонализмъ пролетарiата долженъ стать фактомъ, оказывающимъ практическое, по возможности—рѣшающее влiянiе на ходъ событiй. Если тогда рабочiе отъ войны могли ожидать разрѣшенiя вопроса нацiональнаго единства, созданiя условiй для болѣе свободнаго развитiя классовой борьбы, то теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Теперь лозунгомъ рабочаго класса можетъ быть только: превращенiе имперiалистскихъ войнъ въ начало эпохи совсѣмъ иныхъ войнъ...

Схема взглядовъ Маркса и Энгельса на войну 1870—71 г. была приблизительно такова.

Непосредственно нападающей стороной въ данный моментъ является—Бонапартовская Францiя. Если Францiя побѣдитъ, послѣдствiя станутъ роковыми въ двухъ отношенiяхъ. Во первыхъ, имперiя Бонапарта тогда надолго укрѣпится во Францiи, будетъ по прежнему и еще съ большей силой терзать собственный французскiй народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвой хваткой душить всякiе проблески демократизма во всей Европѣ. Во вторыхъ, нацiональное объединенiе Германiи еще больше затянется. Раздробленiе Германiи пойдетъ еще дальше. Вниманiе всего народа, и рабочихъ въ томъ числѣ, еще больше будетъ приковано къ вопросамъ нацiональнымъ, въ ущербъ развитiю классоваго рабочаго движенiя, въ ущербъ росту соцiализма. И наоборотъ пораженiе бонапартистской Францiи будетъ побѣдой французскаго рабочаго класса, побѣдой французской демократiи. Побѣда Пруссiи косвеннымъ образомъ станетъ побѣдой и нѣмецкаго пролетарiата, ибо создастъ ему условiя для болѣе успѣшнаго противопоставленiя себя классу капиталистовъ. Германскiй пролетарiатъ используетъ эту побѣду, чтобы повести объединенную и централизованную борьбу за то, чтобы скинуть прусскихъ юнкеровъ, чтобы создать демократiю, чтобы успѣшнѣе развернуть борьбу за соцiализмъ. Нѣмецкiе рабочiе, нѣмецкая демократiя пока оказались не въ силахъ сами революцiоннымъ путемъ, снизу, разрѣшить нацiональный вопросъ, а вершить объединенiе Германiи и тѣмъ снять съ очереди пре-

пятствія для успѣшнаго развитія всей общественной жизни страны. Силою вещей теперь разрѣшеніе этой задачи сверху беретъ на себя Бисмаркъ. Конечно онъ разрѣшитъ ее на свой ограниченно-юнкерскій ладъ. Этого не должно забывать. Но соціалистамъ и демократамъ, переживающимъ войну 1870—71 г., слѣдуетъ имѣть въ виду, что объективными результатами войны 1870—71 г. все-таки можетъ быть объединеніе Германіи, столь необходимое въ интересахъ и германской и международной демократіи.

Это не значитъ, что нѣмецкіе рабочіе должны стать бисмарк[illegible]ицами. Это не значитъ, что нѣмецкіе соціалисты должны вотировать Бисмарку военные кредиты и «патріотически» кричать «громъ побѣды раздавайся». У германскихъ соціалистовъ есть другія задачи. Они должны продолжать бороться за иной—не бисмарковскій, а революціонно-демократическій—путь разрѣшенія національнаго вопроса—путемъ измѣненія соотношенія силъ внутри Германіи. Они не могутъ руководиться принципомъ голаго «антибисмаркизма» въ томъ смыслѣ, чтобы отказываться отъ работы на почвѣ, созданной войной только потому, что она велась бисмарковскимъ оружіемъ. Но они еще менѣе могутъ позволить увлечь себя на путь «бисмаркизма» въ томъ смыслѣ, чтобы поплестись за колесницей побѣдителей и забыть о своихъ революціонно-демократическихъ задачахъ. Они ни въ коемъ случаѣ не должны допустить до аннексій какой-бы то ни было части французской территоріи. Противъ этого надо бороться до послѣдней крайности, хотя-бы уже по одному тому, что это создастъ предпосылки для будущаго контръ-революціоннаго и анти-демократическаго франко-прусскаго союза. На всю войну 1870—71 г. надо смотрѣть подъ угломъ зрѣнія *международнаго* пролетаріата и *только* подъ этимъ угломъ. Именно съ точки зрѣнія интересовъ всего международнаго пролетаріата надо признать болѣе желательной пораженіе бонапартистской Франціи. Задачей соціалистовъ всѣхъ странъ въ первую голову является: не взирая на ужасы войны и разгулъ шовинизма, бороться за принципы интернаціонализма, растить и холить малѣйшіе проблески международнаго братства, добиваться того, чтобы черезъ головы генеральныхъ штабовъ, вопреки разбушевавшимся стихіямъ шовинизма, нѣмецкіе рабочіе протянули братскую руку французскимъ пролетаріямъ.

Такова эта схема.

* * *

Была-ли она вѣрна?

Въ основномъ, несомнѣнно—*да*.

Марксъ и Энгельсъ говорили о томъ, что война 1870 года является со стороны *нѣмцевъ* (со стороны нѣмцевъ, я не говорю—Пруссіи, подчеркивалъ Марксъ) оборонительной войной.

Въ смыслѣ *историческомъ* это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Мы видѣли, какъ въ теченіе долгихъ десятилѣтій Франція и Россія угнетали нѣмцевъ, мѣшали имъ объединиться, кромсали и дѣлили ихъ территорію. Начиная съ Тильзитскаго мира 1807 года (и болѣе ранняго періода), продолжая 1814—15, 1815—1848, 1849—1859 и т. д., Франція все время угнетала нѣмцевъ и держала ихъ подъ вѣчнымъ страхомъ новаго раздѣла и новыхъ аннексій. Еще накапунѣ франко-прусской войны Наполеонъ III нагло требовалъ отъ Бисмарка уступки части земель на Рейнѣ.

Въ *историческомъ* смыслѣ стремленіе нѣмцевъ къ національному объединенію (даже бисмарковскимъ путемъ) было прогрессивнымъ, а стремленіе Наполеона III и Россіи воспрепятствовать этому объединенію было реакціоннымъ.

Объединеніе Германіи абсолютно не было возможно безъ войны съ Наполеономъ III. Если-бы внутри Германіи побѣдилъ революціонный путь объединенія *снизу*, революціонной Германіи все равно тоже пришлось-бы вести войну съ Наполеономъ III. Ибо для бонапартистскаго режима раздробленность Германіи была вопросомъ жизни и смерти.

Война Германіи поэтому была въ широкомъ историческомъ смыслѣ слова *оборонительной*. Она защищала, обороняла исторически-прогрессивное дѣло созданія единаго нѣмецкаго государства. Германія оборонялась, защищалась противъ бонапартистской Франціи и самодержавной Россіи, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ угнетали ее.

Каковы-бы ни были дипломатическія перипетіи, непосредственно предшествовавшія войнѣ, кто-бы первый ни объявилъ войну,—Германія исторически была въ 1870 году обороняющейся, а Наполеонъ III нападающей стороной. Это главное коренное соображеніе было *рѣшающимъ* для Маркса и Энгельса. Это опредѣлило ихъ отношеніе къ войнѣ 1870—71 г.

Въ глубокомъ историческомъ смыслѣ слова Германія вела *оборонительную* войну. Въ этомъ отношеніи Марксъ и Энгельсъ были совершенно правы.

Но былъ еще другой вопросъ—правда, совершенно второстепенный. Это вопросъ о томъ, какая сторона *непосредственно* вызвала войну въ *данный* моментъ, другими словами, какая страна является нападающею стороной въ смыслѣ *дипломати-*

ческомъ, т. е. кто хотѣлъ войны *сейчасъ*, кто вызвалъ ее, кто провоцировалъ ее именно въ данную минуту.

И тутъ Марксъ съ Энгельсомъ—такъ-же, какъ всѣ и нѣмецкіе и *французскіе* соціалисты того времени—ошибочно предположили въ началѣ войны, что нападающей стороной является Наполеонъ III. Изъ этого не вытекло никакихъ плохихъ послѣдствій потому, что *не это* рѣшало для Маркса и Энгельса вопросъ о тактикѣ рабочихъ по отношенію къ войнѣ. И они очень скоро — раньше чѣмъ кто-бы то ни было другой изъ современниковъ—раскрыли ту хитрую сѣть интригъ и обмана, которая позволила Бисмарку на время выдать себя за человѣка, якобы не хотѣвшаго войны, за человѣка, которому война была навязана напавшимъ Наполеономъ III. Вину Бисмарка Марксъ подчеркнулъ, уже въ первомъ обращеніи Интернаціонала, немедленно послѣ начала войны.

До Седана, до паденія Бонапарта и провозглашенія французской республики война была для Маркса и Энгельса *оборонительной* войной со стороны Германіи. Послѣ Седана, когда Бисмаркъ воевалъ уже не за созданіе нѣмецкаго единства, а за аннексію Эльзаса-Лотарингіи, война для Маркса и Энгельса была войной *наступательной* со стороны Германіи. Тутъ они были правы цѣликомъ.

Но въ вопросѣ о непосредственномъ дипломатическомъ виновникѣ войны они въ началѣ—повторяемъ—раздѣлили участь всѣхъ тогдашнихъ соціалистовъ: они считали, что войну и вызвалъ Наполеонъ III. Это видно и изъ обоихъ обращеній Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, и изъ переписки Маркса съ Энгельсомъ, и изъ писемъ Маркса къ Кугельману, и изъ писемъ его къ Зорге, и изъ заявленій Бебеля-Либкнехта, выступленій дѣятелей Брауншвейгскаго комитета и пр. Какъ-же могло случиться, чтобы такіе люди, какъ Марксъ и Энгельсъ, не разглядѣли сразу игры Бисмарка?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надо перенестись въ тогдашнюю обстановку. Теперь, когда мы уже считаемся съ фактомъ побѣды Пруссіи, когда мы отъ самаго Бисмарка знаемъ о фальсификаціи Эмской депеши, когда мы отошли отъ событій на разстояніе полувѣка, и когда вообще вся историческая роль Бисмарка обрисовалась такъ ясно,—намъ трудно себѣ представить: какъ-же было не понять всего этого тогда? Но не надо переносить настоящаго на прошлое.

Бисмаркъ *долженъ* былъ хотѣть тогда войны съ Франціей—говоримъ мы себѣ теперь. Но долженъ былъ ея хотѣть тогда и Луи Наполеонъ. Вспомнимъ положеніе этого послѣдняго.—Вторая

имперія могла держаться только до тѣхъ поръ, пока Луи Наполеонъ имѣлъ возможность питать Францію хоть кое-какими надеждами на успѣхи его внѣшней политики, на то, что онъ вернетъ Франціи ея прежнія территоріи, что онъ будетъ успѣшно вести, такъ называемую, «великодержавную» политику. Для Луи Наполеона это былъ прямо вопросъ существованія. И—кто стоялъ ему теперь больше всего поперекъ пути въ этомъ отношеніи?—Пруссія, Бисмаркъ! Особенно—послѣ австро-прусской войны 1866 года.

Не подлежитъ сомнѣнію, что передъ австро-прусской войной у Луи Наполеона съ Бисмаркомъ была заключена тайная сдѣлка. Бисмаркъ обѣщалъ ему «компенсацію» за нейтралитетъ Франціи въ войнѣ Пруссіи съ Австріей. Бисмаркъ побѣдоносно провелъ эту войну. И—добившись своей цѣли, оставилъ Луи Наполеона ни съ чѣмъ, попросту обманулъ его. Въ 1867 году Луи Наполеонъ дѣлаетъ попытку отыграться на Люксембургѣ, но и тамъ у него ничего не выходитъ. До войны дѣло не доходитъ, провозглашается нейтралитетъ Люксембурга. Съ тѣхъ поръ Наполеонъ и во снѣ и на яву помышляетъ только о «реваншѣ» надъ Пруссіей, о мести за Садовую. Безъ реванша ему не поправить и пришедшихъ въ упадокъ внутреннихъ дѣлъ. Въ самомъ бонапартистскомъ лагерѣ начинается деморализація. Внѣшнія неудачи приводятъ къ отпаденію и колебанію самыхъ приближенныхъ къ Наполеону III людей, собирающихся бѣжать съ тонущаго корабля. Бонапартъ все больше начинаетъ чувствовать, что—*теперь или никогда*. Или онъ возьметъ реваншъ на аренѣ международной политики, или—не миновать краха.

Международное положеніе должно было казаться Наполеону III особенно благопріятнымъ въ этотъ моментъ. Извѣстно, что, готовясь къ войнѣ съ Пруссіей, онъ разсчитывалъ на возможность коалиціи съ Даніей, Австріей и даже Италіей. Данія, естественно, должна была быть возстановлена противъ Пруссіи за Шлезвигъ-Гольштинію. Австрія только что была побита Пруссіей. И, если-бы не угроза со стороны Россіи, очень можетъ быть, что Австрія и Данія въ самомъ дѣлѣ поддержали-бы Францію въ войнѣ 1870—71 г.

Всѣ эти обстоятельства были общеизвѣстны тогда. Бонапартъ ищетъ войны съ Пруссіей, Бонапартъ готовится къ этой войнѣ. Такъ обстояло дѣло къ 1870 году. И такъ какъ вся внѣшняя обстановка войны была такова, что «задиралъ» Бонапартъ такъ какъ объявила войну первая Франція, то создавалось впечатлѣніе, что нападающей стороной является именно она.

Такъ думали и Марксъ съ Энгельсомъ.

Через два десятилѣтія послѣ войны Энгельсъ писалъ:

— «Что миръ съ Австріей (послѣ 1866 г.) чреватъ войной съ Франціей—это Бисмаркъ не только зналъ, но онъ этого добивался... Уже передъ австрійской войной, на вопросъ одного министра, представителя мелкаго германскаго княжества, къ чему направлена его (бисмарковская) демагогическая нѣмецкая политика,—Бисмаркъ отвѣтилъ, что, не взирая ни на какія фразы, онъ выброситъ Австрію и расколетъ союзъ.—«А среднія и мелкія княжества. Полагаете-ли вы, что они будутъ бездѣйствовать?» —спросилъ министръ.—«Вы, среднія княжества, ровнымъ счетомъ ничего не сдѣлаете». —«Что-же произойдетъ съ нѣмцами послѣ этого?—«Послѣ этого я поведу ихъ въ Парижъ и тамъ завершу ихъ объединеніе»—сказалъ Бисмаркъ *).

Все это стало совершенно ясно впослѣдствіи. Но непосредственно передъ войной 1870 года планы Бисмарка далеко не представлялись столь ясно.

Въ той-же статьѣ Энгельсъ разсказываетъ, что, когда впервые возникли слухи о возможности кандидатуры Гогенцоллернскаго принца Леопольда на испанскій престолъ, французскій посолъ Бенедетти еще 11 мая 1869 года имѣлъ объясненіе по этому поводу съ Бисмаркомъ. Бисмаркъ сначала относился совершенно индифферентно къ этой кандидатурѣ. На свиданіи 11 мая 1869 года Бенедетти—разсказываетъ Энгельсъ,—ровнымъ счетомъ ничего не узналъ отъ Бисмарка насчетъ его намѣреній. «За то Бисмаркъ вывѣдалъ отъ Бенедетти то, что ему было важно, т. е., что выставленіе кандидатуры Леопольда означаетъ немедленную войну съ Франціей. Этимъ самымъ Бисмаркъ получалъ въ свои руки вѣрное средство вызвать войну во всякую минуту, когда ему заблагоразсудится». **)

Такова была игра событій.

Болѣе того. Энгельсъ еще въ 90-хъ годахъ утверждалъ, что съ точки зрѣнія борьбы Франціи противъ Пруссіи первой *выгодно* было, чтобы гогенцоллернскій принцъ Леопольдъ занялъ испанскій престолъ.—«Можно-ли себѣ представить большую месть за Садову, чѣмъ восшествіе прусскаго принца на испанскій престолъ? Изъ этого неизбѣжно выросли-бы большія непріятности *для Пруссіи*, она запуталась-бы во внутреннихъ дѣлахъ Испаніи и въ ея внутреннихъ партійныхъ отношеніяхъ. Отсюда могла-бы возникнуть даже война и пораженіе тогдашняго

---

*) Разсказано со словъ парижскаго корреспондента «Manchester Guardian» въ неоконченной работѣ Энгельса «Gewalt und Oekonomie bei der Herstellung des neuen deutschen Reiches». N. Zeit, XIV, I, S. 740.

**) Ibid. S. 744.

карликоваго прусскаго флота. Во всякомъ случаѣ, Пруссія передъ Европой попала-бы въ очень щекотливое положеніе». А между тѣмъ на дѣлѣ Луи Наполеонъ и его клика именно изъ вопроса о кандидатурѣ Леопольда сдѣлали casus belli съ Пруссіей.

Положеніе было чрезвычайно запутаннымъ. Фактически обѣ стороны хотѣли войны. И обѣ стороны энергично готовились къ ней, поскольку позволяли внутренніе и внѣшніе факторы. Лишь впослѣдствіи стало ясно, что готовились-то обѣ стороны, но *подготовилась* раньше и лучше Пруссія. А непосредственно передъ войной почти всѣ были убѣждены, что въ данный моментъ провоцируетъ войну Франція. Изъ изложенія событій Жоресомъ въ его книгѣ о франко-прусской войнѣ, вышедшей черезъ три десятилѣтія послѣ событій, мы видимъ, какъ трудно было съ полной точностью въ моментъ возникновенія войны установить, кто былъ непосредственно нападающей и кто обороняющейся стороной, чье поведеніе было болѣе вызывающимъ—бонапартовскихъ министровъ или Бисмарка. Удивительно-ли, что въ дымѣ самихъ событій Марксъ съ Энгельсомъ—какъ и всѣ соціалисты того времени—могли допустить предположеніе, что непосредственнымъ виновникомъ войны въ данный моментъ былъ именно Наполеонъ III?

Вся эта исторія показываетъ только одно: что вопросъ о томъ, какая сторона является нападающей въ дипломатическомъ смыслѣ слова (въ отличіе отъ глубокаго историческаго смысла этого понятія), не могъ имѣть серьезнаго значенія для соціалистовъ и въ эпоху національныхъ войнъ.

И для Маркса съ Энгельсомъ повторяемъ вовсе не этотъ дипломатическій критерій являлся рѣшающимъ, для нихъ являлся рѣшающимъ—критерій *историческій*.

Первое обращеніе Международнаго Товарищества Рабочихъ по поводу франко прусской войны. Противъ «гражданскаго мира».

Недавно опубликованная переписка Маркса съ Энгельсомъ (4 большихъ тома) даетъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для сужденія объ ихъ подлинныхъ взглядахъ на задачи соціалистовъ во время франко-прусской войны. Но объ этихъ взглядахъ нельзя судить исключительно по одной только перепискѣ.

Переписка Маркса и Энгельса носила самый интимный характеръ. Это, разумѣется, благопріятствовало тому, что оба друга въ письмахъ всегда самымъ откровеннымъ образомъ из-

лагали свои взгляды на самые больные вопросы дня. Но благодаря этой-же интимности, Марксъ и Энгельсъ въ своихъ письмахъ часто высказывали другъ другу еще не окончательно установившіеся у нихъ взгляды, т. е. по какому-нибудь важному вопросу сообщали другъ другу и о своихъ колебаніяхъ, о томъ, что только неясно бродило въ головѣ, о тѣхъ «за» и «противъ» которыя у нихъ намѣчались въ ходѣ размышленій. Выхватить какое-нибудь такое отдѣльное мѣсто изъ этой переписки и, не справляясь съ тѣмъ, что послѣдовало дальше въ *публичныхъ* выступленіяхъ Маркса и Энгельса, когда спорный вопросъ былъ окончательно рѣшенъ обоими, зачастую можетъ означать— *исказить* подлинные взгляды творцовъ научнаго соціализма.

Такъ стоитъ дѣло, въ частности, и въ вопросѣ объ отношеніи Маркса и Энгельса къ франко-прусской войнѣ. Письма, которыми оба друга обмѣнялись во время войны, имѣютъ глубочайшій интересъ. Но не надо забывать, что въ нихъ-то только *вырабатывалось* мнѣніе обоихъ друзей. А намъ важно знать не только, какъ вырабатывалось это мнѣніе, но и—каково было оно, когда уже *выработалось окончательно.* Для этого необходимо обратиться прежде всего къ публичнымъ выступленіямъ Маркса и Энгельса въ связи съ этимъ-же вопросомъ.

Громадную важность имѣютъ въ первую голову два первыхъ обращенія Генеральнаго Совѣта Интернаціонала («Международнаго Товарищества Рабочихъ») по поводу франко-прусской войны. Оба они, по свидѣтельству Фр. Энгельса *), написаны Марксомъ.

Первое обращеніе Генеральнаго Совѣта помѣчено 23 іюля 1870 года, другими словами оно написано сейчасъ-же вслѣдъ за объявленіемъ войны. Въ немъ вкратцѣ излагаются прежнія выступленія Международнаго Товарищества Рабочихъ по вопросамъ иностранной политики. **). А затѣмъ Марксъ перехо-

*) См. его предисловіе къ нѣмецкому изданію «Гражданской войны», 1891 г.

**) Въ учредительномъ адресѣ Интернаціонала, въ 1864 году, на который теперь ссылался Марксъ, онъ писалъ:

«Если успѣхъ дѣла освобожденія рабочихъ классовъ зависитъ отъ ихъ братскаго единодушія и взаимнаго содѣйствія, то какимъ образомъ могутъ они выполнить свое великое назначеніе, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь національными предразсудками, проливаетъ въ своихъ разбойничьихъ войнахъ кровь и деньги народа?! Не благоразуміе англійскихъ правительствующихъ классовъ, но оппозиція рабочаго класса преступному безумію этихъ высшихъ образованныхъ классовъ спасла недавно Западную Европу отъ позора новаго крестоваго похода ради поддержки и развитія рабства по ту сторону океана.

дить къ характеристикѣ положенія во Франціи, съ одной стороны, въ Германіи—съ другой. Рѣзкими штрихами обрисована реакціонная роль имперіи Бонапарта, которой Марксъ тутъ-же предсказываетъ неминуемую гибель. «Чѣмъ-бы ни кончилась война Луи Бонапарта съ Пруссіей—похоронный звонъ по второй имперіи уже прозвучалъ въ Парижѣ. Вторая имперія кончится тѣмъ-же, чѣмъ началась: жалкой пародіей» *)—пишетъ Марксъ.

Относительно Германіи мы находимъ въ первомъ обращеніи слѣдующія слова:

— «Для нѣмцевъ война эта является оборонительной. Но кто привелъ Германію къ необходимости обороняться? Кто далъ Луи Бонапарту возможность вести войну противъ Германіи? *Пруссія!* Никто иной, какъ Бисмаркъ конспирировалъ съ Луи Бонапартомъ, въ надеждѣ подавить внутри Пруссіи демократическую оппозицію и закрѣпить Германію за династіей Гогенцоллерновъ. Еслибы битва при Садовѣ была не выиграна, а потеряна, французскіе батальоны наводнили-бы Германію въ качествѣ союзниковъ Пруссіи. Развѣ Пруссія послѣ побѣды хоть на минуту подумала о томъ, чтобы порабощенной Франціи противопоставить свободную Германію? Какъ разъ наоборотъ! Она ревниво оберегла исконныя прелести своей системы и въ добавленіе къ нимъ заимствовала у второй имперіи всѣ ея уловки: ея фактическій деспотизмъ и призрачную демократичность, ея политическіе фокусы и финансовыя мошенничества, ея высокопарныя фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистскій режимъ, который до сихъ поръ процвѣталъ только на одномъ,

«Безстыдное одобреніе, лицемѣрная симпатія и идіотское равнодушіе, съ которымъ высшіе классы Европы смотрѣли на то, какъ... (одна страна) завладѣла горами Кавказа и душила героическую Польшу; громадныя завоеванія этого варварскаго исполина, голова котораго... (въ одной столицѣ), а руки котораго находятъ себѣ мѣсто во всѣхъ кабинетахъ Европы,— показали, наконецъ, рабочимъ, что пора имъ вникнуть въ таинства международной политики, что пора имъ наблюдать за дипломатическими дѣйствіями своихъ правительствъ, сопротивляться имъ въ случаѣ нужды всѣми средствами, находящимися подъ рукою, и наконецъ, въ случаѣ неудачи подобныхъ отдѣльныхъ усилій, соединиться въ одномъ общемъ протестѣ противъ преступныхъ замысловъ правительствъ, провозглашая необходимость соблюдать естественные законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться всѣ люди въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ, и которые должны служить также высшей нормой для взаимныхъ отношеній народовъ!»

(См. *К. Марксъ* первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ, русское изданіе, стр. 13, 14).

*) Цитируемъ по русскому изданію «Гражданской войны», подъ ред. Ленина.

берегу Рейна, нашелъ себѣ, такимъ образомъ, двойника на другомъ берегу его. А при такомъ положеніи дѣлъ, чего иного можно было ждать кромѣ войны?»

Марксъ—да и не одинъ онъ, а весь Генеральный Совѣтъ, въ которомъ вѣдь были и англичане, и французы—считалъ тогда непосредственно нападавшей стороной Бонапарта, а обороняющейся—Пруссію. И тѣмъ не менѣе—какимъ языкомъ говорилъ онъ тогда объ этой самой Пруссіи. Онъ клеймитъ ее, какъ двойника Луи Наполеона, онъ заявляетъ прямо, что юнкерская Пруссія ничѣмъ не лучше Бонапартовской Франціи, что отвѣтственность за войну въ одинаковой мѣрѣ лежитъ и на Пруссіи, что все худшее изъ правовъ второй имперіи Пруссія у нея позаимствовала.

«Если нѣмецкій рабочій классъ—продолжаетъ Марксъ—допуститъ, чтобы война потеряла свой оборонительный характеръ и выродилась въ войну противъ французскаго народа—*тогда и побѣда и пораженіе будутъ одинаково гибельны*. Всѣ тѣ несчастія, которыя постигли Германію послѣ такъ называемыхъ освободительныхъ войнъ, обрушатся на нее снова съ еще большею жестокостью».

Съ первыхъ-же дней послѣ объявленія войны Марксъ считаетъ долгомъ призывать нѣмецкихъ рабочихъ къ борьбѣ противъ того, чтобы война выродилась въ войну противъ французскаго народа.

Съ восторгомъ цитируетъ Марксъ первые отклики соціалистическихъ рабочихъ Германіи, проникнутые духомъ интернаціонализма. Онъ сообщаетъ объ извѣстной уже читателю резолюціи Бебеля-Либкнехта, принятой въ Хемницѣ «собраніемъ уполномоченныхъ, представлявшихъ 50 тысячъ саксонскихъ рабочихъ». Изъ браунщвейгской резолюціи Марксъ приводитъ тѣ мѣста, которыя наиболѣе проникнуты интернаціонализмомъ. Съ особенною радостью сообщаетъ онъ, что «Берлинская секція Интернаціонала» выступила съ мужественнымъ и интернаціональнымъ по духу манифестомъ, въ которомъ заявляетъ:

— «Мы всей душой присоединяемся къ вашему (т. е. французскихъ соціалистовъ Г. З.) протесту... Мы даемъ великій обѣтъ въ томъ, что ни звуки трубъ, ни громы пушекъ, ни побѣда, ни пораженіе не отвратятъ насъ отъ нашего общаго дѣла объединенія рабочихъ всѣхъ странъ».

Въ этомъ-же первомъ обращеніи Генеральнаго Совѣта Марксъ перепечатываетъ французское воззваніе парижскихъ членовъ Интернаціонала, гордясь героизмомъ французскихъ рабочихъ и

выставляя ихъ, какъ образецъ для рабочихъ соціалистовъ всѣхъ странъ *).

Обращеніе заканчивается указаніемъ на ту опасность, которая въ связи съ войной угрожаетъ всемірной демократіи со стороны Россіи. «На заднемъ планѣ этой братоубійственной борьбы виднѣется фигура Россіи—пишетъ Марксъ. Плохимъ признакомъ является то, что сигналъ къ нынѣшней войнѣ былъ данъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда русское правительство закончило постройку важныхъ для него въ стратегическомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ и уже сконцентрировало войска въ направленіи къ Пруту... Пусть они (нѣмцы) припомнятъ, что Германія, послѣ ея войны за независимость противъ Наполеона I, цѣлыя десятилѣтія безпомощно лежала у ногъ... Россіи».

Въ теченіе всей своей соціалистической дѣятельности Марксъ считалъ—что самымъ опаснымъ врагомъ международнаго соціализма и демократіи является только что упомянутая страна. Противъ нея Марксъ велъ самую безпощадную борьбу. Альфой и омегой международной соціалистической политики онъ считалъ лозунгъ—противъ царизма Въ первомъ обращеніи Интернаціонала Марксъ указываетъ нѣмецкимъ рабочимъ на ту великую опасность, которая грозитъ имъ, если Пруссія въ борьбѣ противъ Франціи призоветъ русскихъ казаковъ. Въ данный моментъ онъ видитъ опасность въ возможномъ союзѣ Пруссіи съ Россіей противъ Франціи. Мы увидимъ, что скоро, какъ только военное счастье стало улыбаться Пруссіи, Марксъ пророчески предвидитъ другую опасность: своимъ насиліемъ надъ Франціей, аннексіей Эльзаса и Лотарингіи, грабительской контри-

*) Это, между прочимъ, лишній примѣръ въ доказательство того, что по *одной* перепискѣ Маркса съ Энгельсомъ нельзя съ полнотой судить объ ихъ оцѣнкѣ политическихъ событій. Въ перепискѣ Маркса и Энгельса по поводу манифестовъ французскихъ соціалистовъ мы находимъ и нѣсколько насмѣшливыхъ словъ. Стиль воззваній мѣстами казался Марксу и Энгельсу напыщеннымъ и отчасти наивнымъ. Въ интимной перепискѣ двухъ друзей это было отмѣчено. Нѣкоторые старые противники марксизма (напр. Ю. Гарденинъ) теперь эксплуатируютъ эти замѣчанія Маркса и Энгельса, чтобы «доказать» національзмъ основоположниковъ научнаго соціализма. Смотрите, дескать, они «издѣвались» надъ воззваніями французскихъ рабочихъ противъ войны. Пріемъ, едва-ли грѣшащій чрезмѣрною корректностью! Перепечатывая французскій манифестъ въ первомъ-же обращеніи Интернаціонала, Марксъ показалъ, что онъ очень хорошо знаетъ цѣну этому прекрасному политическому выступленію французскихъ рабочихъ. Но это, конечно, не лишало Маркса или Энгельса права въ интимномъ письмѣ къ другу отмѣтить слабыя стороны французскихъ воззваній, характерныя для нихъ, какъ французовъ.

буціей и т. д. Пруссія загоняетъ *Францію* въ объятія Россіи. Марксъ первый бьетъ тревогу по поводу глубоко реакціоннаго значенія предстоящаго новаго союза, на который Бисмаркъ толкаетъ буржуазную Францію...

Противъ шовинизма—таковъ основной мотивъ всего перваго обращенія. «Въ то время, какъ оффиціальная Франція и оффиціальная Германія бросаются въ братоубійственную борьбу другъ съ другомъ,—рабочіе посылаютъ другъ другу вѣсти мира и дружбы. Уже одинъ этотъ великій фактъ, не имѣющій равнаго въ исторіи, открываетъ надежды на болѣе свѣтлое будущее. Онъ показываетъ, что въ противоположность старому обществу съ его экономической нищетой и политическимъ безуміемъ, нарождается новое общество»... Такъ пишетъ Марксъ, зовя рабочихъ къ интернаціонализму. Онъ дѣлаетъ это—не забудемъ—въ моментъ, когда шовинизмъ въ Германіи достигаетъ высшей точки, когда все и вся истекаетъ нѣмецкимъ «патріотизмомъ». Онъ дѣлаетъ это—*несмотря* на то, что считаетъ Германію обороняющейся стороной. Не лозунгъ «защита отечества» въ вульгарно-патріотическомъ истолкованіи, а лозунгъ «братство рабочихъ всѣхъ странъ»—таково то знамя, которое подымаетъ Карлъ Марксъ.

Второе обращеніе Международнаго Товарищества Рабочихъ. Блестяще оправдавшіяся теперь предсказанія Маркса.

Еще гораздо важнѣе и богаче политическимъ содержаніемъ *второе обращеніе* Генеральнаго Совѣта, тоже написанное Марксомъ. Оно датировано 9 сентября 1870 года, т. е. опубликовано послѣ Седана и послѣ провозглашенія республики во Франціи.

Это обращеніе распадается на двѣ части. Одна изъ нихъ посвящена Франціи, другая—Германіи. Съ восторгомъ отмѣчаетъ Марксъ предсказанное имъ въ началѣ войны паденіе Бонапартовской имперіи. «Оборонительная война дѣйствительно кончилась сдачей Луи Наполеона, капитуляціей Седана и провозглашеніемъ республики въ Парижѣ». Но внутреннее положеніе дѣлъ во Франціи продолжаетъ тревожить Маркса. Достаточно-ли сплотилась демократія во Франціи? Прочна-ли республика, которая явилась главнымъ образомъ результатомъ удара извнѣ, а не народнаго натиска извнутри. «Эта республика не ниспровергла трона, она только заняла оставленное имъ пустое мѣсто. Она провозглашена не какъ соціальное пріобрѣтеніе, а какъ національная мѣра обороны. Она находится въ рукахъ времен-

наго правительства, состоящаго частью изъ завѣдомыхъ орлеанистовъ, частью изъ буржуазныхъ республиканцевъ; а на нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ іюньское возстаніе 1848 года оставило несмываемое пятно. Раздѣленіе труда между членами этого правительства обѣщаетъ очень мало хорошаго. Орлеанисты заняли сильнѣйшія позиціи—армію и полицію, между тѣмъ, какъ мнимымъ республиканцамъ предоставили функцію болтовни».

Марксъ сознаетъ, какія огромныя трудности создались теперь для французскаго рабочаго класса. Съ одной стороны—внѣшній врагъ стоитъ у воротъ. Бисмаркъ и король Пруссіи утверждали въ началѣ войны, что они воюютъ только противъ Бонапарта, а не противъ французскаго народа. Они, конечно, лгали. Бонапартъ теперь былъ уже ихъ плѣнникомъ, а они и не думали прекратить войну и двигались на Парижъ къ самому сердцу Франціи. Съ другой стороны—французскіе рабочіе не могли довѣрять новому «республиканскому» правительству, которое Марксъ заслуженно клеймилъ въ вышеприведенныхъ словахъ.

Въ моментъ, когда Марксъ писалъ второе обращеніе, среди парижскихъ рабочихъ было уже сильное броженіе. Черезъ 5—6 недѣль, 31 октября 1870 года мы видимъ уже въ Парижѣ первую попытку прямого возстанія и провозглашенія новаго временнаго правительства изъ 9 человѣкъ—въ томъ числѣ Бланки, Флурансъ, Викторъ Гюго. Возстаніе это кончилось неудачей. Бланки, Флурансъ, Піа и др. были брошены въ тюрьму *). Марксъ и весь вообще Генеральный Совѣтъ Интернаціонала не могли не знать о броженіи среди парижскихъ рабочихъ и о готовящихся вспышкахъ. Передъ Марксомъ долженъ былъ стать вопросъ—какъ-же отнестись къ этимъ возможнымъ вспышкамъ французскихъ рабочихъ въ моментъ, когда пруссаки приближались къ Парижу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что само по себѣ это броженіе недовольства противъ новаго правительства, смѣнившаго Бонапарта, должно было быть глубоко симпатично Марксу. Но онъ боялся одного: какъ бы вспышки рабочихъ во Франціи именно въ данный моментъ не помогли зарвавшимся пруссакамъ, которые, послѣ паденія второй имперіи стали, съ точки зрѣнія Маркса, главнымъ врагомъ. Это, во первыхъ, а, во вторыхъ, онъ боялся, какъ-бы разогрѣваніе національныхъ тра-

*) Ср. Constantin Bulle, Исторія новѣйшаго времени, т. III, стр. 357—358.

цицій 1792 года не помогло правящей кликѣ Франціи обмануть рабочихъ:

Нѣкоторые чрезмѣрно усердные «критики» Маркса (Ю. Гарденинъ) упрекаютъ Маркса въ томъ, что онъ сначала предостерегалъ французскихъ рабочихъ противъ возстаній и поддержалъ ихъ лишь тогда, когда мятежное движеніе стало фактомъ. Въ этомъ поведеніи Маркса тоже готовы видѣть недостатокъ рѣшимости и дань «бисмаркизму». Межъ тѣмъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Марксъ боялся именно того, чтобы преждевременныя возстанія внутри Франціи не помогли Бисмарку окончательно задушить Францію. Предупреждать французскихъ рабочихъ противъ этой опасности было прямой обязанностью Маркса именно, какъ интернаціональнаго соціалиста, разсуждающаго какъ разъ не со специфически «нѣмецкой» точки зрѣнія.

Это объясняетъ намъ почему Марксъ во второмъ обращеніи писалъ:

— «Такимъ образомъ французскій рабочій классъ находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда какъ непріятель уже почти стучится въ ворота Парижа, было-бы безуміемъ отчаянія. Французскіе рабочіе должны исполнить свой долгъ гражданъ, но они не должны позволить себя увлечь національными традиціями 1792 года, какъ французскіе крестьяне дали обмануть себя національными преданіями первой Имперіи. Имъ нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и рѣшительно пользуются всѣми средствами, которыя даетъ имъ республиканская свобода, чтобы основательнѣе укрѣпить организацію своего собственнаго класса. Это дастъ имъ новыя геркулесовы силы для борьбы за возрожденіе Франціи и за наше общее дѣло освобожденія пролетаріата. Отъ ихъ силы и мудрости зависитъ судьба республики».

Вотъ что говорилъ Марксъ относительно Франціи.

Но за то съ какой силой обрушился онъ на юнкерскую Германію, на правительство своего собственнаго «отечества!» Съ какой страстью бичевалъ онъ ея стремленіе ограбить Францію и аннексировать Эльзасъ-Лотарингію!

...«Прусская военная камарилья рѣшила превратить войну въ завоевательную... режиссеры всей этой комедіи (Бисмаркъ и король Вильгельмъ) должны были представить дѣло такъ, какъ будто они противъ своей воли уступаютъ неотступнымъ требованіямъ нѣмецкаго народа; для этого они сейчасъ-же дали пароль нѣмецкому либеральному среднему классу съ его профес-

сорами и капиталистами, съ его депутатами и газетчиками. Этотъ средній классъ, который во время борьбы за буржуазную свободу 1846—1870 г.г. выказалъ невиданную трусость, нерѣшительность и неспособность, былъ, конечно, чрезвычайно восхищенъ той ролью льва нѣмецкаго патріотизма, въ которой ему предстояло теперь выступить на европейской аренѣ».

...«Они (режиссеры комедіи) не осмѣливаются утверждать, что населеніе Эльзаса-Лотарингіи тоскуетъ по нѣмецкимъ объятіямъ. Какъ разъ наоборотъ. Чтобы наказать Страсбургъ за чувства патріотизма къ Франціи, его безполезно и варварски... бомбардируютъ «нѣмецкими» взрывчатыми снарядами, зажигаютъ городъ и убиваютъ массу беззащитныхъ жителей...»

Чтобы оправдать аннексію въ глазахъ менѣе шовинистически настроеннаго германскаго населенія, «режиссеры комедіи» пустили въ оборотъ версію, будто Эльзасъ и Лотарингія совершенно необходимы Германіи съ точки зрѣнія стратегической. Безъ этихъ двухъ провинцій военная оборона Германіи совершенно-де не мыслима, ибо Франція яко-бы всегда сможетъ вторгнуться въ предѣлы Германіи.

Марксъ разбираетъ и этотъ доводъ.

— «Изворотливые патріоты требуютъ Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи, какъ «матеріальную гарантію» противъ французскихъ нападеній. Такъ какъ эта гнусная уловка посѣяла смуту въ головахъ многихъ слабоумныхъ людей, мы считаемъ своею обязанностью подробнѣе остановиться на ней». И далѣе слѣдуетъ подробный разборъ со стратегической точки зрѣнія. *) Заключительнымъ аккордомъ этой части обращенія является категорическое утвержденіе, что «если послѣдняя кампанія что-нибудь доказала, то именно легкость нападенія на *Францію* изъ Германіи».

«Исторія—продолжаетъ Марксъ—воздастъ не по числу оторванныхъ отъ Франціи квадратныхъ миль земли, а по величинѣ преступленія, состоящаго въ томъ, что во второй половинѣ 19-го столѣтія вновь вызвали къ жизни политику завоеваній».

И пусть не говорятъ, что нѣмцы хотятъ отобрать Эльзасъ-Лотарингію только для спокойствія, для того, чтобы избѣгнуть новыхъ войнъ. Пусть не тратятъ лицемѣрныхъ фразъ, чтобы убѣ-

---

*) Изъ переписки Маркса съ Энгельсомъ теперь извѣстно, что эта часть обращенія написана на основаніи матеріаловъ, присланныхъ Марксу Энгельсомъ. Послѣдній, какъ извѣстно, много занимался вопросами военнаго дѣла и всегда писалъ для Маркса по этой спеціальности.

дить насъ, будто мы—«нѣмцы—по существу миролюбивый народъ»! «Должно быть не Германія двинула въ 1792 году свои войска на Францію съ возвышенною цѣлью раздавить революцію 18-го столѣтія при помощи штыковъ! Должно быть не Германія замарала свои руки при порабощеніи Италіи, при подавленіи Венгріи и при раздѣлѣ Польши!»

И далѣе Марксъ переходитъ къ своему постоянному указанію на опасность, грозящую со стороны Россіи.

— «Точно также, какъ въ 1865 году Бисмаркъ съ Луи Бонапартомъ обмѣнялись обѣщаніями, въ 1870 году это произошло между Бисмаркомъ и Горчаковымъ. Точно такъ же какъ Луи Наполеонъ льстилъ себя надеждой, что война 1866 года, истощивъ силы обѣихъ сторонъ—Австріи и Пруссіи—сдѣлаетъ его вершителемъ судебъ Германіи,—Александръ льстилъ себя надеждой, что война 1870 года, истощивъ силы Германіи и Франціи, дастъ ему возможность стать вершителемъ судебъ всей Западной Европы.»

Аннексіей Эльзасъ-Лотарингіи Пруссія неминуемо броситъ Францію въ объятія Россіи—не устаетъ повторять Марксъ. И онъ дѣлаетъ то предсказаніе, которое теперь черезъ 44 года исполнилось буквально: что ограбивъ и изнасиловавъ Францію, Германія неизбѣжно придетъ къ военному конфликту съ объединенными славянскими и романскими расами.

— «Неужели германофилы думаютъ, что свобода и миръ для Германіи будутъ обезпечены, если она принудитъ Францію броситься въ объятія Россіи? Если военное счастье, опьяненіе своими успѣхами и династическія интриги толкнутъ Германію на путь грабительскаго присвоенія французской области—для нея останутся только два пути. Либо она должна, во что бы то ни стало, сдѣлаться явнымъ рабомъ русской завоевательной политики, либо она должна, послѣ короткой передышки, начать готовиться къ «оборонительной» войнѣ, не къ одной изъ такъ называемыхъ «локализованныхъ» войнъ, а къ *войнѣ расовой, къ войнѣ—противъ объединенныхъ славянскихъ и романскихъ расъ*».

Съ безграничнымъ сочувствіемъ говоритъ Марксъ о протестахъ германскихъ рабочихъ противъ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи. Теперь уже не только Бебель и Либкнехтъ съ ихъ сторонниками выступаютъ рѣзкими протестантами противъ политики оффиціальной Пруссіи. Въ рѣшительномъ, непреклонномъ протестѣ противъ аннексіи съ ними сошлись и брауншвейгцы. Германскіе рабочіе—пишетъ Марксъ—«теперь, въ свою очередь, требуютъ «гарантій»—гарантій въ томъ, что ихъ неисчислимыя жертвы были не напрасны, что они дѣйствительно добились

свободы, что ихъ побѣды надъ арміями Бонапарта не будутъ превращены, какъ въ 1815 году, въ пораженіе нѣмецкаго народа И въ качествѣ первой такой гарантіи они требуютъ почетнаго для Франціи мира и признанія французской республики.»

Обращеніе кончается прямымъ призывомъ ко всему международному пролетаріату вмѣшаться въ событія самымъ активнымъ образомъ, выступить немедленно въ духѣ соціалистическаго братства, въ духѣ послѣдовательнаго интернаціонализма.

— «Пусть же секціи Международнаго Товарищества Рабочихъ призовутъ рабочій классъ во всѣхъ странахъ къ дѣятельному выступленію. Если рабочіе забудутъ свой долгъ, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станетъ предтечей новыхъ еще болѣе ужасныхъ международныхъ войнъ и приведетъ въ каждой странѣ къ новымъ побѣдамъ надъ рабочими рыцарей шпаги, капитала и замлевладѣнія».

Оба обращенія проникнуты самой горячей симпатіей къ героическому французскому пролетаріату. А когда черезъ ½ года въ Парижѣ возникла и вскорѣ подъ ударами безпощаднаго врага погибла Коммуна,—тотъ же Марксъ посвятилъ ей свою безсмертную работу «О гражданской войнѣ». Передъ этой геніальной работой блѣднѣетъ все то, что написано о великомъ героическомъ движеніи французскаго пролетаріата въ 1871 году...

Переписка Маркса съ Энгельсомъ. Какъ Гарденинъ „доказалъ", что Зюдекумъ исполняетъ завѣты Маркса.

Чтобы лучше уяснить себѣ взгляды Маркса и Энгельса, остановимся теперь подробнѣе на той перепискѣ, которую они вели между собой въ періодъ 1870—71. Попутно мы освѣтимъ и то употребленіе, которое для своихъ цѣлей теперь дѣлаютъ изъ этой переписки представители разныхъ политическихъ лагерей, враждебныхъ марксизму.

Первое относящееся сюда письмо Маркса помѣчено 20 іюля 1870 года.

Марксъ пишетъ:

— «Прилагаю письмо Кугельмана, которое много дастъ тебѣ для уясненія политическихъ мистерій нынѣшней войны. *Онъ вполнѣ правъ въ своей критикѣ воззванія Брауншейскаго собранія*»[1]) (курсивъ нашъ).

---

[1]) Der Briefwechsel zwischen Engels und Marx, Stuttgart, 1913, т. IV, стр. 296.

Уже эта первая фраза заслуживаетъ большого вниманія.

Многіе соціалъ-шовинисты (въ томъ числѣ, какъ мы видѣли, Плехановъ) утверждаютъ, будто въ спорѣ между Брауншвейгскимъ Комитетомъ, который въ началѣ войны сбивался на «патріотизмъ» и Либкнехтомъ-Бебелемъ, упорно боровшимися съ самаго начала противъ всякаго «патріотизма», Марксъ и Энгельсъ въ основномъ стояли на сторонѣ Брауншвейгскаго Комитета. Мы видѣли, что это совершенно невѣрно. Мы видѣли въ предыдущей главѣ письмо Бебеля, въ которомъ говорится прямо и категорически, что Марксъ—«на нашей сторонѣ», т. е. на сторонѣ Либкнехта и Бебеля. Мы цитировали тамъ также заявленіе другой стороны, главнаго дѣятеля Брауншвейгскаго Комитета Бракке, который говоритъ, что полученное имъ въ началѣ сентября 1870 г. подробное письмо отъ Маркса окончательно переубѣдило его (еслибы было согласіе, то не надо было бы переубѣждать и переубѣждаться). И наконецъ, теперь мы видимъ прямое заявленіе Маркса, что критика резолюціи брауншвейгцевъ (собраніе и резолюція, которыя упоминаетъ Марксъ, проведены главными дѣятелями брауншвейгцевъ)—вполнѣ заслужена. Вообще Марксъ сблизился съ брауншвейгцами лишь въ тотъ моментъ, когда послѣдніе измѣнили свою позицію, приблизившись къ линіи Либкнехта-Бебеля. Это случилось, какъ извѣстно, во вторую стадію войны, послѣ первыхъ крупныхъ побѣдъ прусскаго оружія. И это вовсе не случайное обстоятельство, что названное сближеніе совершилось именно тогда, когда брауншвейгцы выступили противъ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи и за это попали въ тюрьму, а не тогда, когда брауншвейгцы поддались, по выраженію Бебеля, «національному пароксизму».

Но вернемся къ письму Маркса.

Въ томъ же письмѣ отъ 20-го іюля 1870 года содержатся слѣдующія строки, которыя теперь толкуются вкривь и вкось.

— «Французы нуждаются въ томъ, чтобы ихъ проучили (brauchen Prügel). Если побѣдятъ пруссаки, то централизація государственной власти пойдетъ на пользу централизаціи нѣмецкаго рабочаго класса. Нѣмецкій перевѣсъ, далѣе, перенесетъ центръ тяжести западноевропейскаго рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію. Достаточно просто сравнить движеніе въ обѣихъ странахъ со времени 1866 года донынѣ, чтобы убѣдиться, что нѣмецкій рабочій классъ въ теоретическомъ и организаціонномъ отношеніяхъ выше французскаго. А его перевѣсъ на міровой аренѣ надъ французскимъ былъ бы одновременно и перевѣсомъ нашей теоріи надъ прудоновской и ей подобными».

По поводу этихъ словъ нѣкоторые французскіе «революціонные» (гм! гм!) синдикалисты недавно подняли большой шумъ. Къ нимъ присоединился и русскій «лѣвонародникъ» Ю. Гарденинъ. Какъ! Марксъ сказалъ въ интимномъ письмѣ, что французы нуждаются въ томъ, чтобы ихъ проучили. Не ясно ли, что Марксъ былъ шовинистомъ, вульгарнымъ французоѣдомъ, буржуазнымъ патріотомъ и т. д. Какъ! Марксъ желалъ побѣды Германіи «ради идейной гегемоніи германскаго пролетаріата». Но чѣмъ же онъ отличается тогда отъ Зюдекума? Не ясно ли, что «первородный грѣхъ надо искать не у Зюдекумовъ, его приходится открыть у ихъ идейныхъ прародителей»*), т. е. у Маркса и Энгельса.

Смыслъ словъ Маркса совершенно ясенъ. Для французскаго народа, для французскихъ рабочихъ и крестьянъ будетъ полезно, если оффиціальная бонапартистская Франція будетъ «проучена», если Бонапартъ сломитъ себѣ шею какъ разъ на иностранной политикѣ, которая до сихъ поръ единственно и вывозила его. И *это* есть анти-французскій шовинизмъ! *Это* сравнивается съ зюдекумовщиной!!

Марксъ говорилъ: взвѣшивая положеніе дѣлъ со всѣхъ сторонъ и учитывая интересы *международнаго* пролетаріата при данной обстановкѣ, я полагаю, что *всѣ мы*, и нѣмецкіе, и англійскіе, и французскіе соціалисты должны придти къ выводу, что наиболѣе благопріятнымъ исходомъ войны для нашего общаго дѣла было бы пораженіе Бонапарта и побѣда Пруссіи. Ибо этотъ исходъ освобождаетъ Францію отъ позора 2-ой имперіи, а въ Германіи создаетъ объединеніе. Въ случаѣ удачи—настоящее революціонное «великогерманско»—республиканское объединеніе; на худой конецъ—объединеніе сверху, бисмарковское объединеніе все таки тоже будетъ шагомъ впередъ. Интересы германскаго и французскаго пролетаріата здѣсь другъ другу не противорѣчатъ, а совпадаютъ.

*) См. патетическую статью Ю. Гарденина «Нежданное откровеніе» въ № 13 газеты «Мысль». Въ этой же статьѣ Марксъ обвиняется въ двойной бухгалтеріи за то, что высказавъ въ интимномъ письмѣ мысль о томъ, что война можетъ перенести центръ тяжести рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію, онъ потомъ въ интимномъ-же письмѣ досадуетъ по поводу того, что Брауншвейгскій Комитетъ *опубликовалъ* эти его слова. Изумительное откровеніе сдѣлалъ Гарденинъ! Марксъ былъ *совершенно правъ*, когда думалъ, что печатать это предсказаніе въ моментъ войны, въ моментъ разгрома Франціи и разгула шовинизма нетактично—ибо можетъ задѣть національное самолюбіе, можетъ быть злостно использовано шовинистами. Спрашивается—гдѣ тутъ двойная бухгалтерія? Кажется, совсѣмъ не у Маркса.

Спрашивается: правъ былъ Марксъ въ своей конкретной оцѣнкѣ данной обстановки, или нѣтъ? Съ нимъ можно спорить по существу, можно выдвигать другой прогнозъ, другую схему взглядовъ. Но при чемъ тутъ обвиненіе въ шовинизмѣ? Гдѣ и когда превозносилъ онъ нѣмецкій фатерландъ, гдѣ высказывался онъ за отторженія отъ Франціи въ пользу Пруссіи, гдѣ сѣялъ онъ ненависть къ французамъ, какъ таковымъ, гдѣ проповѣдывалъ онъ «гражданскій миръ» въ собственномъ отечествѣ?? Вѣдь только въ этомъ случаѣ Марксъ былъ бы похожъ на Зюдекума. Въ одномъ томъ обстоятельствѣ, что Марксъ находилъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ пролетаріата пораженіе бонапартовской Франціи, еще не содержится никакого шовинизма.

До Седана не только Марксъ, но и многіе *французскіе* соціалисты стояли за пораженіе Франціи, т. е. пораженіе Наполеона III. «Если-бы — писалъ Эрве — императорская армія не потерпѣла пораженія въ Метцѣ и при Седанѣ, а побѣдоносно вошла бы въ Берлинъ, то большинство того народа, который нѣкогда сдѣлалъ великую революцію, лежало бы теперь у ногъ наслѣдниковъ Наполеона III» [1]). И Эрве былъ въ этомъ отношеніи правъ. Безъ пораженія Франціи въ 1870 г., французскій народъ не могъ свергнуть Луи Наполеона.

Марксъ разсуждалъ не какъ «нѣмецкій» соціалистъ. Онъ, по словамъ Лассаля, всегда говорилъ о себѣ, какъ о «гражданинѣ міра». И въ данномъ случаѣ онъ выступалъ въ такомъ же качествѣ. Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ не разъ высказывались даже за наступательную войну противъ старой Россіи. Извѣстно, что соціалисты всего міра желали пораженія царской Россіи во время, напр., русско-японской войны. Что же, развѣ и здѣсь мы имѣли дѣло съ анти-русскимъ шовинизмомъ, который можно сравнивать, напр., съ лицемѣрной «борьбой» нынѣшнихъ Зюдекумовъ «противъ русскаго царизма»?..

Марксъ и Энгельсъ одинаково ненавидятъ и бонапартизмъ и юнкерскій режимъ Бисмарка.—«Марсельеза изъ устъ Терезіи— вотъ картина воплощеннаго бонапартизма. Тьфу, мерзость!»— пишетъ Энгельсъ 28 іюля.—«Jesus meine Zuversicht» изъ устъ Вильгельма I съ Бисмаркомъ по правую и Штиберомъ по лѣвую руку—это *нѣмецкая* марсельеза»—отвѣчаетъ ему Марксъ 28 іюля.

Въ томъ же письмѣ Марксъ продолжаетъ:

«Нѣмецкій филистеръ, повидимому, прямо восхищенъ тѣмъ, что онъ можетъ теперь, не стѣсняясь, дать исходъ своему при-

---

[1]) Гюставъ Эрве (первой «манеры») «Leur Patrie», 78-79.

рожденному сервилизму. Кто бы предположилъ возможнымъ, чтобы черезъ 22 года послѣ 1848 г. національная война въ Германіи пріобрѣла *такое* теоретическое выраженіе!

«Къ счастію вся эта демонстрація исходитъ отъ средняго класса. Рабочій классъ, за исключеніемъ прямыхъ сторонниковъ Швейцера, не принимаетъ въ этомъ никакого участія. Къ счастью классовая война въ обѣихъ странахъ и во Франціи, и въ Германіи— уже настолько развилась, что никакая внѣшняя война не можетъ серьезно повернуть назадъ колесо исторіи.» [1])

Подчеркнутыя нами слова изъ одного изъ первыхъ же писемъ Маркса по поводу войны имѣютъ первостепенное значеніе. «Патріотическую» позицію, которую можно сравнивать съ нынѣшней позиціей зюдекумовскаго большинства германской с. д. партіи, тогда занималъ, какъ мы уже показали, Швейцеръ. Марксъ рѣшительно отрекается отъ этой позиціи. Онъ говоритъ, что *«къ счастью»*, кромѣ сторонниковъ Швейцера, рабочіе по пути «патріотизма» не пошли. (Этимъ самымъ, въ скобкахъ сказать, онъ опять таки высказалъ свое несогласіе и съ брауншвейгцами, ибо эти послѣдніе по сути дѣла были *въ первую стадію войны* очень близки къ позиціи Швейцера).

Марксъ далѣе говоритъ, что «къ счастью» классовая борьба въ обѣихъ воюющихъ странахъ достаточно развилась, чтобы никакая внѣшняя война, т. е. никакой шовинизмъ, никакой «гражданскій миръ» съ буржуазіей своей страны не могъ ее задержать. Этимъ самымъ онъ зоветъ рабочихъ обѣихъ странъ *продолжать* классовую борьбу, т. е. итти *противъ* шовинизма, оставаться на почвѣ интернаціональной классовой солидарности. А «критики» Маркса рѣшаются выступать съ «неожиданными откровеніями» насчетъ того, что Марксъ и Зюдекумъ едино суть!

Публикуя свое «откровеніе», Гарденинъ самъ замѣчаетъ: «Подобныя положенія, я знаю, покажутся на первый взглядъ совершенно невѣроятными. Я бы даже не удивился, если бы ихъ объявили *злостной клеветой* на первооснователей «научнаго» соціализма»... Вѣщее сердце Гарденина не обмануло его. Клевета въ самомъ дѣлѣ должна быть объявлена клеветой... Извращать позицію Маркса—дѣло довольно привычное для нѣкоторыхъ «критиковъ». Къ тому же теперь соблазнъ особенно великъ. Сумятица—большая, кризисъ—генеральный, броженіе умовъ—всеобщее, справедливое негодованіе противъ германскихъ с. д., предавшихъ знамя марксизма, велико. Ну, какъ же тутъ не попытаться старому «лѣвонароднику» изобразить дѣло такъ, будто

---

[1]) Briefwechsel, IV, 301.

германская соціалъ-демократія пошла по дорогѣ Зюдекума вовсе не потому, что она *предала* знамя Маркса и Энгельса, а *именно потому*, что она свято блюдетъ вѣрность этому знамени? Въ теченіе десятилѣтій эти «критики» сами только и дѣлали, что пережевывали мудрость германскихъ ревизіонистовъ—и въ области философіи, и въ аграрномъ вопросѣ, и въ тактикѣ, и въ «пересмотрѣ» марксизма вообще. А теперь, когда ихъ же учителя, ревизіонисты, со всего размаха шлепнулись въ буржуазную лужу, прыткіе ученики Давида и Бернштейна спѣшатъ представить дѣло такъ, что это провалился вовсе не ревизіонизмъ, а именно марксизмъ. Ю. Гарденинъ полагаетъ при этомъ, что, объявляя Маркса и Энгельса прусскими «патріотами» и тайными бисмаркіанцами, онъ, по крайней мѣрѣ, въ этой выдумкѣ оригиналенъ. Онъ ошибается. Это обвиненіе противъ основоположниковъ научнаго соціализма, по крайней мѣрѣ, цѣлыхъ 40—45 лѣтъ тому назадъ было очень популярнымъ среди *самыхъ вульгарныхъ анархистовъ*, «доказавшихъ», какъ дважды два, что Марксъ въ сущности и весь 1-ый Интернаціоналъ превратилъ въ орудіе Бисмарка...

Еще переписка Маркса съ Энгельсомъ. Нѣчто о Плехановѣ, бисмаркизмѣ и „реакціонизмѣ“.

31-го іюля 1870 г. Энгельсъ пишетъ Марксу:

«Для насъ становится все скандальнѣе (blamabler) вести войну подъ Вильгельмомъ. Но это отлично, что онъ дѣлаетъ себя столь чудовищно смѣшнымъ съ его божественной миссіей и его Штиберомъ, безъ котораго оказывается никакъ невозможно осуществить нѣмецкое единство... Адресъ Интернаціонала (рѣчь идетъ о первомъ обращеніи Генеральнаго Совѣта, съ которымъ мы познакомились выше. Г. З.) покажетъ публикѣ всѣхъ классовъ, что нынѣ только рабочіе имѣютъ дѣйствительную иностранную политику.»

А Марксъ въ письмѣ отъ 1-го августа замѣчаетъ:

«Здѣшняя (т. е. Лондонская) олигархія желаетъ, чтобы Англія вступила въ войну *за Пруссію*.

«Послѣ того, какъ въ теченіе 18 лѣтъ она ползала на брюхѣ передъ Бонапартомъ и окончательно использовала его, какъ спасателя ренты и профита,—эти господа надѣются теперь, въ лицѣ солидной и богобоязненной монархической Пруссіи, найти себѣ болѣе респектабельнаго и болѣе надежнаго континентальнаго полицейскаго. Но пусть эти субъекты поостерегутся. Здѣсь

(въ Лондонѣ) среди народа сталъ уже всеобщимъ пароль: проклятая германская династія! Она хочетъ изъ своихъ семейныхъ интересовъ запутать насъ въ континентальную войну!.. Бисмаркъ порядочно израсходовался на подкупъ англійской прессы» [1]).

Неправда ли, какіе «патріоты», какіе горячіе бисмаркіанцы были люди, обмѣнивавшіеся такими письмами въ разгарѣ войны? Какое мѣткое откровеніе сдѣлалъ почтенный Гарденинъ! Зюдекумъ во время войны 1914—1916 ѣдетъ въ качествѣ правительственнаго агента въ Италію и Румынію, чтобы черезъ рабочихъ добиться ихъ дружественнаго нейтралитета въ пользу Германіи. А Марксъ въ войну 1870 г. съ негодованіемъ говоритъ объ англійской олигархіи, желающей вовлечь Англію въ войну *за Пруссію.* Марксъ грозитъ за это олигархамъ возмущеніемъ англійскаго народа. Ну, кому же неясно послѣ этого, что Зюдекумъ дѣйствуетъ, какъ вѣрнѣйшій ученикъ Маркса? О, прозорливые «критики!»..

Въ письмѣ отъ 8-го августа, послѣ первыхъ побѣдъ Пруссіи Марксъ пишетъ Энгельсу:

«Имперія стала фактомъ, т.е.—Германская имперія. Такъ или иначе, не тѣмъ путемъ, который представлялся, не тѣмъ способомъ, который мыслился, но кажется, что всѣ перипетіи со времени 2-ой Имперіи привели къ тому, что «національныя» задачи 1848 года выполнены—Венгрія, Италія, Германія! Мнѣ кажется, что движенія этого рода будутъ окончательно завершены лишь тогда, когда дѣло дойдетъ до столкновенія между пруссаками и русскими. Такое столкновеніе вовсе не невѣроятно..

«Что меня въ настоящій моментъ мучаетъ, такъ это положеніе дѣлъ въ самой Франціи. Ближайшее большое сраженіе едва ли можетъ кончиться иначе, какъ противъ французовъ. А тогда? Если побитая армія подъ руководствомъ Bustrapa (Наполеона) бросится въ Парижъ, тогда дѣло кончится миромъ унизительнымъ для Франціи, быть можетъ, реставраціей Орлеановъ. А если въ Парижѣ начнется революція, то вопросъ будутъ ли у нея средства и руководители, чтобы оказать серьезное сопротивленіе пруссакамъ? Нельзя скрывать отъ себя, что 20-лѣтній бонапартистскій фарсъ внесъ изрядную деморализацію. Едва ли есть право разсчитывать на революціонный героизмъ. Что думаешь ты объ этомъ?»

— Опять таки какъ все это похоже на прусскій патріотизмъ, неправда ли?. Марксъ боится реставраціи во Франціи. Марксъ съ трепетомъ ждетъ французской революціи, низвергающей

---

[1]) Ibid. 305, 306 .

Имперію. Его «мучаетъ» лишь одинъ вопросъ—хватитъ ли у революціонной Франціи силъ и умѣнья отразить господъ пруссаковъ, не слишкомъ ли далеко зашла бонапартистская деморализація, какъ бы она не помѣшала вообще революціонному перевороту во Франціи.

Энгельсъ отвѣчаетъ въ письмѣ отъ 10 августа:

«Я полагаю, что безъ арміи орлеанисты не будутъ достаточно сильны, чтобы сейчасъ же рискнуть на реставрацію...

«Я думаю, что по отношенію къ республикѣ пруссаки удовольствуются заключеніемъ въ общемъ почетнаго мира. Едва ли имъ будетъ улыбаться вызвать призраки 1793 и 1794 годовъ... Нѣкоторую толику территоріи Франціи вѣроятно придется потерять. Ну, а для того, чтобы повторился подъемъ 1793 года и повторился бы съ успѣхомъ для этого нужно, чтобы и врагъ былъ таковъ же, какъ въ 1793 году...

«Я предполагаю кромѣ того, что пруссаки вели уже тайные переговоры съ Орлеанами» и т. д.

Оптимизмъ Энгельса насчетъ того, что съ республикой пруссаки заключатъ болѣе или менѣе пріемлемый для Франціи миръ, не оправдался. Но только... «критическое» перо Ю. Гарденина*) могло рискнуть, на основаніи приведенныхъ строкъ, заключить о шовинизмѣ Ф. Энгельса и о томъ, что, когда онъ говорилъ: небольшую часть территоріи Франція должна будетъ уступить—онъ будто бы благословлялъ аннексію Эльзаса-Лотарингіи.

Наиболѣе полно взгляды Энгельса на войну 1870—71 изложены въ его письмѣ отъ 15 августа. Мы приведемъ всѣ важнѣйшія мѣста его, несмотря на то, что это потребуетъ много мѣста.

«Мнѣ дѣло представляется въ слѣдующемъ свѣтѣ: Германія вовлечена господиномъ Баденгэ (насмѣшливое прозвище Наполеона 3) въ войну за свое національное существованіе. Если она потерпитъ пораженіе въ борьбѣ съ Баденгэ, бонапартизмъ укрѣпится на много лѣтъ, а Германія на долгіе годы, быть можетъ, на поколѣнія—погибла (kaputt). О самостоятельномъ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи тогда не можетъ быть и рѣчи. Борьба за установленіе національнаго единства поглотитъ все вниманіе. И въ лучшемъ случаѣ нѣмецкіе рабочіе потянутся въ хвостѣ французскихъ. А если побѣдитъ Германія, французскому бонапартизму во всякомъ случаѣ крышка. Вѣчная возня съ вопросомъ о германскомъ единствѣ, наконецъ, будетъ устранена, германскіе рабочіе могутъ организоваться въ совершенно иномъ національномъ масштабѣ, чѣмъ до сихъ поръ. А французскіе рабочіе,

*) См. его статью «Интернаціонализмъ на ущербѣ» «Мысль» № 50.

какое бы правительство ни смѣнило тамъ Имперію, навѣрное будутъ имѣть больше свободы, чѣмъ при бонапартизмѣ... мнѣ кажется, при такихъ условіяхъ невозможна нѣмецкая политическая партія, которая на манеръ Вильгельма (Либкнехта) проповѣдывала бы политику полной обструкціи и ставила бы всевозможныя второстепенныя соображенія выше главныхъ...

«Что эта война—теперь идутъ второстепенныя соображенія—ведется подъ командой Леманна, Бисмарка и К⁰ и въ случаѣ побѣды послужитъ имъ къ минутной славѣ, этимъ мы обязаны дряблости нѣмецкой буржуазіи. Это, конечно, очень противно, но этого не измѣнишь. По этой причинѣ сдѣлать антибисмаркизмъ своимъ единственнымъ руководящимъ принципомъ было бы абсурдно... Вообще желать à la Либкнехтъ сдѣлать не бывшей rückgängig machen) всю исторію 1866 года, только потому что она ему не нравится—нелѣпость.

«Я полагаю, они (нѣмецкіе с. д. могутъ):

1. Присоединиться къ національному движенію... поскольку и пока оно ограничивается обороной Германіи (что при извѣстныхъ обстоятельствахъ не исключаетъ наступленія до заключенія мира);

2. При этомъ подчеркивать разницу между нѣмецко-національными и прусскими династическими интересами.

3. Бороться противъ какой бы то ни было аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи.

4. Какъ только въ Парижѣ у власти станетъ республиканское, не шовинистское правительство,—требовать почетнаго мира съ нимъ.

5. Постоянно выдвигать единство интересовъ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ, которые войны не одобрили и которые другъ съ другомъ и не воюютъ.

6. Указывать на угрозу со стороны Россіи, какъ въ адресѣ Интернаціонала...»

И въ этомъ же письмѣ Энгельсъ прибавляетъ: «ты (т. е. Марксъ) тоже на сторонѣ Вильгельма» (Либкнехта)! [1])

Вокругъ да около этого письма особенно усердно ходятъ литературные мародеры соціалъ-шовинистской марки. Каждому изъ нихъ хочется поэксплуатировать авторитетъ Энгельса и доказать, будто они теперь разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ онъ...

Но раньше чѣмъ перейти къ разбору тѣхъ паралелей, которыя пытаются проводить указанные мародеры, ознакомимся еще

---

[1]) Briefwechsel, т. IV, 319, 320.

съ отвѣтомъ Маркса на приведенное письмо Энгельса. Марксъ пишетъ въ письмѣ отъ 17 августа:

«Либкнехтъ заключаетъ о своемъ единомысліи со мной:

1) изъ адреса Интернаціонала

2) изъ того, что я одобрилъ *) его и Бебеля заявленіе въ рейхстагѣ.

«Это былъ моментъ, когда погоня за чистотой принципъ въ (Prinzipienreiterei) была актомъ мужества—изъ чего вовсе не вытекаетъ, что этотъ моментъ продолжается, а еще меньше,—что позиція нѣмецкаго пролетаріата въ войнѣ, которая стала національной, должна исчерпываться антипатіей Вильгельма (Либкнехта) къ пруссакамъ. Это было бы равносильно тому, какъ, если бы мы на основаніи того, что мы своевременно подняли голосъ противъ «бонапартистскаго» освобожденія Италіи—захотѣли бы не считаться съ той относительной независимостью, которую Италія получила въ результатѣ этой войны.

«Аппетиты къ захвату Эльзаса-Лотарингіи, повидимому, особенно сильны въ двухъ кругахъ—среди прусской камарильи и въ средѣ южногерманскаго пивного патріотизма. Это (т. е. аннексія Э.-Л.) было бы величайшимъ несчастіемъ для Европы и въ особенности—для Германіи. Ты, вѣроятно, уже знаешь, что большинство русскихъ газетъ говорятъ уже о необходимости интервенціи со стороны европейской дипломатіи, въ цѣляхъ удержанія европейскаго равновѣсія.

«Кугельманъ смѣшиваетъ оборонительную войну съ оборонительными военными операціями. Выходитъ, если кто-нибудь напалъ на меня на улицѣ, я долженъ только парировать его удары, и не имѣю права расправиться съ нимъ—ибо иначе я попаду въ положеніе *нападающаго!* Недостатокъ діалектики сквозитъ изъ каждаго слова этихъ людей». **)

Таковы эти два письма.

Марксъ и Энгельсъ продолжаютъ считать непосредственно нападавшей стороной Францію (Германія вовлечена въ войну г-номъ Баденгэ—пишетъ Энгельсъ). Это мнѣніе дѣлили съ ними тогда не только всѣ нѣмецкіе, но и многіе французскіе соціалисты. Оно коренилось во всей той совокупности обстоятельствъ,

---

*) Марксъ прямо говоритъ что онъ *одобрилъ* заявленіе Бебеля и Либкнехта, а, значитъ, и ихъ голосованіе. Это разъ на всегда рѣшаетъ вопросъ о томъ — на чьей сторонѣ былъ Марксъ: на сторонѣ брауншвейгцевъ, или на сторонѣ Либкнехта-Бебеля. Споръ между тѣми и другими возгорѣлся вѣдь именно изъ-за заявленія Либкнехта-Бебеля въ засѣданіи рейхстага.

**) Briefwechsel, т. IV, 322, 323.

на которую мы уже указывали выше. Но оно не отразилось сколько нибудь рѣшающимъ образомъ на всей позиціи ихъ въ отношеніи войны.

Отказъ Либкнехта-Бебеля голосовать за военные кредиты Марксъ прямо и категорически *одобряетъ* (ich habe seine und Bebels Erklärung im Reichstag gebilligt). Что касается до дальнѣйшихъ голосованій при повторныхъ обсужденіяхъ военныхъ кредитовъ въ рейхстагѣ, то, разумѣется, Марксъ и Энгельсъ безусловно настаиваютъ на голосованіи *противъ*. (Въ это время даже Швейцеръ голосовалъ уже противъ). Побѣда Пруссіи несомнѣнна. Въ порядокъ дня ставится аннексія Эльзасъ-Лотарингіи—аннексія, которую и Марксъ съ Энгельсомъ считаютъ величайшимъ несчастіемъ для всей Европы и для Германіи въ особенности.

Въ чемъ-же были дѣйствительныя расхожденія Маркса—Энгельса съ Либкнехтомъ?

Марксъ и, въ особенности, Энгельсъ возставали противъ В. Либкнехта, когда онъ въ своей политической агитаціи и въ борьбѣ противъ Швейцера сбивался на то, чтобы *исключительнымъ* лозунгомъ объявить «антибисмаркизмъ». Въ этомъ они были совершенно правы и неправъ былъ Либкнехтъ, когда онъ не желалъ считаться съ тѣмъ *фактомъ*, что война 1866 г. рѣшила вопросъ противъ Австріи, когда онъ въ своей оппозиціи Бисмарку продолжалъ впадать въ австрофильство и въ сантиментальное сочувствіе мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ. Но во время войны 1870—71 г. Либкнехтъ грѣшилъ этимъ гораздо меньше, нежели въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ. Недаромъ въ это время Марксъ иногда бралъ его подъ свою защиту противъ Энгельса.

Во время войны 1870—71 г. Либкнехтъ, какъ намъ кажется, *меньше всего* былъ виновенъ въ этомъ грѣхѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ его отвѣтственныя выступленія (всегда вмѣстѣ съ Бебелемъ) были свободны отъ этой однобокости. И всѣ критики Либкнехта—въ томъ числѣ Марксъ и Энгельсъ—относительно этой эпохи не приводятъ *конкретныхъ* указаній на уклоненія Либкнехта, если не считать пары неудачныхъ, черезчуръ упрощающихъ вопросъ, замѣтокъ въ Volksstaat'ѣ. Откуда-же недовольство Энгельса «антибисмаркизмомъ» Либкнехта?—Оно датируетъ *отъ прежнихъ временъ*—напр., отъ извѣстной рѣчи (напечатанной брошюрой) Либкнехта въ 1869 году—«О политической позиціи соціалъ-демократіи, въ особенности по отношенію къ рейхстагу». Эта брошюра, какъ извѣстно, была впослѣдствіи много использована анархистами, и Либкнехтъ самъ счелъ

нужнымъ отказаться отъ многихъ преувеличеній, которыя онъ тамъ допустилъ. Либкнехтъ сбивался на бойкотистское отношеніе къ Сѣверо-германскому рейхстагу. Онъ какъ-бы предлагалъ считать его не существующимъ—такъ-же, какъ и всѣ событія 1866 года. Въ этомъ вопросѣ Либкнехтъ часто выступалъ, какъ соціалистъ чувства.

Отзвуковъ этого настроенія и боялись Марксъ съ Энгельсомъ въ 1870 году. И это приводитъ Энгельса къ тому, что онъ черезчуръ преувеличиваетъ опасность со стороны «антибисмаркизма» и иногда выражается на этотъ счетъ черезчуръ сильно. Когда Марксъ и Энгельсъ говорили, что война 1870 года стала «національной», что нельзя ограничиваться голымъ нейтралитетомъ,—они имѣли въ виду не то, чтобы рабочіе с.-д. должны были стать «патріотами» или отказаться отъ классовой борьбы. Они хотѣли одного: чтобы рабочимъ разъяснялось подлинное значеніе этой войны, чтобы рабочіе знали, что война эта *можетъ* принести съ собой германское объединеніе. Марксъ и Энгельсъ хотѣли, чтобы агитація германскихъ с.-д. по поводу войны была одинаково далека и отъ вульгарнаго швейцеровскаго бисмаркизма, и отъ упрощеннаго однобокаго «антибисмаркизма», сѣющаго невѣрное представленіе, будто бисмарковское рѣшеніе національнаго вопроса невозможно, совершенно исключено.

За замѣчаніе Энгельса объ «анти-бисмаркизмѣ» съ радостью ухватился одинъ изъ самыхъ маститыхъ россійскихъ представителей «новаго» курса—Г. В. Плехановъ. Изъ этого замѣчанія онъ ухитряется сдѣлать выводъ въ пользу того, что русскіе соціалисты не должны «увлекаться» анти-реакціонизмомъ. Нѣкоторые наши товарищи—упрекаетъ насъ Г. В. Плехановъ—дѣлаютъ теперь единственный руководящій принципъ изъ анти-реакціонизма. (Т. е.—изъ анти-царизма *).

Плехановъ упустилъ изъ виду одну «мелочь». По законамъ алгебры—а=в только въ томъ случаѣ, если а=в (минусъ а=минусъ в, если а=в). Иными словами, анти-бисмаркизмъ въ Германіи былъ бы равенъ анти-реакціонизму въ Россіи лишь въ томъ случаѣ *если бы нашъ «реакціонизмъ» равнялся бисмаркизму.* Утверждаетъ ли послѣднее Г. В. Плехановъ? Пусть скажетъ онъ это открыто и ясно!

Въ письмѣ отъ 15 августа 1870 года Энгельсъ говорилъ, что «Бисмаркъ выполняетъ теперь, какъ и въ 1866 году, часть нашей работы—на свой манеръ, нехотя, но выполняетъ». И это было совершенно вѣрно. Но скажетъ ли Плехановъ, что русскій «реак-

*) О Войнѣ, стр. 27.

ціонизмъ» въ 1914—16 г. г. тоже выполняетъ часть нашей работы? Если да, то какой именно нашей работы? Или «намъ» въ самомъ дѣлѣ нужна программа Бобринскаго и Струве относительно Галиціи? Или въ «нашихъ» интересахъ имперіалистская политика «реакціонизма»??

Бисмаркъ въ 1870—71 г.г. «нехотя» помогъ свергнуть вторую имперію. Бисмаркъ въ 1870—71 г.г. «на свой манеръ», но завершилъ національное объединеніе Германіи. А русскій царизмъ???

Не ясно ли, что возставая противъ анти-царистовъ, Г. Плехановъ *выдаетъ пропускную царистамъ*, льетъ воду на мельницу царизма?... Всякому вольно заниматься симъ почтеннымъ дѣломъ, но только ужъ Маркса съ Энгельсомъ при этой оказіи надо оставить въ покоѣ.

И еще разъ переписка Маркса съ Энгельсомъ. Свидѣтельскія показанія Вальяна и Лафарга.

Дальнѣйшія письма Маркса и Энгельса даютъ лишь нѣкоторые дополнительные штрихи для обрисовки ихъ позиціи въ войнѣ 1870—71 г.

20 августа Энгельсъ пишетъ:

— «Я думаю, аннексія теперь рѣшенное дѣло. Если бы еще на прошлой недѣлѣ образовалось революціонное правительство можно было бы кое что спасти. Теперь уже поздно... Аннексія— громадное зло, но оно кажется мнѣ неизбѣжнымъ. Если бы Германія была такой страной, какъ Франція, можно было бы еще какъ нибудь извинить это». *)

2 сентября Марксъ пишетъ на ту же тему:

— «Пруссаки могли бы изъ своей собственной исторіи научиться, что постояннаго покоя со стороны побѣжденнаго противника нельзя добиться путемъ раздробленія. Вѣдь даже послѣ потери Эльзаса и Лотарингіи Франція еще далеко не попадаетъ въ такое трудное положеніе, какъ Пруссія послѣ той лошадиной дозы, которую закатилъ ей Наполеонъ въ Тильзитѣ. И что же, помогло это Наполеону 1..?

«Я не думаю, чтобы Россія уже въ настоящую войну вмѣшалась *активно*. Думаю, что она не готова для этого. Но это въ буквальномъ смыслѣ слова мастерскій дипломатическій ходъ со стороны Россіи уже сейчасъ явить себя спасителемъ Франціи.

*) Ibid, 324.
**) Ibid, 327.

7 сентября Энгельсъ замѣчаетъ:

— «Побѣды шовинизма, на которыя нѣмецкое филистерство не надѣялось, которыхъ оно не заслужило, отчаянно вскружили ему голову. Давно пора противъ этого что нибудь предпринять».

12 сентября тотъ же Энгельсъ пишетъ:

— «Это было бы ужасно, если бы нѣмецкимъ арміямъ въ заключеніе войны и пришлось вступить въ баррикадную борьбу съ парижскими рабочими. Это отбросило бы насъ на 50 лѣтъ назадъ».

14 сентября Марксъ пишетъ:

— «При всемъ томъ Бисмаркъ—оселъ. Ему удавалось все пока онъ былъ орудіемъ нѣмецкихъ стремленій къ единству. И онъ потерялъ голову настолько, что теперь безъ зазрѣнія совѣсти считаетъ возможнымъ вести специфически-прусскую политику—не только въ области внѣшнихъ, но и въ области внутреннихъ отношеній». *)

Мы передали всю переписку Маркса и Энгельса, относящуюся къ войнѣ. Мы остановились на ней со всей подробностью потому, что она имѣетъ колоссальное историческое значеніе для уясненія взглядовъ основателей научнаго соціализма на задачи пролетаріата во внѣшней политикѣ.

Послѣ того, какъ читатель ознакомился съ подлинными взглядами Маркса и Энгельса, онъ, конечно, только улыбнется на обвиненіе г. Гарденина, будто «оппозиція ихъ (Маркса и Энгельса) отторженію Эльзаса-Лотарингіи была въ большой степени платонической и спокойной». Мы видѣли, какъ въ обоихъ обращеніяхъ Генеральнаго Совѣта Марксъ бичевалъ сторонниковъ аннексіи. Мы видѣли изъ частной переписки, что Марксъ и Энгельсъ считали аннексію *величайшимъ несчастіемъ для всей Европы и особенно для Германіи.* И мы еще увидимъ ниже, какимъ языкомъ говорилъ Энгельсъ объ этомъ актѣ брутальнаго насилія 17 лѣтъ послѣ аннексіи.

Потуги обанкротившихся анархистовъ, синдикалистовъ, ревизіонистовъ, «критиковъ», «поумнѣвшихъ» марксистовъ изобразить дѣло такъ, будто Марксъ и Энгельсъ въ 1870—71 г. г. въ сущности выступали, какъ заурядные соціалъ-шовинисты, лопаются, какъ мыльные пузыри, при первой провѣркѣ простыхъ фактовъ. Что Марксъ и Энгельсъ вели себя и въ 1870—71 годахъ, какъ самые послѣдовательные интернаціоналисты, видно, между прочимъ, и изъ того, какія чувства сохранили къ нимъ тогдашніе французскіе соціалисты. Статья, помѣщенная по этому поводу

*) Ibid, 338.

въ «L'Humanitе» отъ 14 декабря 1914 года покойнымъ Эдуардомъ Вальяномъ, есть въ этомъ отношенiи документъ громадной исторической важности. Вальянъ въ теченiе 1914—15 годовъ стоитъ во главѣ французскихъ соцiалъ-шовинистовъ. Онъ ненавидитъ все нѣмецкое со всѣмъ пыломъ души, какой только ему доступенъ. Нѣмецкихъ соцiалистовъ онъ готовъ обвинить въ самыхъ чудовищныхъ преступленiяхъ и во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, какъ дѣйствительно совершенныхъ ими, такъ и въ мнимыхъ. Въ антифранцузскомъ шовинизмѣ, въ недостаточно внимательномъ отношенiи къ французамъ онъ готовъ обвинить кого угодно. И вотъ этотъ Вальянъ, въ разгарѣ шовинистскихъ страстей, въ моментъ, когда онъ готовъ буквально проклинать все нѣмецкое, выступаетъ со статьей, въ которой онъ заявляетъ: единственные люди, которые остались на высотѣ интернацiонализма въ войну 1870—71 г.г, были—Марксъ и Энгельсъ. А вѣдь Вальянъ самъ пережилъ эту войну, былъ виднымъ и активнымъ участникомъ событiй, былъ тогда уже соцiалистомъ и вожакомъ рабочихъ, какъ до Коммуны, такъ и во время нея.

Документъ этотъ настолько краснорѣчивъ и цѣненъ, что мы перепечатываемъ его полностью. Для двухъ только нѣмцевъ у Вальяна сохранился «въ сердцѣ уголокъ». Онъ пишетъ:

— *«По поводу Карла Маркса.*

«Во время недавней поѣздки я случайно узналъ, что одинъ органъ печати обвинилъ Карла Маркса въ антифранцузскихъ чувствахъ. Это утвержденiе абсолютно не вѣрно. Вѣрно противоположное.

«Моего утвержденiя и моего точнаго свидѣтельскаго показанiя по этому поводу было бы достаточно. Но слѣдующiй фактъ будетъ еще болѣе убѣдителенъ для всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ, какая близость и единомыслiе во всемъ существовали между Марксомъ и Энгельсомъ.

«Будучи столь же стойкими республиканцами и соцiалистами, какъ и анти-имперiалистами, они вмѣстѣ съ республиканцами и соцiалистами всѣхъ странъ самымъ горячимъ образомъ желали побѣды французской республики надъ имперiалистскимъ милитаризмомъ Пруссiи—съ того самаго момента, когда 4 сентября провозглашена была республика.

«Энгельсъ очень много занимался военными науками и прiобрѣлъ истинную освѣдомленность въ этой сферѣ. Въ интимномъ кругу друзей его по этому поводу, шутя, называли «генераломъ».

«Составивши себѣ очень ясное мнѣнiе относительно военной ситуацiи и относительно тѣхъ шаговъ, которые онъ считалъ полезными для улучшенiя ея въ интересахъ французской респу-

блики,—онъ написалъ правительству Національной Обороны и предложилъ въ его распоряженіе свои военные совѣты.

«На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

Эд. Вальянъ». *)

Къ этому прибавимъ, что другой *французскій* соціалистъ *Поль Лафаргъ* задолго до войны 1914 года въ своихъ воспоминаніяхъ разсказалъ о томъ, что послѣ Седана у Энгельса было одно желаніе и одна надежда: торжество французской республики**).

Насколько велики были симпатіи Маркса къ республиканской Франціи, сбросившей со своей спины Луи Наполеона,—видно и изъ его переписки съ Кугельманомъ. Въ письмѣ отъ 13 декабря 1870 года Марксъ пишетъ Кугельману:

...—«Здѣсь въ Англіи общественное мнѣніе въ началѣ войны было ультра-прусскимъ, теперь-же оно стало совершенно противоположнымъ... Не говоря уже о рѣшительныхъ симпатіяхъ народныхъ массъ къ республикѣ и о неудовольствіи почтенныхъ господъ, вызванномъ яснымъ теперь, какъ день, союзомъ между Пруссіей и Россіей и безстыднымъ тономъ прусской дипломатіи со времени военныхъ успѣховъ,—самый способъ веденія войны—система реквизиціи, сжиганіе деревень, разстрѣлъ партизанскихъ отрядовъ, взятіе заложниковъ и подобныя повторенія эпизодовъ тридцатилѣтней войны—вызвалъ всеобщее негодованіе».

И Марксъ продолжаетъ:

— «Но мы еще посмотримъ, чѣмъ кончится дѣло... Во всѣхъ пунктахъ вызываются къ жизни оборонительныя силы, тогда какъ сила нападенія ослабляется.

Но какъ-бы война ни кончилась, *она научила французскій пролетаріатъ пользоваться оружіемъ, и въ этомъ наилучшая гарантія для будущаго****).

И еще 14 февраля 1871 г. Марксъ въ письмѣ къ тому-же Кугельману лелѣетъ надежду на то, что революціонная Франція возьметъ верхъ надъ бисмарковской Пруссіей.

---

*) «L, Humanité», Paris, 14 дек. 1914 г. Г. Ю. Гарденинъ безъ малѣйшей тѣни фактическихъ основаній объявляетъ этотъ разсказъ Вальяна—участника событій—«легендой». Разсказанное Вальяномъ портитъ Гарденину чертежи его собственной «легенды» объ анти-французскомъ шовинизмѣ Маркса и Энгельса. Этого достаточно, чтобы простымъ декретомъ онъ объявилъ лишеннымъ значенія свидѣтельское показаніе такого участника событій, какъ Эд. Вальянъ.

**) Neue Zeit» XXIII, 2 с. 561.

***) Письма Маркса къ Кугельману, русск. изд. стр. 86, 87.

— «Если—пишетъ онъ—Францiя не упадетъ духомъ, используетъ перемирiе для реорганизацiи своей армiи, и, наконецъ, придастъ войнѣ—*дѣйствительно революцiонный характеръ*—а лукавый Бисмаркъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы придать ей такой характеръ—то новой нѣмецко-прусской имперiи еще могутъ быть нанесены совершенно неожиданные удары» *).

Съ самаго начала войны Марксъ оцѣниваетъ событiя не съ «нѣмецкой» точки зрѣнiя, а только подъ угломъ зрѣнiя *международныхъ* интересовъ пролетарiата—между прочимъ, и подъ угломъ зрѣнiя революцiи въ Россiи.

Въ письмѣ, напр., къ Зорге отъ 1 сентября 1870 г. Марксъ говоритъ:

— «Нынѣшняя война—чего не видятъ прусскiе ослы—ведетъ къ войнѣ Германiи съ Россiей, **) столь-же неизбѣжно, какъ война 1866 года привела къ войнѣ Пруссiи съ Францiей. И это—*лучшiй результатъ*, котораго я отъ нея ожидаю. Специфическое «пруссачество» никогда не существовало и не можетъ существовать иначе, какъ въ союзѣ съ Россiей и въ подданствѣ ей. Кромѣ того, та война № 2 станетъ повивальной бабкой неизбѣжной соцiальной революцiи въ Россiи». ***)

Попутно отмѣтимъ, что даже изъ этихъ словъ Маркса нѣмецкiе мародеры ухитряются сдѣлать выводъ въ пользу своей нынѣшней «патрiотической» позицiи. Марксъ, видите-ли, предсказы-

---

*) Ibid. 92.

**) Великiй русскiй поэтъ Н. А. Некрасовъ писалъ въ то время:

«Страшный годъ! Газетное витiйство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убiйства,
Вы въ конецъ измучили меня.

О любовь!—гдѣ всѣ твои усилья
Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ.

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мiрѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

(«Страшный Годъ» 1870).

Что франко-прусская война чревата новыми войнами, что она несетъ съ собой «сѣмена раздора и войны» для «внуковъ»—это понимали не только великiе соцiалисты, это понялъ и нашъ русскiй народный поэтъ.

***) Письма къ Зорге, нѣмецкое изд., стр. 17.

валъ войну Германіи съ Россіей и ждалъ отъ нея революціонныхъ результатовъ. Теперь война эта наступила и германская соціалъ-демократія перебѣжала на сторону прусской контръ-революціи. Такъ вотъ, не ясно-ли, что, борясь рука объ руку съ прусскими имперіалистами противъ «русскаго варварства», нѣмецкіе соціалъ-шовинисты выполняютъ духовное завѣщаніе Карла Маркса?! Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ вліятельнѣйшій органъ «марксистскаго» соціалъ-шовинизма въ Германіи «Hamburger Echo». Въ статьѣ «Марксизмъ и война» небезызвѣстный Максъ Грюнвальдъ съ самымъ серьезнымъ видомъ утверждаетъ, что вышеприведенныя слова Маркса въ письмѣ къ Зорге оффиціальная германская соціалъ-демократія «могла-бы взять въ качествѣ мотто для обоснованія всего ея поведенія въ нынѣшней войнѣ».[1])

Поистинѣ, бумага все терпитъ! По поводу такихъ горе-«марксистовъ» Марксъ несомнѣнно вновь сказалъ-бы, что, если это марксизмъ, то онъ не марксистъ...

Фр. Энгельсъ объ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи. Оправдавшіяся предсказанія Энгельса.

Необычайную широту взглядовъ на міровое положеніе проявилъ и Фр. Энгельсъ. Мы имѣемъ въ виду особенно три его замѣчательныхъ работы болѣе поздняго времени: 1) незаконченный крупный трудъ, написанный въ 1888 году и напечатанный въ 1896 году серіей статей (5 большихъ статей) въ «Neue Zeit» подъ заглавіемъ «Gew. lt und Qek n mie bei Herstellung des neu n deutschen Reiches»; къ сожалѣнію, онъ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не переведенъ на русскій языкъ; 2) его статью «Der Sozialismus in Deutschland», напечатанную въ 1891 году; 3) его извѣстную статью «Внѣшняя политика Россіи (русскаго царизма), написанную въ 1890 году. Обѣ послѣднихъ статьи писаны приблизительно въ одно и то же время.

Съ какой горечью говоритъ Энгельсъ еще въ 1888 году объ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи:

—...«Онѣмечить родину марсельезы, Страсбургъ, это было такъ-же противно здравому смыслу, какъ офранцузить Ниццу, родину Гарибальди... Посредствомъ голаго насилія осуществлено

[1] «Hamburger Echo» № 302, 29 дек. 1914 г.

замышленное. Это было видомъ мести французской революціи. Пруссія оторвала отъ Франціи какъ разъ кусокъ той территоріи, которую революція сплавила воедино съ Франціей.

«Естественный союзъ (Франціи) противъ Германіи—Россія. Разъ обѣ величайшихъ и сильнѣйшихъ націи Запада, ввиду постоянной вражды, взаимно нейтрализуются... то выигрываетъ отъ этого только Россія... И если, несмотря на это, миръ всетаки продолжается вотъ уже 17 лѣтъ, то это объясняется только тѣмъ, что введенная во Франціи и Россіи система ландвера требуетъ по меньшей мѣрѣ 16-ти, а послѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ усовершенствованій—25-ти лѣтъ, пока онѣ будутъ въ состояніи поставить должный контингентъ войска». [1])

Возвращаясь еще и еще разъ къ проблемѣ Эльзасъ-Лотарингіи, занявшей центральное мѣсто въ міровой политикѣ послѣ 1870 года, Энгельсъ спрашиваетъ:

— «И что-же, можетъ быть, со времени 1871 года присоединеніе къ Германіи стало болѣе пріемлемымъ въ глазахъ эльзасцевъ? Напротивъ! Ихъ поставили подъ диктатуру, между тѣмъ какъ рядомъ во Франціи мы видимъ республику... Если эльзасцы таковы, какими мы ихъ видимъ, имѣемъ-ли мы право негодовать по этому поводу? Ни въ какомъ случаѣ! Ихъ недовольство аннексіей есть историческій фактъ, котораго нельзя игнорировать, а который надо объяснить. И тутъ мы должны спросить себя: какъ много и какіе колоссальные историческіе грѣхи должна была совершить Германія, чтобы сталъ возможенъ такой образъ мыслей въ Эльзасѣ? И насколько должна «выдѣляться» наша Германія между всѣми другими государствами, чтобы послѣ 17 лѣтнихъ стараній вновь онѣмечить Эльзасъ мы должны были выслушать единодушный отвѣтъ: пощадите, избавьте насъ отъ этого? Имѣемъ-ли мы право воображать себѣ, что двухъ счастливыхъ военныхъ походовъ да 17 лѣтъ бисмарковской диктатуры достаточно, чтобы погасить результаты 300-лѣтней исторіи полной позора?.. **)

Какой благородной страстью, какимъ сознаніемъ революціоннаго долга звучатъ эти слова Энгельса! И жалкіе соціалъ-шовинистскіе пигмеи современности имѣютъ... мужество сравнивать свои нынѣшнія «патріотическія» разглагольствованія съ тѣмъ, что говорилъ соратникъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ... И нынѣшняя оффиціальная германская с.-дія, считающая «преступленіемъ» одно допущеніе мысли о самоопредѣленіи

---

[1]) «Gewalt und oekonomie», N. Z. 1896, I, стр. 774, 775.
[2]) Ibid. 776.

Эльзаса-Лотарингіи, будетъ сравнивать свою политику съ политикой Энгельса!..

Особенно усердно и особенно... безсовѣстно эксплуатируютъ господа нѣмецкіе соціалъ-шовинисты статью Энегельса «Der Sozialismus in Deutschland». Въ этой статьѣ Энгельсъ выступаетъ горячимъ проповѣдникомъ *революціонной* войны Германіи противъ Россіи, т. е. противъ русскаго «реакціонизма». Эту идею, какъ мы видѣли, Марксъ защищалъ еще въ «Новой Рейнской Газетѣ» въ 1848 году.

И вотъ эту-то идею *революціонной* войны *революціонной* Германіи противъ *старой* Россіи господа ревизіонисты перелицевали на свой ладъ и «приспособили» ее къ той мнимой борьбѣ «противъ реакціонизма», которую повели теперь «революціонеры» Вильгельмъ II съ фонъ-Гинденбургомъ.

Въ началѣ войны Эдуардъ Бернштейнъ выступилъ въ Yorwarts,ѣ съ рядомъ статей, въ которыхъ онъ, опуская все то, что у Энгельса говорится о революціи внутри Германіи, доказывалъ будто Энгельсъ стоялъ за ту вульгарную «борьбу съ реакціонизмомъ», которую теперь съ благословенія генеральнаго штаба германской арміи ведутъ господа соціалъ-шовинисты. Въ одной газетѣ недавно появилось извѣстіе, что Бернштейнъ теперь устыдился (лучше поздно, чѣмъ никогда!) своей фальсификаціи и на одномъ собраніи заявилъ, что день, въ который онъ написалъ свою, упомянутую нами выше статью, онъ будетъ считать самымъ несчастливымъ днемъ въ его жизни. Не знаемъ, вѣренъ-ли этотъ фактъ. Но покаяніе со стороны Бернштейна дѣйствительно болѣе, чѣмъ необходимо.

Статья «Der Sozialismus im Deutschland» писалась въ 1896 году, т. е. подъ впечатлѣніемъ только-что оформленнаго франко-русскаго союза, празднествъ въ Кронштадтѣ, эпопеи буланжизма (когда французскій военный министръ Буланже чуть было не вызвалъ войну противъ Германіи»). Война между Германіей, съ одной стороны, и Франціей-Россіей, съ другой, должна была казаться неизбѣжной. Въ это время Энгельсъ писалъ:

— «Осуществивши насильственную аннексію Эльзаса-Лотарингіи, германское правительство... сдѣлало Россію вершителемъ судебъ Европы...

«Никакого сомнѣнія: противъ нынѣшней германской имперіи и нынѣшняя французская республика представляетъ революцію—конечно, только буржуазную революцію, но все-таки—революцію. Но какъ только эта республика отдаетъ себя подъ команду русскаго царя, дѣло мѣняется».

Что произойдетъ, если возникнетъ война Германіи съ объединенными Франціей и Россіей—спрашиваетъ Энгельсъ. Какъ отразится это на судьбахъ германскаго соціалистическаго движенія?

И онъ отвѣчаетъ:

«Съ увѣренностью можно сказать одно: ни русскій... реакціонизмъ, ни французская буржуазная республика, ни само германское правительство, не упустятъ такого прекраснаго случая, чтобы задушить единственную партію (соціалъ-демократію), которая для всѣхъ троихъ является главнымъ врагомъ».

Что же дѣлать въ такомъ случаѣ германскимъ соціалистамъ? Взять на себя иниціативу *революціонной* войны противъ русскаго «реакціонизма» и, *объединившись съ французскими рабочими*, заставить Францію отказаться отъ позорной поддержки послѣдняго—отвѣчаетъ Энгельсъ.

«Война, во время которой русскіе и французы вторгаются въ Германію, такая борьба станетъ для послѣдней борьбой не на животъ, а на смерть; въ этой войнѣ она можетъ обезпечить свое національное существованіе только посредствомъ примѣненія *самыхъ революціонныхъ мѣръ* (к. н.) Нынѣшнее правительство, если оно не будетъ къ этому принуждено, безъ сомнѣнія не станетъ вызывать революцію. Но у насъ есть сильная партія которая можетъ его къ этому принудить, или въ случаѣ нужды можетъ стать на его мѣсто. Это—соціалъ-демократическая партія. И мы не забыли того великаго примѣра, который показала намъ Франція въ 1893 году. 100-лѣтній юбилей 1793 года совсѣмъ уже близокъ»... Надо показать, что «нынѣшніе нѣмецкіе пролетаріи не уступаютъ санкюлотамъ, жившимъ 100 лѣтъ назадъ, и что 1893 годъ можетъ помѣряться съ 1793 годомъ».

Въ случаѣ такой войны, рабочій классъ Германіи долженъ прибѣгнуть къ «самымъ революціоннымъ» мѣрамъ, онъ долженъ взять власть въ свои руки и повести революціонную войну противъ реакціонныхъ силъ Европы, подобно тому, какъ французская революція въ 1793 году объявила войну абсолютнымъ монархамъ во всей Европѣ. Германскій рабочій классъ долженъ это сдѣлать во имя соціализма, во имя пролетарскихъ задачъ. Ибо—«по отношенію къ германской имперіи французская республика *можетъ* при извѣстныхъ условіяхъ представлять буржуазную революцію. Но по отношенію къ республикѣ Констана, Рувье или даже Клемансо, а въ особенности по отношенію къ республикѣ, находящейся въ услуженіи у... русской реакціи,—

нѣмецкій соціализмъ безусловно представляетъ пролетарскую революцію» [1]).

Мы видимъ: Фридрихъ Энгельсъ и въ этой статьѣ ставилъ вопросъ, какъ революціонеръ и соціалистъ, а не какъ соціалъ-шовинистъ. Говоря о борьбѣ противъ русскаго реакціонизма, онъ не аппелировалъ прямо къ революціоннымъ силамъ внутри нея самой—потому, что тогда массовое движеніе у насъ только еще начиналось. Но замѣчательно вотъ что. Когда въ Россіи въ 1891 году разражается знаменитый голодъ и въ связи съ нимъ появляются первые признаки народнаго броженія, Энгельсъ спѣшитъ сдѣлать приписку къ своей статьѣ—въ томъ смыслѣ, что дѣло серьезно измѣнится, если соціализмъ получитъ союзника *внутри* самой Россіи, если русская демократія возьметъ судьбы иностранной политики своей страны въ свои собственныя руки и тѣмъ уничтожитъ почву для франко-русскаго союза, ведущаго реакціонно-шовинистскую политику.

Такія же идеи Фридрихъ Энгельсъ развиваетъ и въ статьѣ «Иностранная политика русскаго царизма».

Въ этой статьѣ [2]) Энгельсъ сдѣлалъ цѣлый рядъ прямо замѣчательныхъ предсказаній. Во многихъ пунктахъ онъ характеризуетъ будущее положеніе какъ разъ такимъ, какъ оно въ дѣйствительности сложилось теперь. — «Дипломатіи (рѣчь идетъ о нашей царисткой дипломатіи) подходятъ только такія войны, въ которыхъ ея союзники несутъ главную тяжесть и вынуждены отдавать свою территорію на разграбленіе... Нѣтъ такого грабежа, нѣтъ такого насилія, нѣтъ такого гнета, которыхъ... правящіе слои царской Россіи не осуществили бы подъ видомъ просвѣщенія, либерализма, освобожденія народовъ..

«Надъ всѣмъ нынѣшнимъ европейскимъ положеніемъ господствуютъ три факта: 1) аннексія Эльзасъ-Лотарингіи Германіей, 2) стремленіе Россіи въ Константинополь, 3) все болѣе разгорающаяся во всѣхъ странахъ свѣта борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей.

«Первые два факта обусловливаютъ раздѣленіе Европы на двѣ группы, на два большихъ военныхъ лагеря. Германская аннексія дѣлаетъ Францію союзникомъ Россіи противъ Германіи, угрозы со стороны Россіи по отношенію къ Константинополю дѣлаютъ Австрію и даже Италію союзниками Германіи. Оба ла-

[1]) «Neue Zeit» 1892 г. стр. 584 и др.

[2]) Статья эта «Die auswaertige Politik des russischen Zarentums» написана по просьбѣ русскихъ с.-д. и помѣщена одновременно въ русскомъ журналѣ «Соціалдемократъ» и въ нѣмецкой «Neue Zeit»—1891 г. VII. Jahrg. «С.-Д.» издавался подъ редакціей Плеханова, Аксельрода и др.

геря вооружаются для рѣшительной схватки, для войны, которой не видѣлъ еще міръ, для войны, въ которой отъ 10 до 15 милліоновъ солдатъ будутъ противостоять другъ другу» [1]).

Только два обстоятельства — говоритъ Энгельсъ — задерживаютъ наступленіе этой всемірной войны. Это, во первыхъ, страшно быстрый ростъ военной техники, когда одно изобрѣтеніе, раньше чѣмъ его успѣли ввести во всѣхъ арміяхъ, уже превзойдено другимъ изобрѣтеніемъ. И, во вторыхъ, то обстоятельство, что абсолютно не поддаются учету шансы на побѣду той или другой стороны.

И только побѣдоносная революція въ Россіи, при которой *народъ* возьметъ судьбы страны въ свои собственныя руки, способна предотвратить грозящую войну. Тогда наступитъ сближеніе... демократической Россіи съ революціонной Франціей и распадется германскій блокъ. Только побѣдоносная революція можетъ избавить человѣчество отъ всемірной войны.

Сама Франція тоже много выиграла бы отъ паденія.. реакціи и побѣды... демократіи въ Россіи. Ибо «при войнѣ рука объ руку съ... этой реакціей.. Франціи, въ случаѣ пораженія, было бы невозможно прибѣгнуть къ единственному дѣйствительно спасительному средству: къ средству 1793 года», къ революціи, къ мобилизаціи всѣхъ народныхъ силъ, подъ знакомъ террора, къ перенесенію революціонной пропаганды во вражескую страну. Въ этомъ случаѣ русскій царизмъ немедленно объединился бы съ врагами Франціи, ибо времена сильно перемѣнились съ 1848 года, и царизмъ съ тѣхъ поръ позналъ терроръ на собственномъ опытѣ.

Побѣдоносное движеніе внутри Россіи чрезвычайно ускорило бы соціалистическій переворотъ на Западѣ. Борьба сосредоточилась бы между пролетаріатомъ и буржуазіей, а не между тѣми или другими цѣлыми націями.

Идеологи буржуазіи и владыки міра сего это отлично понимаютъ. И поэтому:

— «Несмотря на всѣ тяжбы съ Россіей по поводу Константинополя и т. д., могутъ наступить моменты, когда реакціонныя европейскія правительства выбросятъ русскому царизму и Константинополь, и Босфоръ, и Дарданеллы, и вообще, что онъ пожелаетъ, только бы онъ защитилъ ихъ противъ революціи».

«Европа со страшной быстротой катится по наклонной плоскости въ пропасть всемірной войны невиданныхъ еще до сихъ

---

[1]) Цитируемъ по нѣмецкому тексту указ. томъ «N. Z». 199—202. и др

поръ размѣровъ и невиданной жестокости. Одно только можетъ задержать неизбѣжное: перемѣна системы въ Россіи...»

Таковы тѣ перспективы, которыя рисовалъ Энгельсъ, продолжая и въ этой области то дѣло, которое начато было имъ совмѣстно съ его великимъ другомъ—Марксомъ.

И Марксъ и Энгельсъ, какъ мы видѣли, почти съ самаго начала своей теоретической и политической дѣятельности удѣляютъ большое вниманіе иностранной политикѣ. Въ первые же годы своей лондонской эмиграціи Марксъ принимается за изученіе «мистерій иностранной политики». Онъ началъ съ того, что перерылъ англійскія синія книги чуть ли не за цѣлое полстолѣтіе[1]). И во всѣ дальнѣйшіе годы совмѣстной дѣятельности Марксъ и Энгельсъ никогда не упускали изъ круга своего вниманія вопросы внѣшней политики.

Марксъ и ирландскій вопросъ. Право націй на самоопредѣленіе. Ключъ къ позиціи марксизма въ національномъ вопросѣ.

Съ величайшимъ вниманіемъ и самымъ горячимъ сочувствіемъ Марксъ и Энгельсъ относились къ національнымъ движеніямъ итальянцевъ, венгерцевъ, поляковъ, ирландцевъ и т. п. Въ десяткахъ статей, въ сотняхъ писемъ къ друзьямъ вы найдете богатѣйшій матеріалъ для сужденія о взглядахъ Маркса и Энгельса на эти движенія. Каждое изъ этихъ движеній они умѣютъ объяснить историко-матеріалистически, докапываясь до его соціально-экономическихъ основъ, умѣя выдѣлить основные факторы его. Съ особеннымъ сочувствіемъ Марксъ, живя въ Англіи, относился къ движенію ирландцевъ. И во время 1-го Интернаціонала и послѣ онъ всѣми силами старался поддержать движеніе въ Ирландіи, неустанно доказывая англійскимъ рабочимъ, что независимость Ирландіи есть ихъ собственное кровное дѣло, что безъ этого невозможна пролетарская революція въ Англіи.

Въ письмѣ къ Зигфриду Мейеру отъ 9 апрѣля 1870 года Марксъ писалъ:

«Ирландія есть твердыня англійской земельной аристократіи. Эксплуатація этой страны является не только главнымъ источникомъ ея національнаго богатства; она—ея величайшая моральная сила. Фактически она олицетворяетъ господство Англіи надъ Ирландіей. Ирландія поэтому является тѣмъ

[1]) См. N. Riasanoff «Karl Marx ueber dem Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa»· Ergaenzugsheft der «Neuen Zeit».

grand moyen (великимъ средствомъ), при помощи котораго англійская аристократія поддерживаетъ свое господство въ Англіи. Съ другой стороны: уберите завтра изъ Ирландіи англійскую армію и полицію, и вы сейчасъ же получите аграрную революцію въ Ирландіи. А низверженіе англійской аристократіи въ Ирландіи обусловливаетъ и имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ ея низверженіе въ Англіи. Этимъ была бы создана предпосылка для пролетарской революціи въ Англіи...

«Что касается англійской буржуазіи, то она въ первую очередь имѣетъ тотъ общій ей съ англійской аристократіей интересъ, что ей нужно превратить Ирландію въ простую колонію (Weideland), которая поставляла бы для англійскаго рынка мясо и шерсть по самымъ дешевымъ цѣнамъ...

«Но англійская буржуазія имѣетъ еще гораздо большій интересъ въ процвѣтаніи нынѣшняго хозяйства въ Ирландіи. Благодаря постоянно увеличивающейся концентраціи арендъ Ирландія доставляетъ англійскому рынку избытокъ своихъ рабочихъ рукъ и тѣмъ понижаетъ заработную плату, какъ и вообще матеріальную и моральную позицію англійскаго рабочаго класса. И далѣе—самое важное. Всѣ промышленные и торговые центры Англіи имѣютъ теперь контингентъ рабочихъ, который расколотъ на два враждебныхъ лагеря: на англійскихъ пролетаріевъ и пролетаріевъ ирландскихъ. Рядовой англійскій пролетарій ненавидитъ ирландскаго рабочаго, какъ конкуррента, который понижаетъ его standard of life (уровень жизни). Онъ чувствуетъ себя по отношенію къ нему, какъ членъ *господствующей* націи и этимъ самымъ дѣлаетъ себя орудіемъ аристократовъ и капиталистовъ противъ Ирландіи, укрѣпляетъ этимъ ихъ господство надъ самимъ собой. Онъ полонъ религіозныхъ, національныхъ и соціальныхъ предразсудковъ противъ ирландскаго рабочаго. Онъ относится къ нему приблизительно такъ же, какъ бѣлые къ неграмъ въ бывшихъ рабскихъ штатахъ. Ирландецъ въ свою очередь платитъ англійскому пролетарію тою же монетою и еще съ лихвой. Онъ видитъ въ англійскомъ рабочемъ человѣка, который тоже несетъ часть вины за угнетеніе Ирландіи и является слѣпымъ орудіемъ англійскаго господства надъ Ирландіей. Этотъ антагонизмъ искусственно поддерживается прессой, церковью, юмористическими листками, словомъ всѣми средствами, находящимися въ распоряженіи правящихъ классовъ. Въ этомъ антагонизмѣ секретъ безсилія англійскаго рабочаго класса, несмотря на его организацію. Въ немъ секретъ упроченія власти класса капиталистовъ. Капиталисты очень хорошо это понимаютъ.

«На этомъ зло не кончается. Оно распространяется за океанъ.

Антагонизмъ между англичанами и ирландцами есть тайная основа конфликта между Англіей и Соединенными Штатами. Онъ дѣлаетъ невозможнымъ какое бы то ни было серьезное и искреннее сотрудничество между рабочимъ классомъ обѣихъ странъ. Онъ позволяетъ правительствамъ обѣихъ странъ всякій разъ, какъ они найдутъ нужнымъ притупить остріе соціальныхъ конфликтовъ, подымать шумъ другъ противъ друга, а въ случаѣ нужды прибѣгнуть и къ войнѣ между обѣими странами.

«Англія, какъ метрополія капитала, какъ держава, до сихъ поръ господствующая надъ міровымъ рынкомъ, является пока что важнѣйшей страной для рабочей революціи. Къ тому же это единственная страна, въ которой матеріальныя предпосылки этой революціи достигли извѣстной степени зрѣлости. Ускорить соціальную революцію въ Англіи является поэтому самой важной задачей Международнаго Товарищества рабочихъ. Единственное средство ускорить ее, это—сдѣлать Ирландію независимой. Отсюда задача Интернаціонала—всюду выдвигать на первый планъ конфликтъ между Англіей и Ирландіей, всюду становиться открыто на сторону Ирландіи. Спеціальной задачей Генеральнаго Совѣта (Интернаціонала) въ Лондонѣ является—вызвать въ англійскомъ рабочемъ классѣ сознаніе того, что національное освобожденіе Ирландіи является для него не вопросомъ абстрактной справедливости и чувства человѣчности, но первымъ условіемъ его собственнаго соціальнаго освобожденія» [1].

Эти замѣчательныя строки Маркса имѣютъ глубочайшій, прямо историческій интересъ. Онѣ даютъ ключъ ко всей позиціи марксизма по національному вопросу. Надъ ними очень и очень стоитъ подумать тѣмъ соціалистамъ, которые хотятъ найти правильную линію поведенія въ нынѣшнюю эпоху.

Рабочій великодержавной націи остается прихвостнемъ «своей» буржуазіи и самъ куетъ цѣпи для себя, если онъ не борется за свободу и независимость угнетенныхъ національностей, если онъ не отстаиваетъ права на политическую независимость, на отдѣленіе, т. е. на политическое самоопредѣленіе для угнетаемыхъ его буржуазіей націй (Марксъ не употребляетъ здѣсь этого слова, но онъ описываетъ именно это понятіе). Безъ устраненія раскола между рабочими державныхъ и недержавныхъ націй *невозможна* успѣшная борьба за соціализмъ. Буржуазія отлично понимаетъ, что лучшій способъ увѣковѣчить капитали-

[1]) См. «Neue Beitraege zur Biographie von Marx und Engels», «Neue Zeit» 1907, II стр. 227, 228 (опубликовано Ф. Мерингомъ). Пусть читатель сравнитъ эти строки Маркса съ позорной ренегатской статьей Плеханова по поводу событій въ Дублинѣ въ 1916 году...

стическое рабство это—поддержать расколъ между рабочими разныхъ національностей и, въ особенности, между рабочими господствующей и рабочими угнетенныхъ націй. А лучшее средство разжечь этотъ расколъ, придать ему упорный, затяжной характеръ это—посѣять у рабочаго угнетенной націи подозрѣніе, что пролетарій господствующей націи не хочетъ дать его народу свободы, независимости и равноправія. Чтобы создать условія, при которыхъ рабочій угнетенной націи безъ оглядки пойдетъ вмѣстѣ съ рабочимъ «державной» націи—надо, чтобы этотъ послѣдній противъ своей буржуазіи отстаивалъ до конца право на самоопредѣленіе за *всѣми* націями. *Именно для пролетаріевъ, принадлежащихъ къ господствующей націи, обязательно отстаивать это право.* Не отстаивая его, они становятся слѣпыми орудіями буржуазныхъ шовинистовъ. Не отстаивая его, они помогаютъ буржуазіи разныхъ странъ отодвигать на задній планъ соціальные конфликты, подмѣняя ихъ національной свалкой. Не отстаивая его, они помогаютъ буржуазіи вызывать, когда ей заблагоразсудится, войны, въ которыхъ рабочіе должны идти братъ на брата.

Въ публичной рѣчи на собраніи, устроенномъ обществомъ «Fraternal Democrats» 29 ноября 1847 въ память польскаго возстанія 1830 года Энгельсъ сказалъ:

«**Ни одна нація не можетъ стать свободной, пока она продолжаетъ угнетать другія націи.** Поэтому Германія не можетъ стать свободной, пока она не освободитъ Польшу отъ угнетенія ея нѣмцами»[1]).

Подчеркнутыя нами слова содержатъ, можно сказать, важнѣйшую марксистскую аксіому примѣнительно къ національному вопросу. Въ нѣсколькихъ словахъ мы имѣемъ здѣсь суть всей политики Маркса и Энгельса въ области національныхъ вопросовъ.

Не можетъ свергнуть «своей» буржуазіи тотъ рабочій классъ державной націи, который не созналъ необходимости борьбы противъ привилегій «державности», который не созналъ необходимости отстаивать право націй на самоопредѣленіе. Безъ этого онъ самъ остается рабомъ своей буржуазіи.

Только отстаивая право націй на самоопредѣленіе, онъ отнимаетъ оружіе у національзма какъ державной, такъ и недер-

[1]) См. интересную сводку матеріаловъ въ ст. «Karl Marx und Friedr. Engels ueber die Polenfrage» von N. Riasanoff въ «Archiv fuer die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» von Dr. Karl Gruenberg, 1915, I, стр. 179—180. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ здѣсь подробнѣе остановиться на позиціи Маркса и Энгельса въ польскомъ вопросѣ.

жавной буржуазіи, и создаетъ условія, при которыхъ онъ *вправѣ требовать и можетъ добиться сліянія рабочихъ недержавной націи съ рабочими державной націи.* Теперь, когда 5—6 «великихъ» державъ угнетаютъ сотни милліоновъ людей порабощенныхъ національностей, для рабочихъ этихъ «великихъ» державъ отстаивать право на самоопредѣленіе является особенно обязательнымъ. Это—единственный способъ послѣдовательной борьбы противъ шовинизма «своей» буржуазіи. Безъ этого у рабочихъ порабощенныхъ націй все время будетъ недовѣріе къ рабочимъ привиллегированныхъ націй. Безъ этого буржуазія всегда будетъ имѣть возможность натравливать рабочихъ другъ на друга, раскалывать и развращать ихъ и тѣмъ тормазить борьбу за соціализмъ.

Приведенныя строки Маркса имѣютъ значеніе не только для рѣшенія ирландскаго вопроса. Нѣтъ, они носятъ гораздо болѣе общій характеръ. Надъ ними очень не мѣшаетъ подумать не только господамъ соціалъ-шовинистамъ, но и тѣмъ соціалистамъ, которые стоятъ на почвѣ интернаціонализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ ненужнымъ или даже вреднымъ выставленіе въ программѣ марксистовъ пункта о правѣ націй на самоопредѣленіе.

Тѣнь Швейцера. Марксова критика Готтской программы.

Въ вопросѣ о «національной» политикѣ рабочаго класса на германскій соціализмъ неизгладимый отпечатокъ наложили вліянія Лассаля. Лассаль, конечно, сознавалъ, что у рабочихъ различныхъ странъ существуютъ общіе интересы. Невѣрно, конечно, мнѣніе Бисмарка, который изъ личнаго общенія съ Лассалемъ будто бы вынесъ убѣжденіе, что Лассаль въ душѣ былъ не столько послѣдовательнымъ республиканцемъ, сколько добрымъ монархистомъ. Но во взглядахъ Лассаля на задачи рабочаго класса несомнѣнно былъ элементъ національной узости, вытекавшій изъ всей его оцѣнки положенія самой Германіи. Швейцеръ и другіе послѣдователи Лассаля, быть можетъ, и пошли въ «патріотизмѣ» дальше, чѣмъ то сдѣлалъ бы самъ Лассаль. Но въ основномъ они безусловно остались вѣрны традиціямъ Лассаля.

Когда внимательно вглядишься въ то, что дѣлали Швейцеръ и швейцеріанцы во время войны 1870—71, и прислушаешься къ тому, что проповѣдуетъ теперь германская соціалъ-демократія, то все время изъ головы нейдетъ мысль: а вѣдь какой реваншъ взяло теперь швейцеріанство за тѣ, казалось-бы, уничтожающія

пораженія, которыя въ свое время нанесли ему Бебель и Либкнехтъ въ союзѣ съ жизнью! Вѣдь идеологія нынѣшняго большинства германской с-діи въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, какъ двѣ капли воды, похожа на «патріотизмъ» Швейцера—она только видоизмѣнилась примѣнительно къ новой обстановкѣ.

Въ свое время Марксъ и Энгельсъ вели самую яростную борьбу противъ «патріотическихъ» элементовъ въ политикѣ Швейцера. Марксъ, какъ извѣстно, высказался *противъ* объединенія эйзенахцевъ съ лассальянцами въ 1875 году. Онъ допускалъ, какъ максимумъ, практическія соглашенія между двумя партіями по отдѣльнымъ вопросамъ дня.

Когда сталъ извѣстенъ первоначальный проектъ общей программы (потомъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями на съѣздѣ въ Готтѣ), Марксъ подвергъ его въ довѣрительномъ письмѣ къ эйзенахцамъ самой бичующей, самой безжалостной критикѣ.

Между прочимъ, жестокому обстрѣлу со стороны Маркса подвергся тотъ абзацъ въ проектѣ программы, который трактовалъ о національныхъ и интернаціональныхъ задачахъ пролетарской политики.

Этотъ абзацъ въ проектѣ гласилъ такъ:

«Рабочій классъ борется за свое освобожденіе прежде всего *въ рамкахъ современнаго національнаго государства*, сознавая, что неизбѣжнымъ результатомъ его стремленій, которыя общи рабочимъ всѣхъ культурныхъ странъ, будетъ интернаціональное братство народовъ»...

Критикуя это мѣсто, Марксъ пишетъ:

«Лассаль, въ противоположность *Комунистическому манифесту* и всему прежнему соціализму, смотрѣлъ на рабочее движеніе съ самой узкой національной точки зрѣнія. Теперь вы собираетесь послѣдовать за нимъ. И это—послѣ дѣятельности Интернаціонала!

«Само собою разумѣется, что, рабочій классъ, дабы вообще быть въ состояніи вести борьбу, долженъ у себя дома организоваться, *какъ классъ*, и что собственная страна является непосредственной ареной его борьбы. Постольку его классовая борьба не по содержанію, а, какъ выражается Коммунистическій манифестъ, «по формѣ»—является національной. Но «рамки нынѣшняго національнаго государства», къ примѣру, германской имперіи, сами заключены экономически «въ рамки» мірового рынка, политически «въ рамки» системы государствъ. Любой купецъ знаетъ, что германская торговля есть въ то же время и внѣшняя торговля, и величіе господина Бисмарка состоитъ вѣдь тоже въ своего рода *интернаціональной* политикѣ.

«И къ чему сводитъ германская партія весь свой интернаціонализмъ? Къ сознанію того, что «результатомъ ея стремленій будетъ интернаціональное братство народовъ!» Но это фраза, заимствованная у буржуазнаго союза «мира и свободы». И этой фразой хотятъ замѣнить международное братство рабочаго класса въ его общей борьбѣ противъ господствующихъ классовъ и правительствъ всѣхъ странъ. *Объ интернаціональныхъ обязанностяхъ* германскаго рабочаго класса, такимъ образомъ, не говорится ни слова. И подъ этакимъ флагомъ сможетъ рабочій классъ бороться съ своей буржуазіей, которая давно уже объединилась противъ него съ буржуазіей другихъ странъ! Подъ этимъ паролемъ пойдетъ онъ противъ политики международныхъ заговоровъ, практикуемой господиномъ Бисмаркомъ!

«По сути дѣла выходитъ, что интернаціональный символъ вѣры вашей программы стоитъ *еще безконечно ниже*, чѣмъ символъ вѣры партіи свободной торговли. Эта партія тоже утверждаетъ, что результатомъ ея стремленій является «интернаціональное братство народовъ». Но она вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлаетъ кое-что, чтобы въ самомъ дѣлѣ интернаціонализировать торговлю, не довольствуясь сознаніемъ... что всѣ народы у себя дома занимаются торговлей.

«Международная дѣятельность рабочаго класса не находится ни въ какой зависимости отъ существованія «Международной Ассоціаціи Рабочихъ». Международное Товарищестово было только первой попыткой создать центральный органъ для этой дѣятельности. Этотъ опытъ оставилъ прочный слѣдъ, благодаря тому толчку, который онъ далъ движенію. Но послѣ паденія парижской Коммуны онъ сталъ болѣе не выполнимъ *въ его первой исторической формѣ.*

«Бисмарковскій оффиціозъ» «Сѣв.-Герм. Газета» былъ въ своемъ полномъ правѣ, когда онъ возвѣстилъ объ удовлетвореніи, испытанномъ Бисмаркомъ, по поводу того, что германская рабочая партія въ ея новой программѣ отреклась отъ интернаціонализма». [1])

Вотъ какъ бичевалъ Марксъ малѣйшую неясность, малѣйшую недоговоренность при формулировкѣ интернаціональныхъ

[1]) Изъ критики проекта программы, принятой на объединительномъ съѣздѣ въ Готтѣ въ 1875 г. при сліяніи эйзенахцевъ съ лассальянцами. Критика написана Марксомъ въ 1875 г. въ формѣ письма къ Браке, Гейбу, Бебелю, Ауэру и Либкнехту. Рукопись впервые опубликована Энгельсомъ въ 1881 году въ «Neue Zeit» IX, I. Приведенныя мѣста см. на стр. 569, 570. Есть русскій переводъ, вышедшій отд. брошюрой, подъ заглавіемъ «Критика Готтской программы».

задачъ рабочаго класса. Здѣсь не было мѣста ни малѣйшимъ уступкамъ, здѣсь для Маркса существовали *или* пролетаріи— послѣдовательные интернаціоналисты, *или* буржуа-націоналисты.

Перечитывая прекрасныя и такъ мѣтко въ цѣль бьющія строки Маркса по этому вопросу, думаешь—что сказалъ-бы Марксъ по поводу «національной» политики нынѣшней германской соціалъ-деморкатіи, какая уничтожающая иронія нашлась-бы у него для нея, какими бичующими сарказмами осыпалъ-бы онъ мѣщанскій «патріотизмъ» нашихъ дней...

Да, тѣнь Швейцера можетъ торжествовать побѣду. Идеи швейцеріанства въ германскомъ соціализмѣ оказались куда болѣе живучи, чѣмъ это можно было ожидать...

Замѣчательно, что виднѣйшіе вожди нынѣшняго германскаго соціалъ-шовинизма признаютъ открыто тотъ фактъ, что они теперь возрождаютъ швейцеріанство. Возьмите главный трудъ нѣмецкихъ соціалъ-шовинистовъ о войнѣ—книгу Эд. Давида. Какъ ставитъ онъ вопросъ?

Намъ говорятъ, что Бебель и Либкнехтъ въ 1870 году демонстративно отказались голосовать за военные кредиты. Хорошо! Но какъ поступили остальные с.-д. депутаты?—«Рядомъ съ Бебелемъ и Либкнехтомъ въ рейхстагѣ сидѣли еще три другихъ соціалъ-демократа—Фрицше, Газенклеверъ, и фонъ-Швейцеръ. А они голосовали *за* кредиты. Простой историческій фактъ таковъ, что и во время голосованія 19 іюля 1870 г. *большинство* с.-д. депутатовъ голосовали *за* военные кредиты». [1]).

Даже такой человѣкъ, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ, не оцѣнилъ въ достаточной степени марксовой критики Готтской программы. Ему казалось, что рѣчь идетъ здѣсь только объ ученыхъ абстрактно-теоретическихъ спорахъ. Еще въ 1891 году на Эрфуртскомъ партейтагѣ Либкнехтъ, говоря объ этой критикѣ, замѣтилъ:

— «Но для меня одно дѣло теорія, другое дѣло практика. И насколько безусловно я довѣрялся Марксу въ вопросахъ теоріи,—въ вопросахъ практики я шелъ собственнымъ путемъ... Высоко стоитъ для меня Марксъ, но еще выше стоитъ для меня партія». **).

И что-же—кто оказался правъ: Марксъ или Либкнехтъ? Теоретическая критика соціалъ-націонализма въ Готтской программѣ, данная Марксомъ 45 лѣтъ тому назадъ, имѣетъ и теперь первостепенное *практическое* значеніе.

[1]) «Die Socialdemokratie im Weltkrieg», Эд. Давида, 1915, стр. 26.
[2]) Проток. Эрфуртскаго съѣзда, стр. 327.

Кажется ясно? Отъ Бебеля и Либкнехта нынѣшнее большинство германской соціалъ-демократіи аппелируетъ въ Швейцеру. И это только логично. Королевско-прусскій соціалъ-демократъ Швейцеръ по истинѣ является ихъ пророкомъ... Да, тѣнь Швейцера может торжествовать побѣду...

Не показалъ-ли опытъ 1914—16 г.г., что Марксъ былъ правъ, когда онъ 40 лѣтъ тому назадъ рѣшительно возставалъ *противъ* объединенія съ лассальянцами? Словъ нѣтъ. Объединеніе сильно двинуло впередъ рабочее движеніе въ Германіи, сплотило его, облегчило ему рядъ практическихъ завоеваній. Но—кто знаетъ,—если-бы принципіальныя разногласія не были тогда замазаны, а были изжиты въ борьбѣ, если-бы тотъ-же споръ о «патріотизмѣ» и интернаціонализмѣ не былъ затушеванъ, а былъ разрѣшенъ въ открытой борьбѣ двухъ направленій передъ самими массами,—кто знаетъ, не миновала-ли бы германскую соціалъ-демократію та горькая чаша стыда, которую ей пришлось испить нынѣ, во время міроваго кризиса 1914—16 г. г.?..

«Пролетаріи не имѣютъ отечества».

Въ самомъ «Коммунистическомъ Манифестѣ» и въ первоначальномъ *проектѣ* его, написанномъ Энгельсомъ, содержатся замѣчанія, относящіяся къ трактуемой нами темѣ и имѣющія большое значеніе еще и теперь.

Въ 1914 году Эд. Бернштейнъ (Энгельсъ назначилъ Бернштейна своимъ душеприказчикомъ еще до того времени, какъ Бернштейнъ повернулъ къ ревизіонизму) опубликовалъ первоначальный проектъ «Коммунистическаго Манифеста» *) написанный—въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ—Фридрихомъ Энгельсомъ.

Вопросъ 22-ой у Энгельса озаглавленъ: «Какъ коммунистическая организація будетъ относиться къ существующимъ національностямъ?» Къ сожалѣнію, въ наброскѣ Энгельса не сохранился его отвѣтъ на этотъ вопросъ и Бернштейнъ вставилъ отвѣтъ отъ себя—на основаніи опубликованнаго окончательнаго текста «Коммунистическаго Манифеста».

Но близкое отношеніе къ этой темѣ имѣетъ у Энгельса вопросъ 19-ый. — «Сможетъ-ли эта (коммунистическая) революція произойти въ какой-нибудь одной странѣ?»

---

*) Grundsaetse des Kommunismus, eine gemeinverstähandliche Darlegung лon Friedrich Engels. Aus dessen Nachlas herausgegeben von Eduard Bernshtein, Berlin, 1914. Вышла въ изданіи «Прибой», подъ моей редакціей.

Энгельсъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

— «Нѣтъ. Крупная промышленность, породивъ міровой рынокъ, создала такую тѣсную связь между всѣми, особенно цивилизованными, народами земного шара, что каждый народъ находится въ зависимости отъ того, что происходитъ у другого народа. Она далѣе сдѣлала настолько одинаковымъ общественное развитіе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, что во всѣхъ этихъ странахъ буржуазія и пролетаріатъ стали двумя рѣшающими классами общества, а ихъ борьба между собою заполнила всю повседневную борьбу. Коммунистическая революція будетъ поэтому не просто національной революціей, она произойдетъ одновременно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, т. е. по крайней мѣрѣ въ Англіи, Америкѣ, Франціи и Германіи. Она будетъ развиваться въ каждой странѣ быстрѣе или медленнѣе, въ зависимости отъ того обладаетъ-ли данная страна болѣе развитою промышленностью, большимъ богатствомъ, большей массой производительныхъ силъ. Легче и быстрѣе всего ее будетъ провести, поэтому, въ Англіи, медленнѣе и труднѣе всего—въ Германіи. Она окажетъ значительное вліяніе и на остальныя страны свѣта, она совершенно измѣнитъ и очень ускоритъ ихъ прежнее развитіе. Она—универсальная революція и, поэтому, будетъ имѣть также универсальное распространеніе. [1])

Историческія слова въ окончательномъ текстѣ *Коммунистическаго манифеста* «Пролетаріи не имѣютъ отечества, нельзя отнять у нихъ то, чего они не имѣютъ», всецѣло гармонируютъ съ только-что приведенными мыслями Энгельса въ его первоначальномъ проектѣ «Коммунистическаго Манифеста».

Ревизіонизмъ съ перваго-же момента своего появленія на свѣтъ божій сталъ придавать соціализму «національную» окраску. Для этого онъ прежде всего долженъ былъ признать невѣрнымъ положеніе: пролетаріи не имѣютъ отечества. Такъ оно и было на дѣлѣ. Въ основной книгѣ теоретическаго ревизіонизма, въ «Предпосылкахъ» Бернштейна, это положеніе Маркса и Энгельса подвергнуто усиленному обстрѣлу. [2]) «Философія» Бернштейна сводится къ слѣдующему: «Пролетаріи не имѣютъ отечества»—это можетъ быть въ извѣстномъ условномъ смыслѣ было вѣрно въ 1847 году, когда рабочіе были безправны, когда въ крупнѣйшихъ европейскихъ странахъ безраздѣльно господствовалъ абсолютизмъ. *Тогда* такая риторическая фраза, такой агитаціонный оборотъ можетъ быть были умѣстны. Не то—

---

[1]) Fr. Engels, Grundsätze des Kommunismus, 26, 27.

[2]) Въ третьей части нашей работы мы говоримъ объ этомъ подробнѣе.

теперь... Теперь, когда рабочіе пользуются всеобщимъ избирательнымъ правомъ, пріобщились къ благамъ культуры, имѣютъ сотни своихъ представителей въ законодательныхъ учрежденіяхъ и т. д. и т. д., теперь рабочіе *имѣютъ* отечество, теперь нельзя сказать, что имъ нечего потерять кромѣ своихъ цѣпей.

Такую постановку вопроса защищаютъ оппортунисты и соціалъ-шовинисты вплоть до нашихъ дней. Жоресъ въ 1906 году назвалъ слова «пролетаріи не имѣютъ отечества» простой «пессимистической бутадой», которая-де совершенно не выдерживаетъ критики по существу. Нѣмецкіе соціалъ-шовинисты въ 1914-16 г. г.—всѣ эти Давиды, Кольбы, Гейне, Виннити—только повторяютъ то, что сказалъ Бернштейнъ въ его «Yoraussetzunqen», этой библіи ревизіонистовъ всѣхъ странъ.

На самомъ дѣлѣ вѣрно обратное.

Никогда еще слова Маркса и Энгельса «пролетаріи не имѣютъ отечества» не были такъ вѣрны, какъ именно въ нынѣшнюю эпоху.

Въ 1847 году Марксъ и Энгельсъ считали, что соціалистическій переворотъ въ Европѣ есть дѣло уже близкаго будущаго. Они писали свои историческія слова о пролетаріѣ, не имѣющемъ отечества, именно для эпохи, близкой къ соціалистической революціи. Послѣ 1847 года европейскому пролетаріату пришлось еще пройти черезъ цѣлый рядъ національныхъ войнъ. Теперь уже въ теченіе десятилѣтій безраздѣльно господствуетъ *имперіализмъ*, теперь мы дожили до цѣлой эпохи имперіалистскихъ войнъ. Теперь имперіализмъ въ своемъ побѣдномъ шествіи разрушаетъ десятки «отечествъ», теперь германскіе (и иные) имперіалисты торгуютъ отечествами, какъ товаромъ. Надъ всѣми «отечествами» доминируетъ воля маленькой кучки магнатовъ финансоваго капитала. Теперь милліоны германскихъ и иныхъ рабочихъ и крестьянъ умираютъ на поляхъ сраженія во имя интересовъ этой кучки. Это-ли не рабство? Теперь-ли не являются рабочіе безправными рабами, несмотря на ту фикцію равныхъ политическихъ правъ, при помощи которой обманываетъ рабочихъ буржуазія самыхъ «передовыхъ» странъ?

«Пролетаріи не имѣютъ отечества»! Болѣе, чѣмъ когда либо это теперь не «пессимистическая бутада», а—историческій фактъ.

И въ сферѣ національнаго вопроса и международной политики пролетаріата великіе учителя рабочаго класса Марксъ и Энгельсъ дали намъ блестящіе, незабвенные образцы исторической прозорливости и вѣрности завѣтамъ интернаціонализма.

Соціалисты той страны, которая была родиной Маркса и Энгельса, теперь измѣнили этимъ принципамъ. Но самые принципы не умерли, не могутъ умереть. Если третій Интернаціоналъ возникнетъ, онъ пойдетъ по тому пути, который и въ этомъ трудномъ вопросѣ проложили основатели научнаго соціализма—Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ.

V. Оборонительная и наступательная война. О войнахъ «справедливыхъ» и войнахъ «нечестивыхъ».

Оборонительная война прежде и теперь.—Понятіе оборонительной и наступательной войны.—Итальянская война 1856 г., какъ примѣръ войны оборонительной въ историческомъ, но не дипломатическомъ смыслѣ.—Франко-прусская война 1870—71 г.г., какъ примѣръ войны оборонительной въ историческомъ и наступательной—въ дипломатическомъ смыслѣ слова.—Война 1877—78 г.г., какъ переходъ къ новой эпохѣ.—Современные рабовладѣльцы.—Англо-бурская война подъ угломъ зрѣнія обороны и наступленія.—Абиссинская война подъ тѣмъ-же угломъ зрѣнія.—Китай и великія державы.—Вокругъ острова Кубы.—Вокругъ Марокко.—Вокругъ Триполи.—Колоніальные захваты 70-хъ годовъ. Списокъ войнъ, осуществившихся и неосуществившихся.—Два слова о жестокостяхъ современной колоніальной политики.—Дѣйствительные мотивы современныхъ войнъ.—Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Оборонительная война прежде и теперь.

Излюбленный пріемъ господствующихъ классовъ во время нынѣшняго кризиса состоитъ въ томъ, что война изображается, какъ оборонительная съ «нашей» стороны и наступательная съ «ихъ» стороны. Къ этому пріему одновременно прибѣгаютъ господствующіе классы Германіи и другихъ странъ. Спрашивается: *для чего*?

— Для того, чтобы поэксплуатировать прочную демократическую традицію *прежней* эпохи—въ интересахъ нынѣшней имперіалистской политики.

Дѣльцы и идеологи буржуазіи знаютъ, что дѣленіе войнъ на оборонительныя и наступательныя въ эпоху національныхъ движеній (приблизительно 1789—1871 г.г.) играло большую роль въ средѣ демократіи. Они разсчитываютъ— и разсчитываютъ правильно—что обмануть широкія массы населенія легче всего—опираясь на демократическую идеологію прошлаго. Они знаютъ, что за цѣлое столѣтіе 1789—1871 дѣленіе войнъ на оборонительныя и наступательныя пустило прочные корни среди самыхъ широкихъ слоевъ демократіи, что оборонительныя войны

въ эту эпоху считались законными, справедливыми и заслуживающими поддержки и, наоборотъ, наступательныя войны вызывали возмущеніе массъ и готовность бороться на сторонѣ обороняющагося. Остается только небольшая мелочь: перенести критерій оборонительной и наступательной войны на новую эпоху, когда, благодаря условіямъ общественнаго развитія, это дѣленіе потеряло всякій смыслъ, и—задача буржуазныхъ имперіалистовъ рѣшена. Буржуазія такъ вѣритъ въ это средство, что во всѣхъ государствахъ, безъ различія формъ правленія, языка, культуры и т. д., она прибѣгла именно къ нему. «Техника», о которой говорилъ германскій имперіалистъ Рюдорферъ, получила громадное распространеніе. Германская монархія, чопорно-парламентарная Англія, ветхая деньми полуабсолютистская Австрія, (въ Австріи господствуетъ теперь абсолютизмъ, умѣряемый не только традиціонной халатностью, но и всеобщимъ избирательнымъ правомъ), Турція и Болгарія—всѣ одинаково прибѣгли къ этому «вѣрному средству». Послушать ихъ, такъ всѣ они, безъ исключенія, ведутъ оборонительную войну.

Всѣ обороняются. Кто-же нападаетъ?..

Мы уже говорили, что съ критеріемъ оборонительной и наступательной войны продѣлана такая-же операція, какъ съ лозунгомъ «защиты отечества». И лозунгъ «защиты отечества» и критерій «справедливой» оборонительной войны—оба родились въ эпоху *національныхъ* войнъ. Защита отечества въ эпоху національныхъ войнъ означала, какъ мы видѣли, защиту національнаго единства противъ иноземныхъ угнетателей, означала борьбу за созданіе условій для развитія изъ феодализма и полу-феодализма болѣе высокаго общественнаго строя: *капиталистическаго строя. И та-же „защита" означаетъ теперь* въ имперіалистскую эпоху-поддержку финансоваго капитала, который насильственно, пользуясь арміей и всѣмъ аппаратомъ буржуазнаго государства, старается *задержать* переходъ отъ капитализма къ назрѣвшему въ условіяхъ общественнаго развитія болѣе высокому строю: *къ соціализму*. Придерживаться критерія оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ въ эпоху 1789—1871 г. г. означало помогать массамъ разбираться въ томъ, гдѣ другъ и гдѣ врагъ, гдѣ угнетатель и насильникъ и гдѣ защитникъ общественнаго прогресса. И придерживаться критерія оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ теперь, въ эпоху 1914—...? означаетъ помогать врагамъ общественнаго прогресса, обманывать народныя массы насчетъ того, гдѣ ихъ общій врагъ и въ чемъ единственный путь къ спасенію народовъ отъ массо-

выхъ кровопролитій, которыми характеризуется вся имперіалистская эпоха.

Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что на любомъ европейскомъ конгрессѣ державъ всѣ имперіалистскія правительства, несмотря на раздѣляющія ихъ разногласія, единогласно признали-бы, что критерій оборонительной и наступательной войны долженъ остаться въ силѣ. И они были-бы со своей точки зрѣнія правы. Пусть только попрежнему будетъ признанъ народами самый этотъ принципъ. А ужъ убѣдить потомъ «свой» народъ, что обороняемся «мы», а нападаютъ «они»—это будетъ не такъ уже трудно...

Понятіе оборонительной и наступательной войны.

Мы уже отмѣчали, что слѣдуетъ различать не только между двумя эпохами, но и между двумя понятіями: оборонительной и наступательной войны въ *историческомъ* смыслѣ и оборонительной и наступательной войны въ *дипломатическомъ* смыслѣ. Остановимся подробнѣе на этомъ различіи.

Что понималось подъ оборонительной и наступательной войной въ прежнюю эпоху національныхъ войнъ? Какъ примѣняли тогда этотъ критерій лучшіе представители демократіи? По какому признаку или по какимъ признакамъ судили они о томъ, гдѣ обороняющаяся, гдѣ нападающая сторона? Если, скажемъ, страна X *первая объявила войну* странѣ У—считалось-ли это достаточнымъ, чтобы страна X признана была нападающей, а страна У обороняющейся? Или, если, скажемъ, въ войнѣ между страной X и страной У—независимо отъ того, кто первый объявилъ войну—войска первой придерживались наступательной стратегіи, а войска второй—оборонительной стратегіи,—то считалось-ли *это* достаточнымъ, чтобы объявить страну X наступающей и страну У обороняющейся? Или если были на лицо оба признака, т. е. страна X *и* первая объявила войну *и* войска ея придерживаются наступательной стратегіи, вторгаются въ страну непріятеля—то достаточно-ли было *этого* для объявленія страны X наступающей стороной?

Нѣтъ! Ни дипломатическая, ни стратегическая стороны вопроса не являются исчерпывающими. Рѣшающимъ является иной, гораздо болѣе важный моментъ: оцѣнка подъ угломъ зрѣнія *всего историческаго развитія*. Какая сторона борется за созданіе національнаго государства, за устраненіе связаннаго съ полуфеодальными отношеніями иноземнаго владычества, національной раздробленности? Какая сторона своей войной

даетъ исходъ длинному ряду національныхъ движеній внутри страны, въ какой странѣ войнѣ предшествовали долгіе годы національнаго гнета и, какъ реакція противъ него,—долгіе годы національнаго движенія, національной борьбы противъ него? Другими словами: какая сторона борется за то, что лежитъ по линіи историческаго прогресса? Вотъ чѣмъ рѣшается вопросъ. Не то государство ведетъ наступательную войну, которое первое объявило другому войну—это можетъ быть, можетъ и не быть. А то государство ведетъ наступательную войну, которое по всей ситуаціи, по всему стеченію обстоятельствъ мѣшаетъ созданію единаго національно-капиталистическаго государства. То государство ведетъ наступательную войну, которое своей войной отстаиваетъ политику, препятствующую историческому прогрессу въ вышеочерченномъ смыслѣ. И—обратно. Не то государство ведетъ оборонительную войну, которому война объявлена была другимъ государствомъ или которое первое подверглось военному нападенію, вторженію непріятельскихъ войскъ и т. п.—это можетъ быть, можетъ и не быть. А то государство ведетъ оборонительную войну, которое по всему положенію вещей защищаетъ, *обороняетъ* историческій прогрессъ отъ покушенія чужестраннаго насильника, ведетъ войну за упраздненіе полу-феодальной раздробленности, за созданіе національно-капиталистическаго государства. Капитализмъ, по сравненію съ феодализмомъ, есть историческій прогрессъ. По сравненію съ капитализмомъ историческимъ прогрессомъ является только соціализмъ. Поэтому, въ эпоху національныхъ войнъ оборонительную войну можно было вести только защищая національно-капиталистическое единство противъ феодальной и полу-феодальной раздробленности. Поэтому, въ эпоху имперіалистическихъ войнъ, въ эпоху войнъ, ведущихся при высшей стадіи, при максимальной зрѣлости капитализма, оборонительную войну можно вести только, защищая тутъ или тамъ побѣдившее *соціалистическое* государство противъ капиталистическаго, имперіалистическаго государства. Въ этомъ смыслѣ Фр. Энгельсъ въ 1882 году и писалъ Карлу Каутскому, что онъ послѣ побѣды пролетаріата, послѣ завоеванія имъ власти не считаетъ исключенными оборонительныя войны, т. е. войны, въ которыхъ пролетаріатъ будетъ защищать, *оборонять* соціалистическія завоеванія противъ исторически отжившихъ капиталистическихъ государствъ...[1])

[1]) См. письмо Фр. Энгельса къ Каутскому по вопросу о колоніальной въ брошюрѣ Каутскаго «Sozialismus und Kolonialpolitik» 1907 г. нѣм. изд., стр. 79. Каутскій въ самомъ началѣ эпохи германскаго имперіа-

Такимъ образомъ, мы должны точно различать между наступательной и оборонительной войной въ *историческомъ*, коренномъ смыслѣ и—оборонительной и наступательной войной въ *дипломатическомъ* (и стратегическомъ), второстепенномъ смыслѣ. Параллелизмъ между тѣмъ и другимъ вовсе не обязателенъ. Возможны случаи, когда оборонительная въ *историческомъ* смыслѣ война является наступательной *въ дипломатическомъ или стратегическомъ смыслѣ*, и обратно. Таковы напр войны великой французской революціи, о которыхъ мы говорили въ 1-ой главѣ. Будучи иногда въ дипломатически-стратегическомъ отношеніи чисто наступательными, онѣ въ историческомъ

лизма запросилъ Энгельса, какъ относятся англійскіе рабочіе къ англійской колоніальной политикѣ. На это Энгельсъ отвѣтилъ письмомъ отъ 12 сентября 1882 года. Въ виду большого интереса, который представляетъ это письмо, мы приведемъ его здѣсь полностью.

«Вы спрашиваете меня, что думаютъ англійскіе рабочіе о колоніальной политикѣ? Рѣшительно то-же самое, что они думаютъ о политикѣ вообще. Здѣсь не существуетъ вѣдь рабочей партіи, здѣсь существуютъ только консерваторы и либеральные радикалы, а рабочіе усердно соучаствуютъ въ потребленіи (zehren flott mit) тѣхъ благъ, которыя несетъ съ собой англійская монополія на міровомъ рынкѣ и въ колоніяхъ. На мой взглядъ колоніи въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. страны, заселенныя европейскими пришельцами—Канада, Капландія, Австралія—всѣ станутъ самостоятельными. Напротивъ того, колоніи, которыя заселены туземнымъ населеніемъ, но находятся подъ властью европейцевъ—Индія, Алжиръ, голландскія, португальскія и испанскія владѣнія—пролетаріатъ временно возьметъ въ свои руки и поведетъ ихъ какъ можно скорѣе навстрѣчу самостоятельности. Какъ будетъ протекать этотъ процессъ—сказать трудно. Индія, быть можетъ сдѣлаетъ революцію, это даже очень вѣроятно. И такъ какъ освобождающій себя пролетаріатъ не можетъ вести колоніальныхъ войнъ, придется представить это ходу событій, при чемъ, разумѣется, не обойдется безъ различнаго рода разрушеній. Но этого нельзя отдѣлить ни отъ какой революціи. То-же самое возможно и еще въ другихъ странахъ напр. въ Алжирѣ и Египтѣ, и это было бы для насъ несомнѣнно лучшимъ исходомъ. У насъ будетъ достаточно работы дома. Когда Европа и Сѣв. Америка будутъ реорганизованы (т. е. реорганизованы на соціалистическихъ началахъ. Г. З.), это создастъ такую колоссальную силу и такой примѣръ, что полуцивилизованные народы совершенно произвольно ganz von selbst, потянутся по тому же пути. За это ручаются уже сами экономическія потребности. Но черезъ какія соціальныя и политическія формы эти страны должны будутъ тогда пройти, пока онѣ тоже придутъ къ соціалистической организаціи;—относительно этого, я полагаю, мы можемъ нынѣ высказывать только довольно праздныя гипотезы. Одно только несомнѣнно: *побѣдоносный пролетаріатъ не можетъ пытаться насильно осчастливить какой нибудь чужой народъ, ибо иначе онъ рисковалъ бы подорвать свою собственную побѣду*. Чѣмъ, разумѣется, ни въ коемъ случаѣ не исключаются различнаго рода оборонительныя войны. (Имѣются въ виду оборонительныя войны побѣдившаго въ той или иной странѣ соціалистическаго пролетаріата противъ странъ, желающихъ удержать капитализмъ и потому угрожающихъ существованію соціализма въ другихъ странахъ. Г. З.).

смыслѣ могутъ быть названы *оборонительными войнами.* Ихъ историческое значенiе заключалось въ томъ, что онѣ должны были защитить завоеванiя великой французской революцiи отъ сосѣднихъ монархiй, стремившихся возстановить во Францiи старый режимъ. Если-бы революцiонной Францiи не удалось отразить натиска Англiи, которая защищала уже и тогда свое колонiальное первенство, если-бы въ войнахъ противъ контръ-революцiонной Австрiи и т. д. Францiя не устояла,—она не смогла-бы защитить, отстоять, *оборонить* завоеванiя 1789 года.

Нѣсколько еще болѣе близкихъ историческихъ примѣровъ лучше всего пояснятъ дѣло. Для краткости мы будемъ употреблять только два термина: оборонительная война въ смыслѣ *историческомъ* и оборонительная война въ смыслѣ *дипломатическомъ.*

Итальянская война 1859 г., какъ примѣръ войны оборонительной въ историческомъ, но не въ дипломатическомъ смыслѣ слова.

Итальянская война 1859 *года.* Это—классическiй примѣръ нацiональной войны. Это—типичная оборонительная, въ *историческомъ* смыслѣ слова, война. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ стратегически-дипломатическомъ смыслѣ дѣло обстояло вовсе не такъ просто. Въ Италiи давно уже ширилось и расло нацiональное движенiе противъ австрiйскаго чужеземнаго гнета. Послѣ Крымской войны дипломатическое положенiе дѣлъ сложилось такъ, что Австрiя оказывалась на международной аренѣ болѣе или менѣе изолированной. Кавуръ, главный политическiй вождь Пьемонта, имѣлъ всѣ основанiя считать, что данный моментъ наиболѣе удобенъ для итальянской войны противъ Австрiи. Онъ начинаетъ усиленно готовиться къ войнѣ, укрѣпляя армiю,

„Исторiя въ Египтѣ подстроена русской дипломатiей. Гладстонъ долженъ взять Египетъ, (котораго онъ далеко еще не имѣетъ, а, если бы и имѣлъ, далеко еще не могъ бы удержать), съ тѣмъ, чтобы Россiя взяла Арменiю; и это Гладстонъ, конечно, опять не преминетъ объявить освобожденiемъ христiанской страны отъ магометанскаго ига. *Все остальное въ этой исторiи видимость, предлогъ, обманъ.* Удастся-ли этотъ милый планъ—это скоро выяснится». (Послѣднiй абзацъ письма относится къ занятiю Египта англичанами послѣ возстанiя египтянъ. Незадолго до этого было опубликовано посвященное этому письмо Энгельса отъ 9 августа 1882 года, въ которомъ онъ предостерегалъ отъ того, чтобы къ египетскому нацiональному движенiю относились только съ точки зрѣнiя чувства. Изъ этого сдѣлали выводъ будто Энгельсъ съ сочувствiемъ относится къ аннексiи Египта Англiей. Письмо показываетъ, что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности.

создавая благопріятную почву для вербовки многочисленныхъ волонтерскихъ отрядовъ и т. п. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усиленно подготовляетъ почву для войны и въ *дипломатическомъ* отношеніи. Онъ ищетъ союзника. И—находитъ его въ лицѣ Наполеона III.

По приглашенію Наполеона III Кавуръ ѣдетъ къ нему въ Пломбьеръ на тайное свиданіе и тамъ въ строжайшей тайнѣ даже отъ правительствъ обѣихъ странъ они заключаютъ наступательный союзъ противъ Австріи. Наполеонъ дипломатическимъ путемъ прежде всего подготовитъ нейтральность Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ сдѣланы всѣ нужные шаги для укрѣпленія армій—французской и пьемонтской. Устанавливаются всѣ детали. Франція дастъ армію въ 200.000 человѣкъ, и ею будетъ командовать самъ Наполеонъ III. Пьемонтъ выставитъ армію въ 100.000 человѣкъ. Арміи соединятся въ такомъ-то мѣстѣ и проведутъ такой-то стратегическій планъ. Въ случаѣ частичнаго успѣха Наполеонъ III получитъ въ видѣ компенсаціи только Савойю, въ случаѣ большаго успѣха (т. е. если Сардинія присоединитъ, также Парму и Модену)—еще и Ниццу.

Кавуръ настолько горитъ желаніемъ броситься въ долгожданную борьбу за итальянскую независимость, что онъ готовъ *первый* объявить войну Австріи, не считаясь съ тѣмъ, что этотъ вызовъ создастъ неблагопріятное впечатлѣніе и покажетъ всему міру, что въ *дипломатическомъ* отношеніи эта война—наступательная со стороны Италіи. Но Наполеонъ III дѣйствуетъ хладнокровнѣе и осторожнѣе. Путемъ всевозможныхъ дипломатическихъ ухищреній онъ старается добиться того, чтобы первой непремѣнно объявила войну Австрія. Кавуръ часто приходитъ въ отчаяніе отъ этихъ выжидательныхъ пріемовъ Наполеона III. Ему кажется, что медлительностью Луи Наполеонъ губитъ дѣло. Былъ моментъ, когда могло казаться, что создается такое дипломатическое положеніе, при которомъ самая война станетъ вообще невозможной. Кавуръ въ отчаяніи готовъ былъ наложить на себя руки. Это было въ тотъ моментъ, когда Англія по просьбѣ Австріи, предложила рѣшить спорные вопросы на конгрессѣ съ тѣмъ, однако, чтобы Сардинія предварительно разоружилась, такъ какъ иначе конгрессъ не могъ-бы-де спокойно засѣдать. Наполеонъ III сдѣлалъ видъ, будто онъ согласенъ и на это. Онъ потребовалъ только... чтобы и Австрія тоже разоружилась. Австрія не могла пойти на это, зная, что въ Піемонтѣ сдѣланы уже всѣ военныя приготовленія, и не сомнѣваясь въ томъ, что война такъ или иначе разразится. Къ тому-же финансовое положеніе Австріи было таково, что она могла либо

начать войну сейчасъ, либо совсѣмъ не могла-бы ея начать. Военные расходы достигли высшаго предѣла. Начавъ войну, Австрія могла прибѣгнуть къ принудительнымъ внутреннимъ займамъ, могла прекратить рядъ платежей и такимъ образомъ справиться съ финансовымъ кризисомъ. Отложивъ войну, Австрія создала-бы себѣ новыя громадныя финансовыя затрудненія. Жребій былъ брошенъ. Австрія не могла больше на оттяжки и диверсіи отвѣчать контръ-диверсіями. Она вынуждена была *первая* объявить войну Сардиніи. Она послала ей свой извѣстный ультиматумъ—разоружиться въ теченіе трехъ дней. Получивъ этотъ ультиматумъ, Кавуръ ожилъ. Этотъ ультиматумъ *означалъ войну.* Кавуръ настолько обрадовался ультиматуму, что чуть не бросился на шею австрійскому послу, передавшему ему этотъ документъ. Кавуръ плакалъ отъ радости, какъ ребенокъ, когда обступившіе его друзья поздравляли его съ войной.

Австрія *первая* объявила войну Италіи въ 1859 году и австрійскія войска *первыя* перешли границу. Но въ *дипломатическомъ* отношеніи нападающей стороной была *не* она. Ей выгоденъ былъ status quo. Ей война не нужна была, она хотѣла-бы ее избѣгнуть. Въ *дипломатическомъ* отношеніи это была наступательная война со стороны противниковъ Австріи. Но въ болѣе глубокомъ, единственно важномъ, *историческомъ* смыслѣ это была война оборонительная для Италіи, война, въ которой создавалось исторически-прогрессивное итальянское единство, война въ которой уничтожалась полу-феодальная національно-государственная раздробленность.

Какой смыслъ имѣлъ *дипломатическій* поединокъ между Наполеономъ III и Австріей? Почему обѣ стороны такъ усиленно добивались, чтобы именно противникъ первый объявилъ войну?

Разумѣется, потому, что и тогда руководители иностранной политики желали использовать въ своихъ интересахъ тотъ эффектъ, который производитъ на массы населенія первый шагъ. Каждой сторонѣ хочется возложить въ глазахъ массъ весь Odium за войну на противника, каждая сторона желаетъ выставить зачинщикомъ другого.

Вотъ какъ описываетъ эффектъ отъ австрійскаго ультиматума одинъ изъ современниковъ, лично пережившихъ событія, Н. Г. Чернышевскій:

— «Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутого образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную

наглость Австріи. *Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соотвѣтствовавшаго видамъ Тюильри.* Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицей войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды». [1])

Дальновидные люди, какъ Н. Г. Чернышевскій, уже въ моментъ событій видѣли и знали, что *дипломатически* войну вызвала не Австрія. Знали, это, конечно, и протестовавшія нейтральныя державы. Но для широкихъ массъ народа, для тѣхъ милліоновъ, для которыхъ общественное мнѣніе дѣлаютъ «газеты цѣлой Европы», для нихъ нападающей стороной и въ смыслѣ дипломатическомъ выставлена была Австрія.

Таковъ примѣръ итальянской войны 1859 года. Мы видимъ въ ней цѣлый клубокъ отношеній. Наполеонъ III помогаетъ Италіи изъ своекорыстныхъ «компенсаціонныхъ» интересовъ. До національной свободы ему, по существу, столько-же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Ему нужны Савойя и Ницца, ему нужно упрочить свой авторитетъ въ концертѣ державъ, чтобы тѣмъ укрѣпить свое положеніе внутри Франціи. Въ итальянской войнѣ онъ является защитникомъ историческаго прогресса—поневолѣ. И то-же относится къ дореформенной-реакціонной Россіи, которая своимъ нейтралитетомъ облегчаетъ борьбу Италіи противъ австрійскаго гнета.

И тѣмъ не менѣе война 1859 г. въ *историческомъ* смыслѣ была оборонительной, справедливой со стороны Италіи, т. е. войной, въ которой Кавуръ и Гарибальди обороняли дѣло прогресса, дѣло національно-буржуазнаго государственнаго объединенія противъ феодальнаго національно-государственнаго раздробленія.

Австрія была въ войнѣ 1859 года въ историческомъ смыслѣ *нападающей* стороной *не* потому, что она первая объявила войну, *не* потому, что ея войска первыя перешли границу, а—*не взирая* на то, что дипломатическая наступательная тактика Кавура и его союзниковъ принудила Австрію первой объявить войну. Италія (Піемонтъ) была въ 1859 году *обороняющейся* стороной не потому, что ей первой врученъ былъ ультиматумъ, а—*несмотря* на то, что она сама намѣренно вызвала врученіе этого ультиматума.

Рѣшающимъ является *историческій* смыслъ войны. Дипломатическая подготовка играетъ совершенно подчиненную роль. Таковъ урокъ, вытекающій изъ войны 1859 года.

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій, томъ V, Политика, стр. 166

Еще больше интереса представляетъ болѣе близкій къ намъ по времени—въ своемъ родѣ тоже классическій—примѣръ франко-прусской войны 1870—71 г. Обратимся къ дипломатической исторіи этой послѣдней изъ большихъ національныхъ войнъ въ Европѣ. На ней стоитъ остановиться подробнѣе.

Франко-прусская война 1870 71 г., какъ примѣръ войны оборонительной въ историческомъ и наступательной—въ дипломатическомъ смыслѣ слова.

Марксъ и Энгельсъ предсказывали, что неизбѣжнымъ результатомъ австро-прусской войны 1866 года будетъ новая война, въ которой Пруссіи придется встрѣтиться грудь съ грудью съ Франціей. Тѣмъ не менѣе война 1870 года была большой неожиданностью для всѣхъ соціалистовъ,—да и не для нихъ однихъ.

Еще въ началѣ іюля 1870 года, т. е. за какихъ-нибудь двѣ недѣли до начала войны, французская палата депутатовъ постановила *понизить* военный контингентъ съ 100000 рекрутъ до 90000. При этомъ военный министръ Лебефъ заявилъ, что онъ охотно соглашается и это пониженіе, ибо самъ желаетъ подчеркнуть миролюбивыя стремленія его министерства. А предсѣдатель совѣта министровъ Оливье на запросъ деп. Жюля Фавра замѣтилъ, что никогда еще миръ не былъ такъ обезпеченъ, какъ въ данный моментъ—ибо политическій небосклонъ совершенно ясенъ, нѣтъ ни одного такого боевого вопроса, который въ настоящій моментъ могъ-бы нарушить миръ. А между тѣмъ въ эти дни миръ висѣлъ уже на волоскѣ. За кулисами шли послѣднія приготовленія къ войнѣ...

Была-ли война 1870-71 г. въ дипломатическомъ смыслѣ наступательной со стороны Пруссіи и оборонительной со стороны Франціи, или наоборотъ? Желалъ-ли, готовилъ-ли, вызвалъ-ли эту войну Бисмаркъ, или наоборотъ ее навязалъ ему Наполеонъ? Это вопросъ, относительно котораго въ литературѣ много спорятъ еще и теперь. Цѣлый рядъ въ особенности нѣмецкихъ историковъ *) продолжаютъ, напримѣръ, и теперь отрицать фактъ фальсификаціи Бисмаркомъ знаменитой Эмской

*) См., напр., изложеніе дѣла въ «Энциклопедіи новѣйшей исторіи» основ. *Вильгельмомъ Гербстомъ*, или (Geschihte der neuesten zeit von-Constantin Bulle, Band, 5, или «Gründung des deutschen Reiehcs» fon Wilhelm Mauerenbrecher (194—247). Тотъ-же самый взглядъ можно встрѣтить даже у *Шарля Сеньобоса* («Политическая исторія современной Европы», нѣм. изд., тр. 745). Въ послѣднемъ сочиненіи нѣмецкіе соціалисты сердито обвиняются въ томъ, что они смѣли приписать Бисмарку фальсификацію Эмской [illegible]

депеши. Во всякомъ случаѣ, въ началѣ войны, какъ мы уже видѣли изъ прежняго изложенія, всѣ считали, что нападающей стороной является правительство Наполеона, а Пруссія-де только обороняется. Бебель въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что Либкнехтъ и онъ тогда-же подозрѣвали, что на самомъ дѣлѣ непосредственно нападающей стороной является Бисмаркъ, который годами подготовлялъ войну и теперь вызвалъ ее, только ловко позаботившись съ внѣшней стороны обставить все дѣло такъ, какъ будто на Пруссію напали и она вынуждена обороняться. Но—прибавляетъ Бебель—мы далеко не располагали тогда всѣми данными для утвержденія этого.

Во всякомъ случаѣ, если-бы еще нужны были историческіе примѣры для доказательства того, что критерій наступательной и оборонительной войны въ узкомъ, т. е. дипломатическомъ смыслѣ слова даже въ прежнюю эпоху никуда не годился для соціалъ-демократіи, то исторія франко-прусской войны могла-бы послужить для этого классическимъ примѣромъ. Въ оцѣнкахъ дипломатической стороны дѣла разошлись люди, которые въ идейно-политическомъ отношеніи были самыми близкими единомышленниками. Вся обстановка была такова, что въ моментъ событій вопросъ о непосредственно нападающей сторонѣ дѣйствительно могъ стать чрезвычайно спорнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какова была эта обстановка при возникновеніи войны 1870—71 г.? Поводомъ для объявленія войны послужилъ совершенно случайно возникшій вопросъ о замѣстителѣ испанскаго трона. Одному изъ принцевъ Гогенцоллернской крови (Леопольду) предложено было занять вакантный тронъ въ Испаніи. Сначала онъ 3 раза отказывался, а потомъ согласился. Король прусскій Вильгельмъ I относился къ этой кандидатурѣ совершенно равнодушно, въ началѣ даже враждебно. Извѣстно его письмо къ Бисмарку, въ которомъ онъ заявилъ, что онъ «въ сущности говоря *противъ* всей этой затѣи».

Но въ руководящихъ кругахъ Наполеоновской Франціи пожелали въ этой кандидатурѣ увидѣть casus belli. Принцъ Гогенцоллернской крови на испанскомъ тронѣ есть униженіе для Франціи, есть угроза французскимъ интересамъ—таковъ сталъ пароль военной французской партіи. Дѣло тянется болѣе года. Но вотъ приблизилась развязка. Леопольдъ въ самомъ дѣлѣ готовъ сѣсть на испанскій престолъ. Началась отчаянная шовинистская агитація. Наполеонъ поручаетъ своему послу Бенедетти отправиться къ Вильгельму, находившемуся тогда на водахъ въ Эмсѣ, съ порученіемъ добиться отказа Гогенцоллерн-

скаго принца отъ испанскаго престола. Вильгельмъ заявляетъ Бенедетти, что это дѣло совершенно приватное, его не касающееся. Однако, послѣ настояній и угрозъ со стороны Бенедетти принцъ Гогенцоллернскій беретъ назадъ свою кандидатуру— о чемъ Вильгельмъ радостно сообщаетъ Бенедетти, встрѣтившись съ нимъ на прогулкѣ у источника. При этомъ Вильгельмъ выражаетъ увѣренность, что теперь призракъ военнаго столкновенія между Пруссіей и Франціей исчезъ окончательно.

Но Наполеонъ и его приверженцы на этомъ не успокоились. Они выдвигаютъ новое требованіе: Вильгельмъ долженъ дать торжественную *гарантію*, что онъ и *впредь* ни подъ какимъ видомъ не допуститъ, чтобы кто бы то ни было изъ дома Гогенцоллерновъ принялъ испанскій престолъ. Если Пруссія не желаетъ гарантировать этого Франціи, Франція сумѣетъ постоять за свои интересы, не останавливаясь передъ самыми рѣшительными мѣрами. Это—прямая угроза войной. Но несмотря на это—Вильгельмъ вновь даетъ аудіенцію Бенедетти и въ лойяльно[illegible] ормѣ заявляетъ ему, что въ гарантіяхъ нѣтъ надобности и что Франція можетъ вполнѣ успокоиться послѣ отказа принца Леопольда отъ испанскаго трона. Онъ разрѣшаетъ Бенедетти въ оффиціальномъ донесеніи французскому правительству сослаться на слова короля Пруссіи.

Бенедетти сносится со своимъ правительствомъ и получаетъ порученіе *во что бы то ни стало* добиваться попрежнему торжественныхъ гарантій. Онъ вновь отправляется къ Вильгельму съ прежними домогательствами. Вильгельмъ отказываетъ ему въ новой аудіенціи, но передаетъ ему черезъ своего адъютанта, что отказъ Леопольда состоялся безповоротно и что онъ не видитъ причинъ къ нарушенію мира. Объ остальномъ пусть французское министерство сносится съ прусскимъ кабинетомъ обычнымъ путемъ.

Въ то же время Абекенъ по порученію Вильгельма посылаетъ изъ Эмса подробную депешу Бисмарку, въ которой въ совершенно мирномъ тонѣ излагаются событія послѣднихъ дней, переговоры съ Бенедетти и пр. Бисмарку предоставляется право, если онъ найдетъ это нужнымъ, опубликовать эти свѣдѣнія въ печати.

Когда пришла эта депеша изъ Эмса—разсказалъ впослѣдствіи самъ Бисмаркъ—онъ вмѣстѣ съ Мольтке и Роономъ (два главаря военной прусской партіи) сидѣлъ за обѣдомъ. Пробѣжавъ глазами телеграмму, онъ отдалъ ее своимъ коллегамъ. Когда тѣ прочитали эту Эмскую депешу, у нихъ сразу пропалъ аппетитъ: они видѣли, что дѣло клонится къ миру и что

всѣ ихъ разсчеты на немедленную войну разстраиваются. Тогда, говоритъ Бисмаркъ,—я взялъ у нихъ изъ рукъ депешу и съ карандашемъ въ рукахъ присѣлъ надъ ней у боковою столика. 5 минутъ работы и—телеграмма приняла другой видъ. Когда я теперь показалъ ее Мольтке и Роону въ новой редакціи, они опять повеселѣли. «Вотъ это такъ, теперь это звучитъ иначе»—оживился молчаливый Мольтке — «vorher war es eine Schamade, jetzt ist es eine Fanfare!» И небольшая, но теплая компанія вновь съ аппетитомъ принялась за обѣдъ.

Теперь было ясно, что война обезпечена. Вызывающая Эмская депеша (въ ея фальсифицированномъ видѣ) была опубликована во всей міровой прессѣ, броженіе въ наполеоновскихъ кругахъ усилилось. 19 іюля Франція объявила войну Пруссіи. Французская палата депутатовъ одобрила это важное рѣшеніе наполеоновскаго правительства при оппозиціи небольшого меньшинства.

Такова внѣшняя исторія возникновенія франко-прусской войны. Спрашивается—съ чьей же стороны война эта была въ смыслѣ дипломатическомъ наступательной и съ чьей—оборонительной?

Самъ Бисмаркъ въ его, въ высшей степени интересныхъ, мемуарахъ продолжаетъ настаивать на томъ, что войну провоцировала Франція. Но изъ тѣхъ фактовъ, которые онъ же передаетъ, вытекаетъ, какъ дважды два, что войну подготовилъ и вызвалъ именно онъ, Бисмаркъ.

Въ ночь послѣ Седана—разсказываетъ Бисмаркъ—онъ вмѣстѣ съ группой высокопоставленныхъ офицеровъ на конѣ объѣзжалъ поле сраженія. Было темно, хоть глазъ выколи. Бисмаркъ не зналъ всѣхъ офицеровъ, которые находились въ его свитѣ. Зашелъ разговоръ о причинахъ, непосредственно вызвавшихъ войну. Я—говоритъ Бисмаркъ—замѣтилъ, что совершенно не понимаю французовъ. Я все время полагалъ, что кандидатура принца Леопольда на испанскій престолъ будетъ даже очень пріятна французамъ. Личныя связи съ французскимъ дворомъ у Леопольда всегда были прекрасныя. Къ тому-же, взойдя на испанскій престолъ, онъ долженъ былъ-бы вести *испанскую*, а не прусскую политику. И могло случиться, что онъ сталъ-бы даже помогать Франціи противъ Пруссіи. Ибо, граничa съ Франціей и имѣя рядъ общихъ съ нею интересовъ, Испанія, конечно, должна стараться жить въ добромъ ладу съ могущественной сосѣдкой. Никто не могъ-бы и требовать чтобы Испанія ссорилась съ Франціей въ интересахъ Пруссіи.

Въ эту минуту, къ моей неожиданности, изъ темноты—разсказываетъ Бисмаркъ—раздался голосъ протеста. Оказывается, среди офицеровъ былъ и самъ принцъ Леопольдъ, который протестовалъ противъ предположенія, что онъ, принцъ Гогенцоллернскій, могъ-бы проникнуться французскими симпатіями.

Конечно, я понималъ, что при данной обстановкѣ Леопольдъ не могъ не протестовать, и я даже попросилъ у него извиненія—продолжаетъ Бисмаркъ. Но изъ этого инцидента ясно видно, что я не могъ особенно добиваться испанскаго престола для принца Леопольда.

Можетъ быть, это ни было въ самомъ дѣлѣ такъ. Самый испанскій престолъ не могъ имѣть большой притягательной силы для Бисмарка. Но весь испанскій инцидентъ былъ для него драгоцѣннымъ, какъ незамѣнимый поводъ для войны. При томъ—такой поводъ, который давалъ возможность вину взвалить на другую сторону. Не даромъ Бисмаркъ въ его воспоминаніяхъ говоритъ, что онъ всегда держался того убѣжденія, что даже «побѣдоносныя войны только тогда легко оправдать, когда эти войны являются вынужденными» (или *кажутся* народу вынужденными—могъ-бы онъ сказать).

Во всякомъ случаѣ инцидентъ, разсказанный Бисмаркомъ, ничего не доказываетъ по существу вопроса. Какъ упорно добивался войны Бисмаркъ, видно изъ его собственнаго разсказа, что, когда испанскій инцидентъ повернулъ на мирный исходъ, онъ, Бисмаркъ рѣшилъ подать въ отставку. О своемъ категорическомъ рѣшеніи—онъ сообщилъ уже даже военному министру Роону и начальнику генеральнаго штаба Мольтке. Онъ, видите-ли, не могъ стерпѣть такого «интернаціональнаго безстыдства» (internationale Unverschämtheit) со стороны Франціи. Своею честью и честью Пруссіи онъ не могъ пожертвовать въ пользу «политики». А «отступленіе» Пруссіи въ испанскомъ конфликтѣ равнялось, въ его глазахъ, униженію.

Его отставка рѣшена. Она у него въ карманѣ. Но вотъ блеснула новая надежда на войну. Пришла Эмская депеша. Онъ «не прибавилъ въ ней ни одного слова», онъ только «сократилъ» ее и измѣнилъ «формулу» ея такъ, что «въ новой редакціи депеша пріобрѣла *характеръ послѣдняго слова* (только!!!)—межъ тѣмъ какъ въ прежней формулировкѣ она имѣла видъ одного изъ эпизодовъ продолжающихся еще переговоровъ, которые должны теперь еще вестись въ Берлинѣ» [1]). *Только*! Не больше, не меньше...

[1]) См. «Gedanken und Erinnerungen» von Furst Otto von Bismark, Band II. въ особенности главу объ Эмской депешѣ, s. 78—93.

Испанскій инцидентъ былъ удобнымъ для Бисмарка casus'омъ belli еще и потому, что, какъ онъ надѣялся (см. его мемуары), Испанія сочтетъ себя обиженной за вмѣшательство Франціи въ ея внутреннія дѣла (вопросъ о престолѣ) и тоже объявитъ войну Франціи. Этого, какъ извѣстно, не случилось. Испанія предала насъ (im Stich gelassen)—меланхолически замѣчаетъ Бисмаркъ по этому поводу...

Въ своихъ мемуарахъ Бебель разсказываетъ, что на него и его друзей произвело огромное впечатлѣніе то обстоятельство, что, какъ только война была провозглашена, оказалось, что прусская армія находится въ полнѣйшей боевой готовности вплоть до самыхъ мелкихъ деталей. Это лучше всего открыло глаза Бебелю и его единомышленникамъ на счетъ того, гдѣ слѣдуетъ искать непосредственно нападающую сторону. Но—съ другой стороны изъ цѣлаго ряда важнѣйшихъ эпизодовъ, предшествовавшихъ объявленію войны, вытекало, что задираетъ, нападаетъ, провоцируетъ войну правительство Наполеона. О фальсификаціи Бисмаркомъ Эмской депеши въ то время никто не могъ догадываться. Германская дипломатія тщательнѣйшимъ образомъ, конечно, скрывала эту «профессіональную тайну». Проницательности Вильгельма Либкнехта дѣлаетъ большую честь то обстоятельство, что уже 1873 году, сейчасъ-же послѣ выхода въ свѣтъ оффиціальнаго сочиненія прусскаго генеральнаго штаба о франко-прусской войнѣ, онъ сталъ догадываться, что Эмская депеша была фальсифицирована и сталъ публично обвинять въ этомъ Бисмарка въ печати. *) Но въ самомъ началѣ событій и Либкнехтъ не видѣлъ всѣхъ «тонкостей» игры Бисмарка...

Черезъ три десятилѣтія послѣ событій Жоресъ написалъ цѣлое изслѣдованіе о франко-прусской войнѣ. Меньше всего онъ, конечно, хотѣлъ оправдывать Бисмарка и бисмарковскую Пруссію. Но и изъ его изложенія ясно, что добрая доля вины за войну 1870—71 г. лежала на бонапартистской Франціи. И, во всякомъ случаѣ, ясно, что положеніе было чрезвычайно сложно и запутано—такъ что въ моментъ, когда событія переживались, совсѣмъ не легко было сказать, гдѣ-же непосредственный виновникъ войны.

Бисмаркъ, начиная съ 1867 года, ведетъ систематическую интригу, чтобы втравить Францію въ войну. Испанскій инци-

*) См. перепечатку этихъ статей Либкнехта изъ «Volksstaat'a» въ его брошюрѣ «Die Emser Depesche, oder wie Kriege gemacht werden». Nürnberg 1891 года.

дентъ ему чрезвычайно на руку, ибо даетъ шансъ создать положеніе, при которомъ для внѣшняго міра непосредственно нападающей стороной будетъ Франція. Но съ другой стороны—говоритъ Жоресъ—весь 1869 годъ правительство Луи Наполеона лихорадочно готовитъ наступательный союзъ Франціи плюсъ Австрія плюсъ Италія противъ Пруссіи. Нерѣшительность проявляетъ больше всего Австрія, боящаяся наступательныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, но безусловно соглашающаяся заключить оборонительный союзъ противъ нея. Еще наканунѣ самого объявленія войны въ іюлѣ 1870 года дипломатія Наполеона III тѣшила себя мыслью, что Австрія активно поддержитъ Францію противъ Пруссіи.

Бисмаркъ хитрилъ и прятался. Жоресъ предполагаетъ, что въ разгарѣ конфликта Бисмаркъ съ Рооиомъ и Мольтке умышленно уѣхали «на дачу», чтобы передъ широкой публикой установить нѣчто вродѣ своего alibi, т. е. чтобы успѣшнѣе можно было сваливать вину за провокацію войны на Францію. Но и французскій министръ де-Грамонъ велъ себя, по выраженію Жореса, какъ слѣпой и потерявшій голову человѣкъ. Онъ произносилъ угрожающія рѣчи, онъ разжигалъ страсти, онъ ставилъ невозможныя требованія. Уже послѣ отказа Леопольда отъ испанской кандидатуры Бенедетти телеграфируетъ де-Грамону, что дальнѣйшія демонстраціи со стороны Франціи неизбѣжно вызовутъ войну. Но бонапартистское министерство продолжаетъ упорствовать. Ему кажется, что моментъ благопріятенъ для натиска на Пруссію.

Въ послѣднюю минуту отдѣльные вліятельные члены палаты депутатовъ пробуютъ задержать войну. Тьеръ заявляетъ, что это сумасшествіе («c'est une folie») со стороны французскаго правительства. Ему вторятъ и другіе голоса. Но—уже поздно. Конфликтъ зашелъ черезчуръ далеко.

Картина у Жореса ясна: *двѣ* сѣти интригъ неустанно плелись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до войны 1870—71 г.г. На берегахъ Сены работали для провокаціи войны столь-же усердно, сколь и на берегахъ Шпрее. Бисмаркъ перехитрилъ министровъ Луи Наполеона. Теперь, послѣ событій, это ясно. Но отвѣтственность за войну не можетъ быть снята и съ авантюристскаго правительства Бонапарта... *)

---

*) См. «Historie Sosialist», Tome XI, La guerre Franco-Allemande, par Jean Jaures, стр. 163, 166, 169, 175, 176, 178, 179, 195, 241 въ главѣ «Qui est responsable de la querre?»; ср. также интересную статью о *книгѣ Жореса, В. Вейъ-Равенштейна,* Neue Zeit, 1908, I 388, 399.

Другой французскій соціалистъ (теперь—бывшій соціалистъ), который также никогда не питалъ большихъ симпатій къ нѣмцамъ, Гюставъ Эрве еще въ 1905 году не рѣшается сказать опредѣленно, кто былъ непосредственно нападающей стороной въ войнѣ 1870—71 г.: Франція или Германія. «Войну первая объявила въ 1870 году Франція—пишетъ Эрве. Но если правда, что Бисмаркъ, какъ онъ самъ хвасталъ, поддѣлалъ текстъ пресловутой Эмской депеши, тогда надо признать, что и нѣмецкое правительство несетъ по меньшей мѣрѣ половину отвѣтственности за это объявленіе войны» *).

Примѣръ франко-прусской войны способенъ убѣдить только въ одномъ: формальный критерій, сводящійся къ тому, кто первый напалъ, кто первый провозгласилъ войну, *не* даетъ соціалъ-демократіи исходной точки для опредѣленія ея тактики въ связи съ войной. И если-бы германскіе соціалъ-демократы во время франко-прусской войны руководились только этимъ формальнымъ критеріемъ, они всѣ надѣлали-бы массу ошибокъ и недалеко ушли-бы въ дѣлѣ выполненія своихъ отвѣтственныхъ задачъ.

Какимъ-же, summa summarum, представляется теперь положеніе дѣлъ во время франко-прусской войны?

Въ отношеніи стратегически-дипломатическомъ нападающей стороной выступилъ Наполеонъ III. Онъ первый объявилъ войну, его войска первыя перешли границу. Но, съ другой стороны, факты показали, что къ этому путемъ ловкихъ маневровъ *принудилъ* его Бисмаркъ—совершенно такъ-же въ 1859 году самъ Наполеонъ III принудилъ къ такимъ шагамъ Австрію. Въ самый моментъ событій, въ виду необычайной сложности обстановки, этого могли не видѣть даже самые передовые люди своего времени. Отсюда вытекли частныя ошибки. Но ссылаться на эти ошибки, возводить ихъ въ теорію, какъ это дѣлаютъ теперь соціалъ-шовинисты—значитъ сознательно запутывать вопросъ.

Формально дипломатическимъ виновникомъ войны былъ Наполеонъ III. *Фактически* имъ и былъ въ гораздо большей степени Бисмаркъ. Но весь вопросъ о дипломатическихъ виновникахъ войны отступалъ на задній планъ передъ вопросомъ о всемірно-*историческомъ* значеніи ея. Въ *историческомъ* смыслѣ это была война оборонительная для Германіи—и въ этомъ отношеніи ничего не могутъ измѣнить мошенническія продѣлки

*) Gustav Hervé «Leur Patrie» стр. 135.

Бисмарка. Могло-бы случиться, что въ силу стеченія обстоятельствъ и дипломатическихъ перипетій первымъ прямо объявилъ-бы войну Бисмаркъ, какъ могло-бы случиться въ 1859 г., что первымъ объявилъ-бы войну Кавуръ. Интриги Бисмарка могли быть еще грязнѣе, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Въ *историческомъ* смыслѣ Пруссія все-таки вела-бы оборонительную войну. Почему?— Потому, что для Пруссіи, какъ мы уже говорили много разъ, дѣло шло о завершеніи исторически прогрессивнаго объединенія Германіи и объ уничтоженіи феодальной раздробленности. Потому, что бонапартистская Франція въ теченіе долгаго времени стояла прямымъ препятствіемъ на пути къ этому объединенію, потому, что Наполеонъ 3 прямо мѣшалъ этому объединенію. Вся его позиція въ Европѣ имѣла необходимой предпосылкой національную раздробленность Германіи. Даже послѣ 1866 г. Наполеонъ III, какъ мы видѣли, продолжалъ выторговывать себѣ «компенсаціи» на нѣмецкой сторонѣ Рейна. Наполеонъ III былъ теперь *главнымъ* врагомъ, мѣшавшимъ объединенію Германіи. Побѣда надъ Наполеономъ 3 съ полной несомнѣнностью обезпечивала двѣ вещи: 1) она приносила съ собой объединеніе Германіи: при удачѣ—объединеніе снизу, революціоннымъ путемъ, при неудачѣ—объединеніе хотя бы сверху, путемъ Бисмарковскимъ; 2) она освобождала Францію отъ бонапартизма, она уничтожала въ лицѣ Бонапарта злѣйшаго представителя всеевропейской реакціи.

Вотъ почему—совершенно независимо отъ того, кто былъ нападающей стороной въ *дипломатическомъ* смыслѣ — вѣрно было мнѣніе, которое считало, что въ *историческомъ* смыслѣ нападающей стороной является Наполеонъ, а обороняющейся— Германія.

Изъ этого правильнаго мнѣнія нѣкоторые соціалисты того времени дѣлали глубоко ложный выводъ, будто, въ такомъ случаѣ они обязаны слить свою позицію съ позиціей Бисмарка, голосовать за военные кредиты, провозгласить «гражданскій миръ», стать буржуазными патріотами и т. д. Но этотъ выводъ былъ абсолютно не вѣренъ. И въ національной войнѣ, происходящей въ такую эпоху, у соціалистовъ есть свои особыя задачи. Либкнехтъ и Бебель, Марксъ и Энгельсъ, какъ мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, сумѣли создать образецъ *соціалистическаго* поведенія и при такой обстановкѣ.

Война 1877—78 г., какъ переходъ къ новой эпохѣ.

Мы сказали, что война 1870—71 была послѣдней большой національной войной въ Европѣ, по отношенію къ которой (войнѣ) можно было, исходя изъ интересовъ соціализма и демократіи, примѣнять критерій наступательной и оборонительной войны въ *историческомъ* смыслѣ слова.

А война 1877—78 г.? Развѣ не была и она національной войной?

И да, и нѣтъ.

Разумѣется, для сербовъ, болгаръ, румынъ, черногорцевъ дѣло шло о національной независимости и для нихъ война носила національно-освободительный характеръ. Разумѣется, во всѣхъ событіяхъ 1876, 1877, 1878 на Балканахъ сильно звучали ноты національной борьбы, и военныя столкновенія чередовались съ вспышками національныхъ движеній. Но, съ другой стороны, всѣ событія протекали подъ знакомъ имперіалистскаго соревнованія между Россией и Англіей. Эти двѣ державы-гиганты пользовались, какъ пѣшками, маленькими балканскими народами, для которыхъ дѣйствительно вопросъ шелъ о жизни и смерти.

И это лучше всего показалъ Берлинскій конгрессъ. Имперіалистская Англія, опираясь на свое морское могущество и учитывая антагонизмъ между Россией и Австріей, заставила Россію пойти на пересмотръ Ст.-Стефанскаго договора. Въ Берлинъ на конгрессъ 1878 года, какъ стая вороновъ, слетѣлись дипломаты европейскихъ державъ, чтобы урвать для своихъ правительствъ по возможно болѣе лакомому куску. Англія получила островъ Кипръ. Россія вернула себѣ Бессарабію и получила Батумъ, Ардаганъ и Карсъ. Австрія получила протекторатъ надъ Босніей и Герцеговиной. Бисмаркъ за свою работу «честнаго маклера» выговорилъ себѣ различныя льготы для нѣмецкой торговли въ Дарданеллахъ и на Босфорѣ. Больше всего получила Россія. Площадь болѣе чѣмъ въ 30000 кв. километровъ долженъ былъ «уступить» ей султанъ. Франціи, какъ потомъ стало извѣстно, Англія, получившая Кипръ, тогда же, т. е. въ 1878 году, тайно гарантировала Тунисъ. Въ 1881 г. Франція, при молчаливой поддержкѣ Англіи и съ согласія Бисмарка, дѣйствительно и захватила Тунисъ. Кипръ за Тунисъ, Тунисъ на Кипръ! Болгары и сербы борятся за національную независимость; по этому случаю Франція захватываетъ въ Африкѣ Тунисъ! Лучшая иллюстрація того, что уже въ войнѣ 1877—78

имперіалистскіе мотивы играли громадную роль—по крайней мѣрѣ, у главныхъ режиссеровъ драмы.

Что общаго между борьбой за подлинную національную независимость и тѣми имперіалистскими «пріобрѣтеніями», къ которымъ прибѣгли въ этой войнѣ Англія и другія «великія» имперіалистскія державы?

Разумѣется, болгарскій крестьянинъ вкладывалъ въ эту войну всю свою душу. Онъ подлинно боролся за національное освобожденіе. Неслыханный турецкій гнетъ, невиданные разбои вызвали сильное національное движеніе. Иноземный экономическій и культурный гнетъ осложнялся и обострялся чудовищнымъ религіознымъ гнетомъ. Когда болгарскіе солдаты-крестьяне услышали колокольный звонъ въ походной церкви, построенной Кирломъ Румынскимъ, они пришли въ экстазъ. Этотъ колокольный звонъ долженъ былъ казаться имъ откровеніемъ свыше—турки въ продолженіе многихъ лѣтъ запрещали болгарамъ имѣть колокола въ церквахъ. Для болгарскихъ крестьянъ этотъ звонъ былъ вѣстникомъ освобожденія отъ мучительнаго турецкаго ига. Но въ то же время дѣйствительные режиссеры драмы—имперіалисты Англіи, Франціи и т. д.—интересовались совсѣмъ другимъ звономъ: звономъ денегъ, звономъ золота, которыя можно выколотить изъ отторгаемыхъ областей. Національное объединеніе само по себѣ интерессовало ихъ очень мало. Въ результатѣ войны сербскій народъ оказался раздѣленнымъ на 4 части: сербы въ Турціи, сербы въ Черногоріи, сербы въ Австріи и сербы въ собственной Сербіи. Болгары оказались раздѣленными на 2 части. Румыны тоже. Буржуазія «великихъ» державъ безъ зазрѣнія совѣсти кромсала на части маленькія народности, вступившія въ борьбу за свою національную независимость.

Война 1877—78 показала, что даже въ такомъ отдаленномъ уголкѣ Европы, какъ Балканскій полуостровъ, немедленно вмѣшивались державы-гиганты, и въ ихъ имперіалистскомъ соревнованіи растворялись, утопали элементы національной борьбы. Критерій оборонительной и наступательной войны оказался исторически преходящимъ. Наступала новая эпоха, во время которой по всему положенію вещей этотъ критерій терялъ всякій смыслъ. Война въ 1877—78 служила какъ бы переходомъ къ этой новой эпохѣ.

Въ дальнѣйшихъ войнахъ національный элементъ продолжалъ играть извѣстную роль. Но роль эта уже была совершенно подчиненной. Забѣгая впередъ, мы константируемъ, что и въ войнѣ 1914—16 въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Европы національный элементъ тоже еще играетъ кой-какую роль.

Мы говоримъ о національномъ элементѣ въ австро-сербскомъ конфликтѣ. Но это уже только простой эпизодъ, ничтожная частность, не мѣняющая общаго имперіалистскаго фона картины.

Дипломатически-стратегическое пониманіе оборонительной и наступательной войны никогда не могло служить критеріемъ для демократіи. Это показали примѣры и итальянской и франко-прусской войны. Это же показали и войны 20-го вѣка. Примѣры: Балканская война 1912 года (т. е. война славянъ противъ турокъ) и 2-ая балканская война 1913 года (т. е. война «славянъ между собою»). Попробуйте примѣнить къ этимъ войнамъ масштабъ наступательно-оборонительной войны въ *дипломатическомъ* смыслѣ. Первыми объявили войну не турки, а—славяне. Турціи выгоденъ былъ status quo. Ей война не нужна была. Что же, могла демократія сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, что она отдаетъ свое сочувствіе Турціи, яко подвергшейся нападенію? Конечно, нѣтъ! Или возьмите войну 1913 года. Первой войну объявила Болгарія, а не Сербія. *Она* была непосредственнымъ дипломатическимъ виновникомъ ея (мы отвлекаемся здѣсь отъ роли Россіи). Что же, изъ того факта, что Болгарія первая объявила войну и тѣмъ какъ бы выступила въ роли нападающей стороны—могла ли демократія сдѣлать тотъ выводъ, что она должна стать на сторону Сербіи противъ Болгаріи?

Но съ наступленіемъ новой эпохи масштабъ оборонительно-наступательной войны и въ его *историческомъ* смыслѣ отжилъ свой вѣкъ. Ибо вся обстановка, всѣ условія измѣнились. Нѣкогда Вильгельмъ Либкнехтъ, говоря о томъ, что въ случаяхъ наступательныхъ войнъ демократія должна поддерживать обороняющагося, сравнивалъ нападающую сторону съ простымъ разбойникомъ и воромъ, который врывается въ чужой домъ, чтобы оттуда унести что нибудь изъ самаго нужнаго для обитателя дома. Теперь не то. Въ имперіалистскую эпоху война идетъ между цѣлымъ рядомъ матерыхъ воровъ и патентованныхъ разбойниковъ *изъ за дѣлежа имущества (и жизни) третьихъ лицъ*. Тутъ честнымъ людямъ дѣлать нечего—кромѣ какъ подумать о кратчайшемъ пути, ведущемъ къ тому, чтобы обезвредить *всѣхъ* этихъ воровъ, всю почтенную воровскую корпорацію... Когда драка идетъ между двумя грабителями изъ за дѣлежа добычи,—какое дѣло честнымъ людямъ до того, кто изъ нихъ первый нарушилъ кодексъ *разбойничьей* морали? Тутъ просто смѣшно говорить о критеріѣ справедливой оборонительной войны...

Современные рабовладѣльцы.

Въ извѣстномъ смыслѣ *всѣ* войны туземныхъ внѣ-европейскихъ народовъ, служащихъ *объектомъ* имперіалистской политики, являются «справедливыми» оборонительными войнами. Ихъ, т. е. эти народы, дѣлятъ и передѣляютъ. На ихъ живомъ тѣлѣ производятъ вивисекціонные опыты. Ими европейскіе имперіалисты торгуютъ, какъ скотомъ. Крупнѣйшія имперіалистскія державы Европы дѣлятъ между собою цѣлые материки.

Когда незадолго до русско-японской войны Вильгельмъ II уѣзжая съ извѣстнаго свиданія, послалъ съ своего судна пресловутый сигналъ: «адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ адмирала Великаго океана» (т. е. Николая II),—что означало это политически? Это означало, что германскіе имперіалисты предлагаютъ русскому царю и русскимъ имперіалистамъ невозбранно угнетать всѣ народы Азіи на томъ условіи, чтобы царь и русскіе капиталисты предоставили германскимъ имперіалистамъ невозбранно грабить и угнетать всѣ народы Африки. Это было предложеніе прямого дѣлежа міра, раздѣла рабовъ между рабовладѣльцами. Устами Вильгельма II, устами «адмирала Атлантическаго океана» говорилъ *плантаторъ* современности, плантаторъ 20-го вѣка.—

Населеніе колоній является для господъ имперіалистовъ ничѣмъ инымъ, какъ рабочимъ скотомъ. Маленькій примѣръ. Въ 1904 году въ юго-западной африканской колоніи Германіи произошло возстаніе *герера*. Несчастное туземное населеніе не вынесло тѣхъ пытокъ и мучительствъ, которыя годами практиковали по отношенію къ нимъ «цивилизаторы», посланные Вильгельмомъ II. Нѣмецкіе купцы грабили и раззоряли это населеніе и тысячами пускали его по міру, нѣмецкіе офицеры и жандармы въ интересахъ поддержанія «дисциплины» избивали и убивали несчастныхъ герера десятками, издѣвались надъ женщинами, безжалостно обращались съ дѣтьми. Когда герера возстали, Вильгельмъ послалъ свѣжія войска. *Половина* мужского населенія колоніи была безжалостно перебита. Тысячами разогнали этихъ герера вмѣстѣ съ ихъ семьями въ знойные безводные пески и наслаждались тѣмъ, какъ они вмѣстѣ съ семьями *умирали* отъ жажды... Но вотъ прошло десять лѣтъ послѣ этихъ звѣрствъ. Нѣмцы все время испытываютъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ этой колоніи. И у нихъ просыпается сожалѣніе: какъ «нецѣлесообразно» мы поступили, зачѣмъ же мы безразсудно истребили такое большое количество рабочаго скота. Одинъ и

самыхъ выдающихся представителей германскаго имперіализма, *П. Рорбахъ* въ книгѣ «Наша будущая работа въ колоніяхъ» въ 1915 году пишетъ слѣдующія циничныя слова:

«Когда вспыхнуло возстаніе (гереро), подавленіе его не было поручено тогдашнему губернатору Лейтвейну и его опытнымъ старымъ офицерамъ. Вмѣсто этого, послали другого начальника, который не имѣлъ представленія о томъ, что—какъ выразился позднѣе Дернбургъ—*туземцы являются самымъ важнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ* въ африканской колоніи (такъ и сказано: das groesste wirtschaftliche Aktivum). Противъ гереро была проведена истребительная война, и *около половины* народа погибло въ безводныхъ и пустынныхъ пескахъ. Такимъ образомъ и весь скотъ гереро палъ жертвой нецѣлесообразнаго (!) веденія войны. Разумѣется, возставшихъ гереро *надо* было наказать, прежде всего ихъ надо было обезоружить, но истреблять ихъ—это величайшая ошибка. Опасный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, который теперь господствуетъ въ юго-западной Африкѣ, объясняется главнымъ образомъ способомъ веденія войны, примѣненнымъ въ 1904—5 годахъ»*).

Спрашивается, развѣ и это не языкъ рабовладѣльца?

Имперіалисты *всѣхъ* странъ обращаются съ народами, являющимися объектами ихъ имперіалистской эксплуатаціи, какъ съ рабами. Естественно, что рабы бунтуютъ противъ плантаторовъ. Естественно, что, чѣмъ дальше, тѣмъ стремленіе къ свободѣ и независимости будетъ становиться все сильнѣе среди этихъ народовъ и тѣмъ чаще будутъ становиться ихъ оборонительныя войны противъ плантаторовъ.

Соціалисты не могутъ смотрѣть на эти войны колоніальныхъ народовъ противъ европейскихъ имперіалистскихъ владыкъ иначе, какъ на *оборонительныя*, справедливыя войны. И это—независимо отъ того, что непосредственно нападающей стороной, стороной, которая первая начинаетъ войну, иногда являются народы колоній.

Такіе случаи были не разъ.

Англо-бурская война подъ угломъ зрѣнія обороны и наступленія.

Въ 1877 году англійскіе имперіалисты объявили бурскую республику частью Англіи. Въ теченіе ряда лѣтъ они подстерегали добычу и прибѣгали къ мѣрамъ всевозможнаго насилія. Теперь, опираясь на петицію 2500 (!) буровъ, якобы добровольно

[1]) Paul Rohrbach «Unsere koloniale Zukunftsarbeit», Stuttgart 1915 стр. 29, 30.

просившихъ о присоединеніи къ Англіи, англійскіе имперіалисты рѣшили дѣйствовать. Буры сначала покорились. А въ 1881 году, собравшись съ силами, они первые, подъ предводительствомъ Крюгера, Преторіуса и Жубера, напали на англійскую армію генерала Голлэя и нанесли ей чувствительное пораженіе. Это былъ первый актъ англо-бурской драмы, которая къ 1900 году сосредоточила на себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Непосредственно напавшей стороной были буры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—именно буры вели справедливую оборонительную войну.

Таковъ былъ прологъ. Въ 1899—1900 году развернулась сама драма. Напосредственно нападающей стороной опять были буры. 9 октября 1899 года правительство бурской республики послало англійскому правительству ультиматумъ, состоявшій изъ 4-хъ пунктовъ: 1) конфликтъ долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе третейскаго суда, 2) Англія должна отозвать свои войска съ границы, 3) всѣ резервы, отправленные въ южную Африку, начиная съ 1-го іюня, должны быть отозваны назадъ въ Англію, 4) войска, находящіяся на военныхъ судахъ, не должны быть высажены нигдѣ въ южной Африкѣ.

Не дожидаясь окончанія всѣхъ формальностей, связанныхъ съ обсужденіемъ ультиматума въ англійской палатѣ депутатовъ, буры первые напали на англійскія войска. Они были «нападающей» стороной, а англичане формально вели «оборонительную» войну и на весь міръ кричали, что ихъ война справедлива, что на нихъ напали и т. п. И тѣмъ не менѣе англо-бурская война была справедливая война со стороны буровъ, и симпатіи мірового пролетаріата были на ихъ сторонѣ.

Почему? Потому, что бурскій народъ боролся за независимость.*) А англійскій имперіализмъ боролся за то, чтобы заграбить открытые въ 1867 г. залежи діамантовъ въ Кимберлеѣ.

Десятилѣтіями англійскіе имперіалисты угнетали буровъ, эксплуатировали ихъ и экономически и политически. Въ 1896 году представитель Англіи въ южной Африкѣ, Jameson произвелъ кавалерійскую аттаку на буровъ, перебивъ многихъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что дѣйствовалъ въ положеніи «самообороны». А на дѣлѣ просто англійскія ружья «сами выстрѣлили» немного раньше, чѣмъ это входило въ планы англійскаго правительства. Англійское правительство вынуждено было сдѣлать видъ, что оно не довольно своимъ представителемъ. Оно предало его суду, осудивъ на 13

*) Это не мѣшаетъ бурамъ эксплоатировать часть туземцевъ.

мѣсяцевъ тюрьмы, но потомъ амнистировало его въ виду «слабости здоровья». Это было такое же лицемѣріе со стороны англійскихъ имперіалистовъ, какъ знаменитая сочувственная телеграмма Вильгельма 2-го бурамъ, посланная имъ въ связи съ этимъ же происшествіемъ. И англійскіе и нѣмецкіе имперіалисты играли съ бурами, какъ кошка съ мышкой.

Вотъ почему наступательная по внѣшности война буровъ противъ англичанъ была въ дѣйствительности справедливой, оборонительной войной.

Абиссинская война подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія.

Или другой примѣръ: война Абиссиніи противъ Италіи въ 1896 году.

Съ 1881 года Италія стала «пріобрѣтать» земли на африканской сторонѣ Краснаго моря. Залежи золота, слоновой кости, резины, кофе, хлопка и т. п. все больше и больше привлекали сюда аппетиты итальянскихъ имперіалистовъ. 2 мая 1889 королю Италіи Гумберту удалось навязать Менелику договоръ, поставившій Абиссинію въ жестокую экономическую зависимость отъ Италіи. Въ 1894—97 годахъ Кассала уже тоже принадлежала итальянцамъ, которые потомъ за звонкую монету перепродали ее англичанамъ. Итальянскіе имперіалисты все больше чувствовали себя «какъ дома» въ своихъ Эритрейскихъ колоніяхъ («Eritrea— красный, т. е. колоніи на Красномъ морѣ). Но, чтобы окончательно закрѣпить эти колоніи, итальянскій министръ—президентъ Криспи все увеличивалъ здѣшнюю итальянскую армію. Въ 1896 году онъ рѣшилъ увеличить ее еще на 10000 человѣкъ. Тогда Менеликъ, не дожидаясь пока прибудутъ всѣ новыхъ 10000 итальянскихъ солдатъ, напалъ на итальянцевъ съ арміей въ 90000 чел. и 1 марта 1896 года при Абба-Карима разбилъ итальянцевъ на голову. (Послѣ этого въ декабрѣ 1906 года заключенъ былъ итальяно—французско-англійскій договоръ, признавшій независимость Абиссиніи и установившій здѣсь принципъ «открытыхъ дверей»).

Такимъ образомъ, Абиссинія въ 1896 году *первая* объявила войну Италіи. По внѣшности *она* являлась нападающей стороной. Но по существу дѣла она вела справедливую оборонительную войну противъ англійскихъ имперіалистовъ.

Китай и „великія" державы.

Или возьмите Китай, на которомъ особенно усердно упражняли свои аппетиты имперіалистскія державы. Остановимся на Китаѣ нѣсколько подробнѣе.

Классическимъ примѣромъ угнетательской войны эпохи *предъ*-новѣйшаго имперіализма является *война изъ за продажи опіума*, которую вела Англія противъ Китая въ 1840—1842.

Англійская торговля въ Китаѣ была монополіей Англійско-Остъ-Индской компаніи. Въ интересахъ наживы эта компанія приспособлялась къ тогдашнимъ взглядамъ китайскихъ властей, которыя смотрѣли на западныхъ «варваровъ» сверху внизъ и считали, что только по милости сыновей небесной имперіи эти «варвары» пользуются правомъ торговли въ Китаѣ.

Но противъ этого положенія все больше протестовали англійскіе капиталисты.

22 апрѣля 1834 года монополія Остъ-Индской компаніи была отмѣнена спеціальнымъ актомъ англійскаго парламента.*)

Англія все болѣе настоятельно стала добиваться полной «свободы» торговли въ Китаѣ.

На этой почвѣ уже въ 1834—36 г. г. дѣло чуть не дошло до военнаго конфликта. Англія пыталась распоряжаться въ Китаѣ, какъ у себя дома: она полагала, что «международное право данной эпохи вообще не причисляетъ къ сонму народовъ не-христіанскія государства». Такъ объяснялъ поведеніе Англіи защитникъ англійской политики Eitel («ghehistory of Honkong»).

При этихъ, и безъ того чрезвычайно напряженныхъ отношеніяхъ, конфликтъ изъ за продажи опіума сыгралъ рѣшающую роль.

Продажа опіума достигла въ Китаѣ очень большихъ размѣровъ. На рубежѣ 18 столѣтія ежегодный ввозъ опіума достигалъ уже 4100 ящиковъ, т. е. увеличивался въ 20 разъ по сравненію съ тѣмъ, что было 40 лѣтъ тому назадъ. Но въ 1820 году ввозъ равнялся уже 10000 ящик., въ 1830—18000, въ 1835 году—30 тысячъ ящик. **).

Противъ этой торговли опіумомъ, приносившей громадный вредъ китайскому населенію, сѣя среди него пьянство, болѣзни, вырожденіе—теперь рѣшительно выступили китайскія власти. Контрабанда стала строго преслѣдоваться. Китайскій комис-

---

*) Wilhelm Schueler. Abriss der neueren Geschichte Chinas. Gekroente Preisschrift," Verl. von Curtius, Berlin, 1912, S. 128.

**) Ibid, 1.34

саръ Линъ въ 1839 году конфисковалъ и уничтожилъ 20283 ящика опіума. Тѣмъ не менѣе урожай опіума изъ Индіи все таки опять ввезенъ былъ въ Китай.

Линъ перешелъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ заставилъ всѣхъ англичанъ ретироваться въ Гонконгъ. И хотя въ ноябрѣ 1839 г. Линъ предложилъ уже новыя, вполнѣ пріемлемыя для англичанъ, условія торговли опіумомъ, Англія рѣшила воевать.

Началась война. Уже 26 января 1841 года англичане взяли Гонконгъ. Жестокость англичанъ не знала предѣловъ. Китайцы оказывали отчаянное сопротивленіе «этимъ низкимъ существамъ, противъ которыхъ одинаково возмущены и боги и люди». Китайцы не хотѣли отдаваться англичанамъ въ плѣнъ живыми. Въ подвергшихся осадѣ китайскихъ лагеряхъ китайцы, передъ тѣмъ, какъ сдаться превосходнымъ силамъ англичанъ, убивали своихъ женъ и дѣтей и сами кончали массовымъ самоубійствомъ. Китайскіе полководцы—офицеры, генералы—предпочитали сжигать себя сами на кострахъ, чѣмъ сдаваться въ плѣнъ англичанамъ. Такъ велики были звѣрства англичанъ и такъ велика была ненависть къ нимъ со стороны китайцевъ.

Англія, разумѣется, побѣдила несчастный Китай. 29 августа 1842 года въ Нанкинѣ подписанъ былъ миръ. Островъ Гонконгъ, согласно этому миру на вѣчныя времена отходилъ къ Англіи. Кантонъ Шанхай и другія гавани—открыты для англійской торговли. Система монополій—отмѣнена. Англія получаетъ право посылки въ Китай своихъ консуловъ. Китай платитъ 21 милліонъ долларовъ за уничтоженный опіумъ, за военные расходы и т. п.

Такъ открыта была эра великихъ европейскихъ... походовъ противъ Китая.

Миръ 1842 года только на короткое время ослабилъ напряженныя отношенія между Англіей и Китаемъ. Китай не могъ не сопротивляться натиску европейскихъ державъ. Въ «большой» европейской печати говорили открыто о предстоящемъ раздѣлѣ Китая. Къ англійскимъ имперіалистамъ присоединился и Наполеонъ III. Въ 1856—1860 годахъ Китаю пришлось выдержать войну съ Англіей и Франціей. Ненависть противъ англичанъ и ихъ притязаній все росла. Въ Гонконгѣ раскрытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлью отравить всѣхъ жившихъ тамъ англичанъ мышьякомъ. Планъ не удался только потому, что въ пищу (булочки) примѣшана была слишкомъ большая доза мышьяку. До такой степени дошло озлобленіе китайцевъ. Англичане настаивали на расширеніи ихъ правъ въ Китаѣ. Начавъ вой[illegible]

они опять проявили бездну жестокости, бомбардировали и разрушали города. Въ 1858 году они продиктовали Китаю миръ (миръ въ Тяньцзинѣ). Англія добилась того, что для ея торговли открылось еще съ десятокъ китайскихъ портовъ, пересмотрѣны были въ ея пользу торговые тарифы, признано было право назначенія англійскаго посла въ Китаѣ, Китай заплатилъ контрибуцію и т. д. Одинъ изъ пунктовъ договора о мирѣ (7-ой) гласилъ: выраженіе «варвары» не должно болѣе употребляться по адресу хотя-бы одного англійскаго подданнаго *).

Вотъ какими средствами имперіалисты возстановляли свою «честь» и опровергали мнѣніе объ ихъ «варварствѣ **).

Другая имперіалистская держава поступала такимъ-же образомъ. На жестокости, совершенныя китайцами по отношенію къ французскимъ чиновникамъ войска упомянутой державы уже наканунѣ заключенія мира съ Китаемъ отвѣтили тѣмъ, что сожгли 200 дворцовъ и храмовъ, а также цѣннѣйшую библіотеку. И затѣмъ они въ Пекинѣ продиктовали Китаю миръ, въ существенномъ совпадавшій съ тянцзиньскимъ миромъ, но кое въ чемъ еще ухудшавшій его.

Въ ноябрѣ 1860 года генералъ Игнатьевъ принудилъ Китай не только подтвердить Айгунскій договоръ, но и уступить Россіи всю область, лежащую на востокѣ отъ Уссури.

Въ 1880 г. Японія захватываетъ у Китая острова Ziukin.

Въ 1895 г. Россія распространяетъ свою «сферу» еще дальше на сѣверъ, стремясь къ Кореѣ, а Англія беретъ портъ Гамильтонъ, островъ, лежащій на югѣ отъ Кореи.

Въ 1884—85 г. Китаю приходится вести войну съ Франціей, которая отняла у него всю южную часть Кохинхины. Въ іюлѣ 1885 года Китай подписалъ миръ, согласившись не вмѣшиваться въ отношенія между Франціей и Аннамомъ и уплативъ большую контрибуцію.

Въ іюлѣ 1886 г. Бирма окончательно отходитъ къ Англіи

*) Idid. 172.

**) Свою вражду противъ «варварства» европейскія великія державы иллюстрировали наглядно въ 1901 году при заключеніи мира съ Китаемъ послѣ боксерскаго движенія. Согласно этому мирному договору, рядъ боксерскихъ вожаковъ должны были быть обезглавлены. А кромѣ того *надъ трупомъ* уже убитаго вожака Li-bing-nong,а по требованію «великихъ» державъ китайское правительство должно было продѣлать рядъ надругательствъ. Ясно, что при такихъ требованіяхъ пунктъ 7-ой договора былъ совершенно необходимъ...

а въ 1890 г. Китай вынужденъ признать протекторатъ Англіи надъ Гиммалайскимъ государствомъ Zikim *).

Въ 1894—95 г.г. происходитъ японо-китайская война. Обрадовавшись тому, что убійство двухъ миссіонеровъ дало имъ соотвѣтствующій предлогъ, германскіе имперіалисты пригрозили Китаю войной и получили Кіа-Чау «въ аренду» на 99 лѣтъ. *Кіа-Чау за головы двухъ миссіонеровъ!* Такой выгодный гешефтъ германскіе имперіалисты непрочь-бы заключать каждый мѣсяцъ. Въ 1899 году Италія тоже пробовала получить свою «долю», но у Китая хватило силъ указать ей на дверь.

Имперіалистскіе державы не только экспропріировали Китай, не только смотрѣли на него, какъ на объектъ имперіалистскаго хищничества. Онѣ сверхъ того постоянно вмѣшивались во *внутреннія* дѣла Китая, играя тамъ *контръ-революціонную* роль и поддерживая китайскую реакцію. Примѣровъ тому не мало.

Въ началѣ 50-хъ годовъ въ Китаѣ возникаетъ народное повстанческое движеніе, извѣстное подъ именемъ «тайпинга» (Tai-ping—великій миръ). Движеніе это, носившее религіозную окраску (нѣкоторыми чертами оно напоминало движеніе «перекрещенцевъ»), вмѣстѣ съ тѣмъ направлено было противъ господствовавшей китайской династіи. Движеніе пріобрѣтало все большее число сторонниковъ и перекидывалось изъ города въ городъ. Между войсками династіи и войсками тайпинга шла настоящая война. Династія расправлялась съ мятежниками самымъ кровавымъ образомъ.

И войска имперіалистскихъ державъ сочли своимъ долгомъ придти на помощь династіи въ ея кровавой расправѣ съ возставшими. Особенно печальную роль сыграли войска одной благородной державы при изгнаніи мятежниковъ въ 1855 г. изъ Шанхая. Цѣлыхъ 1700 мятежниковъ послѣ сдачи были казнены при дѣятельномъ участіи этой державы. Въ видѣ вознагражденія за это Франція потребовала и добилась расширенія своего Settlements.

Въ дѣлѣ подавленія китайскихъ мятежниковъ въ 1858 году приняла участіе также и Россія—въ видѣ эквивалента за ея пріамурскіе предпріятія.

Но движеніе «тайпингъ» все же продолжалось и въ 60 годахъ. Войскамъ, оставшимся вѣрными китайской династіи, становилось все труднѣе справляться съ движеніемъ. Китайская реакція все больше должна была аппелировать къ «великимъ» европейскимъ державамъ. И тѣ охотно шли ей навстрѣчу—разумѣется,

*) Ibid. 227.

не безъ соотвѣтствующихъ «компенсацій». Въ 1862 году англійскія и французскія войска взяли на себя «очистить» отъ мятежниковъ 50-верстную зону вокругъ Шанхая. Затѣмъ, въ февралѣ 1862 года французы дали 900 солдатъ, а англичане—1000 и соединили эти войска съ вѣрноподданными войсками, находившимися подъ командой Лихунгъ-Чанга, для совмѣстной борьбы противъ тѣхъ-же мятежниковъ...

Традицію этой *контръ-революціонной* политики «великихъ» державъ въ Китаѣ во время китайской революціи 1911 года продолжала имперіалистская Германія. «На сѣверѣ Тсингтау (нѣмецкое владѣніе) было вѣрнымъ убѣжищемъ для многочисленныхъ высокопоставленныхъ китайскихъ чиновниковъ и знати, которые свою жизнь и свое имущество спасали въ этомъ безопасномъ мѣстѣ»—разсказываетъ, намъ въ его премированномъ (нѣмецкимъ оффиціальнымъ вѣдомствомъ) сочиненіи нѣмецъ Шюллеръ *). Страннымъ образомъ этотъ-же авторъ жалуется на то, что «во время возстанія революціонная китайская печать часто разжигала ненависть къ нѣмцамъ... за мнимую (!) поддержку династіи доставкой оружія, амуниціи и т. д. **).

Полноте, г. Шюллеръ, подлинно-ли о «мнимой» поддержкѣ можетъ въ данномъ случаѣ идти рѣчь?..

Можно-ли послѣ всего этого удивляться тому, что ненависть противъ европейскихъ державъ въ Китаѣ сильна? Можно-ли, не впадая въ вопіющее лицемѣріе, говорить о томъ, что Европа вынуждена вести «оборонительныя» войны въ отвѣтъ на вспышки китайскаго фанатизма?

Возьмите даже такъ называемую «боксерскую» войну 1900 г. Въ 1899 г. въ Китаѣ образуется общество «Ta-tiu-hin» (общество большого ножа».

Въ 1900 году въ Китаѣ образовалось тайное общество «большого кулака» (англичане прозвали членовъ этого общества «боксерами»), ставившее себѣ цѣлью борьбу противъ европейцевъ, изгнаніе бѣлыхъ изъ Китая. Дѣло дошло до крайнихъ эксцессовъ. Китайцы проявили много разнузданности въ преслѣдованіи европейцевъ. Они нападали на европейскихъ консуловъ, убили, напр., германскаго консула Вальдерзее и т. п. Европейскія правительства ввели тогда войска въ Китай и отвѣтили звѣрствами и разбоемъ, передъ которыми поступки боксеровъ должны были показаться невинной дѣтской шалостью.

Но — чѣмъ вызвано было самое движеніе боксеровъ?

*) Ibid. 310.
**) Ibid. 319.

тѣмъ, что только лѣнивый не эксплуатировалъ Китая. Тѣмъ, что имперіалисты всѣхъ странъ, какъ стая жадныхъ шакаловъ, набросились на Китай.

Въ 1894 году Китай велъ войну съ Японіей изъ-за Кореи. Японцы побѣдили и въ Шимоносеки продиктовали миръ китайцамъ. Тогда вмѣшались хищники европейскаго имперіализма. Добыча японскаго ихъ собрата не давала имъ спокойно спать. Японія должна была, по Шимонозекскому миру, получить Формозу, Портъ-Артуръ и 1 милліардъ контрибуціи. Корея должна была получить самостоятельность. Тогда противъ Японіи соединились: Россія, Франція и Германія. Для отвода глазъ говорилось о томъ, что вмѣшательство вызвано угрозой независимости сѣвернаго Китая. На дѣлѣ Россія направляла теперь свою экспансію въ первую очередь противъ Китая. Да и со стороны Германіи вмѣшательство объяснялось лишь тѣмъ, что — «хочется мнѣ кушать». Имперіализмъ поднялъ голову и въ Германіи. Германія рѣшила отхватить себѣ Кіа-Чау... 4 мая 1895 года Японія вынуждена была вернуть Китаю Портъ - Артуръ и Ляотанъ. За эту «добрую услугу» Китаю всѣ четыре «великихъ» державы вознаградили себя слѣдующимъ образомъ. Германія, какъ мы уже знаемъ, въ 1897 году заграбила Кіа - Чау («арендовала» его на 99 лѣтъ), тотъ самый, который японцы взяли себѣ въ 1914 году. Россія въ 1897 году взяла Портъ - Артуръ («арендовала» его на 35 лѣтъ). Англія въ 1898 году взяла «въ аренду» Вей-Хай-Вей, а Франція—Квангъ-чу-Ванъ. [1]

Такъ дѣлили и кромсали Китай европейскіе имперіалисты. Не естественно - ли, что они вызывали этимъ справедливое возмущеніе въ китайскомъ народѣ, доходившемъ до отчаянныхъ мѣръ въ своей самооборонѣ противъ хищниковъ имперіализма? И неужели честный человѣкъ можетъ признать, что въ 1900 году во время боксерской войны европейскія правительства вели справедливую оборонительную войну? Разумѣется, нѣтъ! И дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что консулы европейскихъ правительствъ подверглись нападенію со стороны китайцевъ.

---

[1]) Только бѣдные австрійскіе буржуа ничего не смогли тогда «хапнуть» въ Китаѣ—Австріи было тогда не до того. Все ея вниманіе было сосредоточено на проведеніи «политики графа Андраши»—она думала только о грабежахъ на Балканахъ. Но нѣмецко-австрійскіе буржуа и до сихъ поръ сѣтуютъ по поводу того, что бѣдная Австрія тогда «упустила моментъ» въ Китаѣ. Ср., напр., профессора Otto Hoetzscha «Oesterreich-Ungarn und der Krieg», 1915, стр. 19.

Вокругъ острова Куба.

Войны народовъ, зависимыхъ отъ имперіалистовъ, противъ своихъ владыкъ суть *справедливыя оборонительныя* войны. Войны имперіалистскихъ владыкъ противъ «колоніальныхъ» народовъ суть *нечестивыя, наступательныя* войны. Войны имперіалистскихъ владыкъ *между собою* являются войнами изъ-за раздѣла и передѣла рабовъ, и въ этомъ случаѣ *обѣ* стороны ведутъ *нечестивую* войну. О «справедливомъ», «оборонительномъ» характерѣ войны не можетъ быть и рѣчи ни съ той, ни съ другой стороны.

Для иллюстраціи этого послѣдняго случая возьмемъ войну Испаніи съ о. Кубой и Америки съ Испаніей изъ-за острова Кубы.

Испанія издавна угнетала островъ Кубу. Въ 1868 - 78 годахъ на Кубѣ происходитъ рядъ возстаній. Куба добивается областной автономіи, подобной той, которой пользуются провинціи въ самой Испаніи. Съ 1881 года Куба посылаетъ 30 депутатовъ и 14 сенаторовъ въ испанскіе кортесы. Въ 1888 году уничтожено рабство. Въ 1895 году новое возстаніе на Кубѣ. Война Кубы съ Испаніей. Испанія мобилизуетъ армію въ 200 тысячъ человѣкъ, которая опозорила себя безчеловѣчными звѣрствами. Но Испанія все таки ничего не могла подѣлать. Послѣ этого въ событія вмѣшивается Америка. Для сѣверо - американскихъ имперіалистовъ дѣло идетъ о подготовленіи Соединенныхъ Штатовъ къ участію въ борьбѣ за берега Тихаго океана. Кромѣ того на о. Кубѣ американцы вкладывали въ разныя предпріятія большія суммы денегъ. А затѣмъ— американскимъ имперіалистамъ уже давно не даютъ спать запасы табаку, кофе, сахару и т. п. на Кубѣ, Филиппинахъ и Порто - Рико. 23 апрѣля 1898 года президентъ Сѣв. Америк. С. Штатовъ Макъ - Кинлей ставитъ ультиматумъ Испаніи. Война между Америкой и Испаніей. Америка побѣждаетъ и отнимаетъ у Испаніи (Парижскій миръ 10 декабря) Кубу, Филиппины и Порто - Рико. Торжествуетъ «доктрина Монроэ *) (и съ нею вмѣстѣ денежный мѣшокъ американскихъ имперіалистовъ). Америка, объявлявшая на всѣхъ перекресткахъ, что она воюетъ за дѣло свободы и самостоятельности, теперь не желаетъ освободить Филиппинъ. Въ 1900 — 901 на Филиппинахъ

*) Доктрина Монроэ—ученіе одного изъ президентовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, заключающееся вътомъ, что С.-Америка не должна позволять никакой державѣ имѣть какія-либо земли по близости къ берегамъ Америки.

—рядъ возстаній, которыя американцы подавляютъ самымъ кровавымъ образомъ. Куба въ 1901 году получаетъ автономію и республиканскую конституцію, Филиппинамъ только въ 1907 году предоставлено право учредить національное собраніе, но всѣ рѣшенія этого собранія нуждаются въ утвержденіи со стороны Америки.

Спрашивается: гдѣ тутъ нападающая, гдѣ обороняющаяся сторона, кто ведетъ справедливую, кто нечестивую войну? Отвѣтъ ясенъ: обѣ стороны, т. е. *и* американскіе *и* испанскіе имперіалисты вели нечестивую войну двухъ рабовладѣльцевъ изъ-за обладанія рабами. Искать *между ними* нападающую и обороняющуюся сторону смѣшно. Справедливую, оборонительную войну вела только *третья* сторона—угнетенные народы Кубы, Филиппинъ, боровшіеся за свободу и независимость, противъ рабовладѣльцевъ какъ испанскихъ, такъ и американскихъ.

Вокругъ Марокко.

За 10 лѣтъ, съ 1895 по 1905, мы видимъ цѣлыхъ 5 крупныхъ имперіалистскихъ войнъ: 1895 г.—война китайцевъ съ японцами изъ-за Кореи, 1898 г.—война Америки съ Испаніей изъ-за Кубы, 1899 г.—война англичанъ съ бурами изъ-за трансвальскихъ драгоцѣнныхъ розсыпей, 1900 г.—война всей Европы противъ Китая изъ-за того, что «великія» державы хотѣли навязать ему свои желѣзныя дороги и урвать по жирному куску, 1904 г.—война Россіи съ Японіей изъ - за того, кому будетъ принадлежать право на эксплуатацію Манчжуріи.

Всѣ эти кровавыя войны не принесли побѣдителямъ какихъ-нибудь большихъ территоріальныхъ приращеній: Манчжурія какъ будто осталась за Китаемъ, Китай формально сохранилъ самостоятельность, Южная Африка образуетъ политически автономное государство, а Куба является «независимой» республикой. Но свою добычу побѣдители все-таки получили: желѣзныя дороги, займы, таможенные тарифы, жирныя концессіи и пр. стали достояніемъ имперіалистовъ того «отечества», которое цѣною потоковъ крови купило свою побѣду.

Или, посмотрите на другой типично - имперіалистскій конфликтъ изъ-за *Марокко*, чуть было не приведшій къ міровой войнѣ еще гораздо раньше 1914 года. Промышленная война между англійскимъ и германскимъ капиталомъ принуждаетъ имперіалистскую Англію искать союза со старымъ противникомъ — Франціей,

Въ 1903 году Эдуардъ VII дѣлаетъ свой знаменитый визитъ Франціи. Въ чемъ была истинная подкладка этого визита?

Къ этому времени былъ уже почти заключенъ *германо-французскій* синдикатъ. Нѣмецкіе имперіалисты хотѣли сближенія съ французскими и готовы были «уступить» имъ даже кусокъ жирнаго пирога отъ Багдадской желѣзной дороги. Нѣмцамъ нужны были французскіе капиталы. Нѣмецко - французскій синдикатъ былъ основанъ. Президентомъ былъ Артуръ фонъ-Гвиннеръ, предсѣдатель Deutche Bank, вице - президентомъ — Vernes, компаніонъ Ротшильдовъ по «Compagnie du Nord» и «Compagnie du Midi», членъ Совѣта банковъ «Union Parisienne», «Banque ottomane», членъ совѣта желѣзнодорожной компаніи Салоники — Константинополь и т. д. За г-номъ Vernes стояли Рувье и К-о.

Эдуардъ 7-ой явился въ Парижъ, какъ агентъ англійской имперіалистской буржуазіи, чтобы сорвать франко - германскій синдикатъ. Ему это удалось. И цѣною было — *Марокко*. Французскіе имперіалисты отказались отъ всѣхъ претензій на Египетъ и предоставили его Англіи, а за это англійскіе имперіалистскіе акулы «отдали» французскимъ Марокко. *Египетъ за Марокко, Марокко за Египетъ!* «Для народа» эта сдѣлка названа была «entente Cordiale» (сердечное соглашеніе—въ которомъ роль играло, однако, не столько сердце, сколько кошелекъ).

За отказъ отъ сотрудничества съ германскими имперіалистами англійскіе имперіалисты предоставили французскимъ собратьямъ монополію въ Марокко на всѣ желѣзныя дороги, гавани, телеграфы, общественныя работы и пр.

Но тогда *германскіе* имперіалисты поставили штыкъ въ порядокъ дня. Они угрожали зажечь міровую войну, если и имъ не дадутъ ихъ куска въ Марокко. Алжесирасская конференція видитъ себя вынужденной сдѣлать германскимъ имперіалистамъ извѣстныя уступки: имъ обезпечивается извѣстный процентъ участія въ Мароккскихъ займахъ и вообще гаранитруется въ Марокко достаточная «сфера вліянія» для участія въ импортѣ капитала и т. п.

На этомъ происходитъ временное примиреніе, которое черезъ короткій срокъ вновь нарушается. Европа находится на волоскѣ отъ міровой войны. Войны хотятъ и французскіе и нѣмецкіе и англійскіе имперіалисты. Но она отсрочивается только потому, что нѣмцы не готовы еще съ морскими вооруженіями, французы задумываютъ переходъ къ трехлѣтней службѣ и т. д. Война могла возникнуть каждый день. Каждая изъ сторонъ и тогда кричала-бы, что на нее напали, что она ведетъ справедливую

оборонительную войну и т. д. Но по существу дѣла это была-бы, конечно, не справедливая, а нечестивая имперіалистская война, война нѣсколькихъ кликъ финансоваго капитала изъ-за неподѣленной добычи.

Вокругъ Триполи.

Или возьмемъ войну изъ-за *Триполи* 1911 года, которая вмѣстѣ съ балкано-турецкими войнами 1912—13 г. г. въ сущности послужила увертюрой къ міровой войнѣ 1914—16 г.г. Развѣ это не классическій примѣръ того, какъ негоденъ и обманчивъ критерій оборонительной войны?

Какъ было дѣло?

Въ сентябрѣ 1911 года Италія внезапно посылаетъ ультиматумъ Турціи: Италія, видите - ли, до сихъ поръ проявляла необыкновенную умѣренность и терпѣливость, но Турція упорно не желаетъ итти на встрѣчу «законнымъ итальянскимъ интересамъ» въ Триполитаніи. Поэтому Италія «видитъ себя вынужденной» занять своими войсками Триполи. Не успѣла еще Турція отвѣтить на этотъ ультиматумъ, какъ 30 сентября 1911 г. итальянская эскадра уже обстрѣливала крѣпостныя сооруженія въ Триполи. Итальянскіе имперіалисты объявили, разумѣется, и эту войну «справедливой» войной. Весь аппаратъ буржуазнаго владычества былъ пущенъ въ ходъ, чтобы вызвать патріотическое настроеніе въ итальянскомъ народѣ. И — не безъ успѣха. «Истинный энтузіазмъ и духъ предпріимчивости объялъ весь итальянскій народъ, который единодушно сплотился вокругъ своего правительства и своего короля. Даже наибольшая часть соціалистовъ (соціалистовъ -*реформистовъ*, добавимъ мы отъ себя. За этотъ поворотъ къ соціалъ-шовинизму Биссолати и К-о какъ разъ и были исключены изъ итальянской соціалистической партіи. *Г. З.*) не оказалась въ сторонѣ отъ этого энтузіазма и готовности къ національному самопожертвованію». Такъ описывалъ созданное въ началѣ Триполитанской войны положеніе дѣлъ въ Италіи извѣстный историкъ германской иностранной политики графъ Ревентловъ.

Ну, а каковъ былъ дѣйствительный смыслъ триполитанской войны, какова была реальная подкладка всей этой исторіи?

Триполитанская война была чисто имперіалистской войной, и весь этотъ конфликтъ былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ соревнованіемъ двухъ главныхъ конкуррирующихъ другъ съ другомъ имперіалистскихъ трестовъ.

Съ того самаго момента, какъ намѣтилось сближеніе имперіалистской Англіи съ имперіалистской Франціей, противъ имперіалистской Германіи, Англія стала подкупать Италію обѣщаніями. Уже вскорѣ послѣ Фашоды Англія обѣщала Италіи Триполи. Теперь и Франція за «обиду», нанесенную ею Италіи присвоеніемъ Туниса, готова во имя «солидарности интересовъ народовъ романской культуры» вознаградить Италію Триполитаніей. Въ 1899 и 1902 годахъ Англія и Франція уже, можно сказать, выдали формальный вексель Италіи на Триполи. Для успѣха ихъ имперіалистскаго треста имъ нужно было во что бы то ни стало отвлечь Италію отъ тройственнаго союза. Для этого надо было чѣмъ - нибудь вознаградить итальянскихъ имперіалистовъ. Расплата по обыкновенію произошла изъ чужой собственности. Триполи не принадлежало ни Франціи, ни Англіи. У первой только были «виды» на него, основанные исключительно на томъ, что кусокъ этотъ плохо лежитъ и что «мы» находимся въ близкомъ сосѣдствѣ къ нему.

Послѣ «сердечнаго соглашенія» между имперіалистами Англіи и Франціи (1904 г.) итальянскіе имперіалисты уже считали Триполи, какъ у себя въ карманѣ. Названное сердечное соглашеніе было заключено, какъ мы уже замѣтили, по формулѣ: Египетъ за Марокко. Въ развернутомъ видѣ эта формула гласила: *за Египетъ—Марокко, за Марокко—Триполи.*

Послѣ Алжессираской конференціи (1906 г.), на которой Италія въ видѣ компенсаціи за обѣщанное Триполи уже довольно открыто поддерживала Англію и Францію противъ своего «союзника» Германіи,—имперіалисты Италіи считали, что они уже «честно» заработали Триполи и смотрѣли на себя, какъ на безспорныхъ хозяевъ этой земли.

Когда въ 1911 году Италія объявила войну Турціи изъ-за Триполи, для имперіалистской Германіи создалось особенно «щекотливое» положеніе. Вѣдь и Турція и Италія обѣ считались оффиціально союзницами Германіи. Выступить противъ Италіи для германскихъ имперіалистовъ значило, во первыхъ, толкнуть ее еще больше на сторону тройственнаго согласія, а, во вторыхъ, развязать, быть можетъ, немедленно европейскую войну, къ которой Германія еще не была готова. Выступить противъ Турціи—значило «союзную» Турцію толкнуть къ Англіи, ибо турки должны были убѣдиться, что Германія не въ состояніи ихъ защитить и что судьбы ихъ всецѣло находятся въ рукахъ Англіи. Ситуація не изъ легкихъ! Имперіалистской Германіи ничего не оставалось, какъ проползти ужемъ, разыгравши комедію нейтральности и обнадеживая Турцію будущимъ

реваншемъ. И этою цѣною Германія купила формальное продолженіе тройственнаго союза съ участіемъ Италіи—послѣ того, какъ эта послѣдняя отобрала у турокъ Триполи.

Война изъ за Триполи была, какъ видитъ читатель, звеномъ въ цѣпи основного имперіалистскаго конфликта. Турція заключила миръ съ Италіей 18 октября 1912 года въ Лозаннѣ,когда на Балканахъ стоялъ уже грохотъ отъ новой войны, въ которой главнымъ режиссеромъ были тѣ же «великія» имперіалистскія державы. Узелъ застягивался все тѣснѣе и тѣснѣе, пока въ 1914 году разразилось неизбѣжное.

Триполитанская война была *типичнымъ* имперіалистскимъ конфликтомъ, всецѣло вытекшимъ изъ основного имперіалистскаго дѣленія, наложившаго свою печать на всю эпоху.

Спрашивается: что могли тутъ подѣлать соціалисты и демократы со старымъ критеріемъ оборонительной и наступательной войны? Первая напала Италія. Значило ли это, что мы должны были отдать свои симпатіи Турціи? Признать, что Турція ведетъ «справедливую» войну? Но тогда мы просто стали бы игрушками въ рукахъ германскаго имперіализма! Отдать симпатіи Италіи? Это значило бы превратиться въ пѣшекъ другого имперіалистскаго треста! Одной ногой имперіалистская Италія остается еще на почвѣ тройственнаго союза, другой ногой она ступила на почву тройственнаго согласія. Правую руку имперіалисты Италіи отдали имперіалистамъ Англіи и Франціи, лѣвой рукой продолжали пожимать руку имперіалистовъ Германіи. *Кто же оборонялся, кто нападалъ?* На дѣлѣ это былъ лишь эпизодъ изъ цѣлой цѣпи имперіалисткой политики двухъ трестовъ, которые *оба* нападаютъ на болѣе слабыхъ и безоружныхъ, которые оба дѣлятъ и передѣляютъ міръ, которые *оба* кромсаютъ цѣлые материки. «Справедливой» войною можно было бы признать только національное возстаніе туземнаго населенія одновременно противъ обоихъ имперіалистскихъ трестовъ. Оба же эти треста одинаково ведутъ не справедливыя, а *нечестивыя* войны. И теорія оборонительной войны въ примѣненіи къ этимъ войнамъ въ лучшемъ случаѣ—безсмыслица, звукъ пустой. На дѣлѣ же она служитъ для обмана народа имперіалистскими трестами, переносящими идеологію національно-освободительныхъ войнъ на совершенно иную эпоху...

И такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ конфликтахъ и войнахъ имперіалистскаго періода. Въ столкновеніяхъ *между* имперіалистскими кликами всѣхъ этихъ странъ нѣтъ и не можетъ быть обороняющейся и нападающейся въ историческомъ смыслѣ—стороны. *Всѣ* они нападаютъ на тѣ народы, которые еще могутъ стать ихъ добычей. Всѣ они въ имперіализмѣ ищутъ спасенія

отъ соціалистической опасности. Всѣ они ведутъ не справедливыя, а *нечестивыя* войны.

Вотъ почему безсмысленно примѣнять къ имперіалистскимъ войнамъ между «великими» державами критерій оборонительной или «справедливой» войны...

Колоніальные захваты съ 70-хъ годовъ Списокъ войнъ осуществившихся и не осуществившихся.

Возьмите важнѣйшія событія въ области колоніальныхъ захватовъ со времени хотя бы 70-хъ годовъ 19 столѣтія.

Съ 1870 года *Англія* успѣла пріумножить свои владѣнія, забравши: *Въ Англіи*—Белуджистанъ, Бирму, Кипръ, Британское Сѣверное Борнео, Вейхайвей, области противъ Тонгкриза, расширила straits settlements, объявила протекторатъ надъ Ковейтомъ (1899), пріобрѣла Синайскій полуостровъ и т. д.

Въ Австраліи—юго-восточную часть Новой Гвинеи, большую часть Соломоновыхъ острововъ и острововъ Тонга и т. д.

Въ Африкѣ—Египетъ, Египетскій Суданъ съ Угандой, Брит. восточн. Афр., британское Сомали, Занзибаръ, на югѣ Африки—обѣ Бурскія республики, Родезію, Брит. Центр. Африку, въ западной Африкѣ—Нигерію и т. д.

За это время *Франція* забрала:

Тонкинъ, Аннамъ, Леосъ, Тунисъ, Мадагаскаръ, сдѣлала рядъ завоеваній въ Сахарѣ, Суданѣ, на берегу Слоновой Кости, въ Дагомеѣ, на берегахъ Сомали и т. д.

Германія съ 1884 года (оффиціальное начало германской колоніальной политики) награбила:

Комерунъ, Того, юго-западную Африку, вост. Африку Новую Гвинею, цѣлый рядъ острововъ, «Земли императора Вильгельма», Архипелагъ Бисмарка, Каролинскіе, Маріанскіе и т. д.), далѣе Кіа-Чау и пр.

Россія—въ 1870 году занимаетъ въ Китаѣ Ургу, въ 1871 г.—Кульджу, въ 1876 г. она пріобрѣтаетъ Фергану, далѣе идетъ Манджурія, наконецъ—новѣйшая политика въ Персіи...

Мы взяли только 4 великихъ державы. Но кромѣ того и *Японія* уже съ 1874 года походомъ противъ Формозы открываетъ эру своей имперіалистской политики.

Съ начала 20-го столѣтія мы на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ видимъ три острыхъ конфликта изъ за Марокко, два изъ за балканскихъ дѣлъ. При чемъ каждый разъ европейскій миръ поставленъ на лезвіе ножа.

Ниже мы приводимъ списокъ (неполный) всѣхъ войнъ, которыя человѣчество переживало приблизительно начиная съ послѣдней четверти 19-го столѣтія.

1873—79	Войны Голландіи съ султаномъ на Суматрѣ.
1876	Война сербовъ и черногорцевъ противъ Турціи.
1877—78	Русско-турецкая война.
1879	Англія противъ зулусовъ.
1879	3 англійскія арміи вступаютъ въ Афганистанъ (Англія добивается уступокъ).
1883—85	Война Франціи съ Китаемъ (изъ за Тонкина).
1885	Сербо-болгарская война (сербы разбиты при Сливницѣ, 3 марта 1886 года Букаретскій миръ).
1885	Россія противъ Афганистана («побѣда» ген. Комарова).
1893	Война французовъ и покореніе Дагомеи (Гвинеей).
1894	Война Японіи съ Китаемъ изъ за Кореи (побѣда Японіи).
1895	Война Испаніи съ островомъ Кубой.
1896	Война Италіи съ Менеликомъ (Абиссинская война. Италія терпитъ пораженіе).
1897	Греко-турецкая война (пораж. грековъ, въ 1898 о. Критъ получаетъ автономію).
1898	Американо-испанская война (изъ за о. Кубы, пораженіе Испаніи).
1899—900	Англо-бурская война.
1900	Война европ. державъ противъ Китая (боксерская война).
1904	Англія противъ Тибета («побѣда» Англіи).
1904—05	Война Германіи противъ гереро.
1904—05	Русско-японская война.
1911—12	Война Италіи съ Турціей (изъ за Триполи).
1912	Война балканскихъ славянъ противъ Турціи.
1913	Война «славянъ между собою» (Сербіи и Греціи противъ Болгаръ).
1914	Міровая европейская война.

Переберите эти войны, и вамъ станетъ ясно, что огромное большинство изъ нихъ являются чисто имперіалистскими конфликтами. Передъ нами—цѣлая полоса новыхъ войнъ, т. е. войнъ новаго типа, глубоко отличныхъ отъ эпохи національныхъ войнъ. Ихъ причины—иныя. Ихъ соціальное содержаніе иное. Онѣ являются выраженіемъ иного уровня развитія капитализма.

И таковъ же характеръ большинства тѣхъ конфликтовъ послѣдней эпохи, которыя удалось ликвидировать *безъ* войны.

Извѣстный пацифистъ, профессоръ Фридъ попытался составить «списокъ избѣгнутыхъ войнъ». Онъ насчиталъ за періодъ 1904—1916 г. г. цѣлыхъ 17 такихъ «неосуществившихся войнъ». Къ нимъ принадлежатъ слѣдующіе конфликты:

1. Гулльскій инцидентъ. 1904 г. (конфликтъ между Англіей и Россіей).

2. Марокскій конфликтъ. 1905 г. (конфликтъ между Германіей и Франціей).

3. Отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи. 1905 г.

4. Конфликтъ Японіи съ Соединенными Штатами. 1907 г.

5. Марокскій конфликтъ 1908 г. Франція противъ Германіи.

6. Казабланкскій инцидентъ. 1908 г. Германія противъ Франціи.

7. Аннексія Босніи-Герцеговины.

8. 1908. Австрія противъ Турціи.

9. Болгарія противъ Турціи. 1908.

10. Турція противъ Греціи 1908 г. Изъ за остр. Крита.

11. Японія—Китай. 1909 г. Изъ за манджурской ж. д.

12. Боливія—Перу—Аргентина. 1909 г.

13. Соединенные Штаты—Чили. 1909 г.

14. Россія—Японія 1909 г. Манджурскій конфликтъ.

15. Греція—Турція 1910 г. Критъ.

16. Чили—Перу 1910 г.

17. Эквадоръ—Перу. 1910 г.

Словомъ, передъ нами цѣлая *эра имперіалистскихъ конфликтовъ и имперіалистскихъ войнъ.*

Два слова о жестокостяхъ современной колоніальной политики.

Германскіе имперіалисты начали свою колоніальную политику позже другихъ. Имъ пришлось дѣлать свои первые шаги на этомъ поприщѣ уже почти на рубежѣ 20-го вѣка. И все таки—сколько крови, грязи, сколько безчинствъ, надругательствъ, грабежей, чудовищныхъ преступленій они взяли на душу!

Какимъ сплошнымъ злодѣйствомъ является эта ихъ колоніальная политика!

Взгляните на «договоры», которые они заключали съ туземцами, грабя у нихъ земли. «Мы нижеподписавшіеся независимые (!) короли и военачальники Камеруна уступаемъ г-дамъ Эдуарду Шмидту и Іоганну Фоссу, какъ представителямъ фирмы Г. Вермана, свои владѣнія»—гласитъ одинъ изъ такихъ договоровъ. Вмѣсто подписей 23 негра («независимые короли») за

неграмотностью... поставили кресты... Другая часть Камеруна продана той же фирмѣ Вермана за 150 бочекъ рому!

И развѣ многимъ отличается отъ этого то, что такъ еще недавно дѣлали, напр., англійскіе и французскіе капиталисты въ Суданѣ? Кто явится первый на мѣсто дѣйствія, кто первый вывѣситъ свой національный флагъ, тотъ и хозяинъ...

А звѣрства и грабежи, продѣлываемые слугами германскаго имперіализма надъ населеніемъ колоній! Наказаніе розгами считается самымъ легкимъ наказаніемъ въ Камерунѣ. Во время возстанія въ Викторіи германскіе чиновники Лейстъ и Велау держали связанными на солнцёпекѣ сотни негровъ—пока тѣ не умирали отъ жажды. Въ колоніи сбываютъ отбросы германскаго милитаризма, которые ведутъ себя, какъ Чингисъ-Ханы. Женъ подвергаютъ поркѣ въ присутствіи ихъ мужей. Морятъ голодомъ, сжигаютъ цѣлые поселки, стрѣляютъ при всякомъ поводѣ, ведутъ себя, по выраженію Бебеля, какъ мясники. Въ началѣ возстанія гереро племя это насчитывало 100 000 человѣкъ. А 1 января 1913 года, по оффиціальной статистикѣ, гереро осталось только 21699 человѣкъ: 7071 мужчинъ, 9208 женщинъ и 5420 дѣтей.

Въ 1905 году въ восточной африкѣ произошло новое возстаніе. Введеніе принудительныхъ работъ, безчеловѣчные поборы и сѣкуціи вызвали возстаніе племени матумби. Германская солдатчина дала волю своей кровожадности. Въ 1913 г. германское колоніальное вѣдомство въ оффиціальномъ докладѣ заявило, что убитыхъ туземцевъ было 26 000. А германскій профессоръ Шиллингъ считаетъ, что во время возстанія туземцевъ погибло не менѣе 150 000. Деревни были сожжены, урожай уничтоженъ. Масса обезсиленныхъ туземцевъ стала добычей дикихъ львовъ. Львы въ это время объѣдались человѣческимъ мясомъ...

Мы сказали о звѣрствахъ германскихъ имперіалистовъ. Но эти звѣрства вовсе не особенность имперіалистовъ одной только этой марки. Вспомнимъ то, что извѣстно о политикѣ англійскаго имперіализма въ Индіи, о звѣрствахъ бельгійскаго правительства въ бельгійскомъ Конго, вспомнимъ разоблаченія о французской политикѣ въ колоніяхъ.

Скажемъ только, что по вычисленіямъ сэра Williama Digly за 1850—1875 г. г. въ Индіи умерло *отъ голоду* 5 милліоновъ человѣкъ, а за 1875—1900 г. г.—26 милліоновъ человѣкъ *) Прибавимъ, что отъ чумы за 1896 годъ въ Индіи умерло 2 мил-

**) Подробн. см., напр., у Dr. Hermann von Staden: Indien im Weltkriege», Stuttgart, 1915

ліона человѣкъ. Напомнимъ, что бывшій англійскій вицекороль Индіи, лордъ Керзонъ исчисляетъ средній годовой доходъ жителя британской Индіи въ—13 рублей! Напомнимъ, что всѣ эти ужасы вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что Англія огромную часть урожая вывозитъ изъ Индіи(отсюда—голодъ), что поборы и налоги ложатся главнымъ образомъ на земледѣльческое населеніе (около 80% всѣхъ налоговъ)...

По поводу англійскихъ порядковъ въ Индіи недавно выпустилъ интересную книжку бывшій американскій статсъ-секретарь Williamъ I Bryan (Брайанъ), писавшій на основаніи личныхъ наблюденій. Книжка эта, вышедшая на индійскомъ языкѣ, была немедленно конфискована англійскимъ правительствомъ. Американскій журналъ «Coast Seamens» приводитъ нѣкоторыя фактическія данныя, заимствованныя изъ этой книжки. Налоговое бремя въ Индіи относительно *вдвое* больше, чѣмъ въ Англіи. Смертность, которая въ 1882—1884 г. г. составляла 24 на 1000, въ 1892—1894 повысилась до 30, а теперь до 34 на 1000. Голодовки принимаютъ ужасающіе размѣры. «Англія хвалится тѣмъ, что она принесла Индіи миръ, на дѣлѣ она принесла милліонамъ людей, живущимъ въ Индіи, смерть... Она высасываетъ соки изъ Индіи посредствомъ дозволеннаго закономъ грабежа». Такъ пишетъ не какой нибудь «агитаторъ», даже не какой нибудь «нѣмецъ», такъ пишетъ лицо, занимавшее чрезвычайно высокій постъ въ дружественномъ американскомъ правительствѣ.

За 16 лѣтъ отъ чумы умерло въ Индіи 8 милліоновъ человѣкъ; земельныя подати равны 65% средній заработокъ жителя Индіи—20 копѣекъ, въ то время какъ Англія получаетъ ежегодный доходъ отъ Индіи въ 665 милліоновъ марокъ. Такъ пишетъ комитетъ революціонной партіи Индіи въ воззваніи, опубликованномъ въ 1916 году въ С. Франциско.

Вспомнимъ о тѣхъ «актахъ интернаціональнаго разбоя», о которыхъ разсказывалъ въ 1912 г. извѣстный американскій политикъ Morgan Shuster (бывшій въ 1911 г. персидскимъ министромъ финансовъ) въ его всколыхнувшей всю читающую Европу книгѣ, носящей краснорѣчивое заглавіе: «Удушеніе Персіи» *).

Гдѣ тутъ мѣсто «оборонительной» войнѣ, «защитѣ отечества», насажденію «культуры»?? Не ясно ли, что въ примѣненіи къ колоніальной политикѣ имперіалистскихъ державъ эти слова и эти понятія—просто мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій?...

*) W. Morgan Schuster Ex-Treasurer-general of Persia. «The strangling of Persia». A record of european diplomacy and oriental intrigue. London et Leipzig, 1912.

Дѣйствительные мотивы имперіалистскихъ войнъ.

Въ 1909 году въ извѣстномъ англійскомъ ежемѣсячникѣ «The United Service Institution» появился удостоившійся преміи трудъ одного высокопоставленнаго англійскаго морского офицера. Въ этомъ трудѣ находимъ слѣдующія замѣчательныя строки.

«Мы (Англія) не начинаемъ войны изъ сантиментальныхъ побужденій. Я сомнѣваюсь, чтобы мы это сдѣлали хоть одинъ разъ. Война—продуктъ торговыхъ конфликтовъ; цѣль войны—навязать противнику силой оружія тѣ экономическія условія, которыя мы считаемъ необходимыми, чтобы создать для насъ коммерческія выгоды. Мы пользуемся всѣми возможными поводами и предлогами для войны, но въ основѣ ихъ всегда лежатъ вопросы торговли. Приходится ли выставлять какъ поводъ къ войнѣ оборону или пріобрѣтеніе стратегической позиціи, приходится ли нарушать договоры или еще что нибудь—всѣ эти поводы и предлоги въ послѣднемъ счетѣ вытекаютъ изъ интересовъ торговли. По той простой, но рѣшающей причинѣ, что торговля для насъ есть кровь нашего сердца». По англійски: «We do not go to war for sentimental reasons. I doubt if we ever did. War is the outcome of commercial quarrels: it has for itsaims the forcing of commercial con ditionsby the sward on our antagonists, conditions which we consider necessary to commercially benefitus. We give all sorts of reasons for war, but at the bottom of them all is commerce. Whether the reason given be the retention or obtaining og a strategical position, the breaking of treaties, or Whatnot, they come down to the begrach of commerce, for the simple and effechive reason that commerce is our life-Blood».

Здѣсь съ военной прямотой высказано то, что есть: мы, имперіалисты (это, конечно, относится и къ германскимъ имперіалистамъ) прибѣгаемъ къ какимъ угодно предлогамъ: говоримъ объ оборонѣ, приводимъ любые доводы, топчемъ ногами договоры. Но—суть сводится къ одному: къ кошельку, къ интересамъ капиталистовъ.

Это—чистѣйшая правда. Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Имперіалистскія войны именно таковы. Поводы и предлоги могутъ быть по внѣшности самые благовидные. Одинъ «обороняется», другой благородно борется за независимость такой-то страны, третій, исключительно изъ идеализма отстаиваетъ интересы «культуры» противъ «русскаго варварства».

Но по существу всѣ борятся за интересы кучки магнатовъ финансоваго капитала...

Еще разъ—при чемъ же тутъ критерій оборонительной войны?

—«Оборону и нападеніе очень легко различать *на словахъ*, но чрезвычайно трудно установить съ точностью, гдѣ на дѣлѣ нападающая и гдѣ обороняющаяся стороны. Почти во всѣхъ войнахъ послѣднихъ десятилѣтій, какъ и въ войнахъ прежнихъ временъ, обороняющимися считали себя обѣ стороны» *).

— «Третейскіе суды въ общемъ и цѣломъ служатъ лишь къ тому, чтобы избѣгнуть тѣхъ войнъ, *которыхъ не хотятъ*» **).

— «Кто... вдумается въ исторію колоніальной экспансіи европейскихъ великихъ державъ, тотъ безъ труда найдетъ, что всѣ тѣ войны послѣдняго времени, въ которыхъ участіе принимали европейскія великія державы, если не прямо вызваны интересами капитала, то своимъ источникомъ имѣли интересы капитала» ***).

Таковы цѣнныя признанія, которыя дѣлаетъ извѣстный германскій имперіалистъ Рюдорффъ. Его заявленія по своей откровенности нисколько не уступаютъ только что приведенному заявленію премированнаго англійскаго автора...

Ужъ на что не хватаютъ звѣздъ съ неба буржуазно-демократическіе пацифисты, а и они раскусили подлинный смыслъ утвержденій всѣхъ имперіалистическихъ правительствъ, будто «мы» ведемъ оборонительную войну, а «они»—наступательную.

Въ международномъ органѣ этихъ пацифистовъ «La voix de l'Humanitè». (Голосъ Человѣчности) отъ 5 января 1916 года мы находимъ слѣдующую не лишенную остроумія табличку:

Каждое воюющее государство утверждаетъ:

1) что оно ведетъ оборонительную войну и борется за справедливое дѣло;

2) что оно ведетъ борьбу за свободу и цивилизацію всѣхъ народовъ;

3) что оно добивается только прочнаго мира;

4) что оно напряжетъ всѣ силы и будетъ бороться, пока противникъ будетъ окончательно низвергнутъ;

5) что въ его окончательной побѣдѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія;

6) что оно всегда побѣдоносно идетъ впередъ и несетъ только незначительныя потери;

7) что бомбы его летчиковъ попадаютъ только въ военныя учрежденія противниковъ и всегда съ большимъ успѣхомъ;

---

*) Ruedorfer «Grundzuege der Weltpolitik», 1914, S. 218.
**) Ibid. 167.
***) Ibid. 157

8) что его летчики и его артиллерія гораздо лучше летчиковъ и артиллеріи противниковъ;

9) что оно какъ разъ теперь подготовляетъ крупныя предпріятія, которыя сулятъ несомнѣнный успѣхъ;

10) что великій Богъ на его сторонѣ.

Каждое воюющее государство утверждаетъ:

1) что противникъ хотѣлъ войны и давно подготовлялъ ее;

2) что противникъ первый началъ войну и напалъ на «насъ»;

3) что противникъ ведетъ завоевательную войну и хочетъ властвовать надъ міромъ;

4) что противникъ топчетъ ногами международное право;

5) что противникъ попралъ нейтралитетъ ряда маленькихъ государствъ и угрожаетъ нейтралитету другихъ мелкихъ государствъ;

6) что противникъ ведетъ войну варварскими пріемами;

7) что противникъ употребляетъ пули думъ-думъ;

8) что противникъ злоупотребляетъ краснымъ крестомъ;

9) что противникъ калѣчитъ плѣнныхъ;

10 что противникъ насилуетъ женщинъ, грабитъ и убиваетъ;

11) что военные суды противника—сплошное надругательство надъ закономъ;

12) что противникъ убиваетъ или издѣвается надъ плѣнными;

13) что противникъ бросаетъ бомбы на незащищенные города, убиваетъ женщинъ и дѣтей, но никогда не причиняетъ «намъ» этимъ военнаго ущерба;

14) что нападеніе противника всегда подавляется въ зародышѣ или отбивается съ огромными потерями для врага;

15) что противникъ употребляетъ газовыя бомбы;

16) что противникъ является пиратомъ;

17) что противникъ безъ толку вредитъ нейтральной торговлѣ;

18) что информація противника—сплошь ложь и клевета;

19) что противникъ обрабатываетъ нейтральныхъ посредствомъ лжи, угрозъ и подкупа;

20) что противникъ загоняетъ въ войну оставшіяся до сихъ поръ нейтральными государства—къ глубокому несчастью для послѣднихъ;

21) что противникъ страдаетъ отъ недостатка денегъ, дороговизны, промышленнаго застоя;

22) что военные займы противника терпятъ фіаско и реализуются только посредствомъ обмана;

23) что у противника свирѣпствуютъ разныя эпидеміи

24) что у противника происходятъ стачки и внутренніе нелады;
25) что у противника мѣняются министры и генералы;
26) что противникъ больше не въ силахъ воевать; *).

Можно-бы еще увеличить этотъ списокъ... Еслибы широкая народная масса читала газеты всѣхъ странъ, она увидѣла бы, что правящіе классы всюду говорятъ одно и то-же, она убѣдилась-бы, что буржуазія рѣшительно вездѣ прибѣгаетъ къ одному и тому-же методу, для обмана «своего» норода, къ одной и той-же «техникѣ». Но народная масса въ каждой странѣ читаетъ—если читаетъ—только печать «своей» буржуазіи и «своихъ» соціалъ-шовинистовъ, повторяющихъ премудрость своей отечественной буржуазіи. И такимъ-то образомъ одни и тѣ-же доводы, одна и та-же «хитрая механика» дѣйствуютъ во всѣхъ воюющихъ странахъ. Буржуазнымъ и соціалъ-шовинистскимъ писакамъ остается только поставить названіе одного отечества вмѣсто названія другого отечества, написать слово Германія вмѣсто слова Россія, и—дѣло въ шляпѣ.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Очень важнымъ моментомъ для объективнаго сужденія о томъ, какая сторона является въ *дипломатическомъ* отношеніи нападающей и какая обороняющейся,—можетъ служить степень *военной подготовки данной страны.* Скажи мнѣ, кто въ военно-боевомъ отношеніи былъ болѣе подготовленъ къ войнѣ, и я скажу тебѣ, кто хотѣлъ этой войны въ данный моментъ, кто непосредственно вызвалъ ее! Конечно, бываетъ такъ, что то или иное правительство переоцѣнитъ свою подготовленность или—что оно вынуждено начать войну, *несмотря* на свою недостаточную подготовленность. Напримѣръ — по мотивамъ внутренней политики и т. п. Но при прочихъ равныхъ условіяхъ высказанный тезисъ несомнѣнно вѣренъ.

Уже со времени очень раннихъ войнъ вопросъ о томъ, какая сторона является нападающей и какая обороняющейся, вызываетъ безконечные споры.

Обыкновенно рѣшающимъ моментомъ является результатъ войны: побѣда или пораженіе въ самой войнѣ. Обыкновенно въ исторію та сторона входитъ, какъ нападавшая сторона, которая *побѣдила.* Моментъ *побѣды* зачастую затмѣваетъ собою перипетіи, предшествовавшія началу войны. Классическимъ примѣромъ изъ старыхъ временъ могла-бы послужить война

*) La voix de l'Humanité №. 58, 1916. Въ комитетѣ этого изданія участвуетъ рядъ видныхъ политическихъ дѣятелей Франціи, Германіи и другихъ странъ.

гунновъ съ вестготтами въ 70-хъ годахъ 4-го столѣтія. Громадное большинство историковъ сходится на томъ, что первые въ 373 году напали вестготы. Но гунны оттого и вошли въ исторію «гуннами», что *въ ходѣ войны* они оказались сильнѣе вестготтовъ.

О дипломатической исторіи войны 1914—16 г.г. пишутся цѣлыя книги. Соціалъ-шовинисты считаютъ исчерпывающимъ аргументомъ даты ультиматумовъ и содержаніе депешъ тѣхъ или иныхъ дипломатовъ наканунѣ войны. Мы не останавливаемся на этомъ вопросѣ. Содержаніе бѣлыхъ, желтыхъ, сѣрыхъ и иныхъ книгъ, въ которыхъ собраны отдѣльные отрывки дипломатической переписки, конечно, имѣетъ большое значеніе для оцѣнки самой системы современной дипломатіи. Но серьезнаго значенія для объясненія характера войны 1914—16 г.г. и для установленія соціалистической тактики по отношенію къ этой войнѣ все это не имѣетъ. Очень вѣроятно, что въ глазахъ широкой публики та сторона будетъ признана нападавшей, которая въ конечномъ счетѣ одержитъ побѣду.

И такая оцѣнка будетъ не совсѣмъ произвольна. Каждая сторона, начиная войну, хочетъ побѣдить. А побѣда больше всего зависитъ, конечно, отъ степени военной подготовки. Кто былъ въ военномъ отношени болѣе подготовленъ, тотъ имѣлъ больше объективныхъ шансовъ на побѣду, тотъ—при прочихъ равныхъ условіяхъ—имѣлъ больше побудительныхъ мотивовъ, чтобы *начать* войну, тотъ—опять таки при прочихъ равныхъ условіяхъ—можетъ считаться непосредственно—нападающей стороной.

Степень военной подготовки Пруссіи въ 1870 году позволила ей объявить въ *дипломатическомъ* отношеніи наступательную войну противъ Франціи. Бисмаркъ подстроилъ такъ, что первымъ объявилъ войну Наполеонъ III. Но когда послѣ этого оказалось, что Франція въ военномъ отношеніи совсѣмъ не подготовлена, а Пруссія великолѣпно подготовила все до послѣдней пуговицы на солдатскихъ мундирахъ,—это было лучшимъ объективнымъ доказательствомъ того, что войны *въ данный моментъ* хотѣла Пруссія.

Такое-же значеніе имѣетъ степень военной подготовки и теперь. Германія опять въ началѣ войны 1914 г. оказывается больше всѣхъ подготовлена; и это справедливо даетъ лишній поводъ думать, что *въ данный моментъ* больше хотѣла войны Германія.

Но это ни на волосъ не двигаетъ насъ дальше въ пониманіи задачъ рабочаго класса по отношенію къ войнамъ новой современной эпохи, въ частности по отношенію къ войнѣ 1914 г.

Мы видѣли, что даже въ эпоху національныхъ в.йнъ рѣшающимъ для демократіи былъ вовсе не вопросъ о томъ, кто первый напалъ. А въ нынѣшнюю эпоху и вообще невозможны оборонительныя войны въ старомъ смыслѣ слова.

25 лѣтъ тому назадъ Вильгельмъ Либкнехтъ, имѣя въ виду эпоху національныхъ войнъ, говорилъ о «справедливой» войнѣ и допускалъ участіе соц.-демократовъ въ такой войнѣ. А черезъ четверть вѣка, въ лѣто, отъ Р. Х. 1915-ое, Г. Плехановъ выкопалъ эти слова Либкнехта чтобы васкликнуть: вотъ именно, мы тоже стоимъ за «справедливую» войну.

Сославшись на слова В. Либкнехта о «справедливой» войнѣ, Плехановъ сильно облегчилъ разоблаченіе его собственной фальши. Въ самомъ дѣлѣ. Въ чемъ заключается вся игра Плеханова вокругъ критерія оборонительной войны? Въ томъ, что онъ *смѣшиваетъ двѣ эпохи*—эпоху національныхъ войнъ и эпоху войнъ имперіалистскихъ.

Могутъ-ли, вообще говоря, имѣть мѣсто «справедливыя» войны теперь въ имперіалистскую эпоху?

Да, могутъ. Но—*только* въ двухъ случаяхъ. Первый—война побѣдившаго въ какой-либо странѣ *пролетаріата*, защищающаго соціалистическій строй противъ другихъ государствъ, которыя продолжаютъ отстаивать капиталистическій режимъ. Второй—война Китая, Индіи и т. п. странъ, служащихъ *объектомъ* угнетенія со стороны имперіализма за свою независимость, *противъ* имперіалистскихъ державъ.

Смѣна двухъ эпохъ особенно наглядна въ такой странѣ, какъ, напримѣръ, Италія. Въ 1859 году мы видѣли тамъ классическую національную войну.

Въ 1859 году дѣло шло объ освобожденіи Италіи изъ подъ чужеземнаго ига Австріи, дѣло шло о созданіи итальянскаго единства, въ которомъ былъ заинтересованъ *весь народъ, вся демократія*. Австрія была угнетательницей, Италія—угнетаемой.

Въ 1859 году, передъ самымъ началомъ войны, такой человѣкъ, какъ Н. А. Добролюбовъ, клеймилъ Австрію, вкладывая ей въ уста слѣдующія слова:

«Не стыдно-ль вамъ*), мятежные языки,
«Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки...
«Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
«Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ...
«Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,

*) т. е. итальянцамъ.

«Чины, обычаи и самые законы,—
«Все, все давали вамъ мы щедрою рукой...
«И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной...
«Не стыдно-ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
«Зачѣмъ не жить по прежнему намъ дружно?...
«Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
«Или полиція о дѣлѣ не радитъ?
«Но донесите лишь—и въ мигъ мы все поправимъ,
«И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ...

А теперь? Теперь совсѣмъ не то. Теперь Италія ведетъ войны съ Турціей изъ-за Триполи, съ Австріей изъ-за Албаніи, Далмаціи, Истріи, портовъ Адріатики... Можно-ли теперь говорить объ оборонительной, справедливой войнѣ со стороны названной державы?...

«Справедливая» война *между* имперіалистскими правительствами *невозможна*, какъ невозможно представить себѣ «справедливую» — съ точки зрѣнія честныхъ людей а не самихъ разбойниковъ—борьбу между нѣсколькими разбойниками изъ-за дѣлежа награбленной добычи. Всякая другая война, кромѣ указанныхъ нами двухъ случаевъ, въ наше время неизбѣжно будетъ нечестивой войной.

И это не можетъ быть иначе, пока мы будемъ критерій, пригодный для одной эпохи, переносить на эпоху совершенно иную. Нѣтъ и не можетъ быть теперь «справедливыхъ» войнъ между крупными европейскими державами, которыя одинаково ведутъ имперіалистскую политику. Тройственный союзъ и тройственное согласіе были двумя главными группировками державъ, обусловившими весь ходъ европейской политики. И обѣ эти группировки родились, жили и дѣйствовали подъ знакомъ имперіализма, когда по правильному замѣчанію Каутскаго, сегодня нападающей стороной является одно правительство, завтра другое, и наоборотъ.

Тѣ соціалисты, которые считали до сихъ поръ критерій оборонительной войны правильнымъ, если-бы они способны были учиться у исторіи, должны были-бы теперь сами сказать: мы придерживались этого критерія до сихъ поръ, и—мы пришли къ краху 2-го Интернаціонала, къ небывалому, къ неслыханому позору. *Все, что угодно, только—не повторенія 4-го августа 1914-го года*! Все, что угодно, только не позоръ 1914—1916 г.г., приведшій насъ къ тому, что, примѣняя критерій оборонительной войны, мы превратились въ предателей рабочаго дѣла, стали агентами буржуазіи въ станѣ рабочаго класса.

И что-бы ни случилось дальше съ рабочимъ Интернаціоналомъ—одно можно сказать съ полной увѣренностью: теорія «оборонительной» войны похоронена для всѣхъ честныхъ соціалистовъ. Ее похоронилъ опытъ 1914—16 г.г.

Возможны-ли еще болѣе внушительные, болѣе жестокіе уроки, чѣмъ дала война 1914—16 г.г.? Теорія, которая во время такихъ событій привела къ краху Интернаціонала, не сможетъ быть въ серьезъ защищаема дальше.

Куда пришли мы съ «защитой отечества» и теоріей оборонительной войны? Къ политикѣ 4-го августа, къ зюдекумовству всѣхъ странъ, къ полному краху!

И мы повторимъ это вновь?!..

Во *время* войны, пока страсти еще напряжены, можно еще упрямо твердить: а мы все-таки держимся критерія оборонительной войны, обороняемся мы, и мы—правы. Но какъ только война кончится и надо будетъ подводить итоги, дѣлать выводы, честно отстаивать этотъ критерій не сможетъ никто.

Могла ли въ «справедливыхъ» національныхъ войнахъ, т. е. въ войнахъ прежней эпохи итти рѣчь о борьбѣ буржуазіи противъ пролетаріата, ставящаго на очередь соціалистическій переворотъ? Нѣтъ, не могла! Ибо условія для соціализма еще не назрѣли, ибо тогда пролетаріатъ не всюду еще сложился даже какъ классъ. А въ имперіалистскихъ войнахъ борьба противъ рабочаго движенія—одна изъ главныхъ задачъ имперіалистской буржуазіи.

Казалось-бы, назвать имперіалистскую войну «справедливой» войной можетъ только наемникъ буржуазіи. Но нѣтъ, такъ поступаютъ теперь не только наемники буржуазіи, но и люди, считающіе себя соціалистами!

—«Справедливую войну ведемъ мы»—кричатъ Зюдекумъ съ Гинденбургомъ. — «Нѣтъ, справедливую войну ведемъ мы» —подаютъ реплику Плехановъ и Тома...

Критерій оборонительной войны давно отжилъ свое время Но если-бы этого не случилось задолго до войны 1914—16 г.г., то самая эта война должна была бы его похоронить. независимо отъ прошлаго.

Что показала эта война? Кто аппелировалъ къ критерію оборонительной войны? Всѣ и— никто! Всѣ—ибо для оправданія своей захватной политики къ нему прибѣгали имперіалисты всѣхъ странъ, дипломаты и правительства всѣхъ народовъ, мошенники «большой» европейской печати всѣхъ языковъ. Никто—ибо въ серьезъ никто этого критерія не бралъ.

А самый Интернаціоналъ! Спасъ-ли, могъ-ли спасти его отъ краха критерій оборонительной войны? Всѣ до единой оффиціальныя соціалъ-шовинистскія партіи увѣряютъ, что онѣ строго руководятся критеріемъ оборонительной войны. Нѣмцы, французы и итальянцы — всѣ они утверждаютъ, что свято блюдутъ принципъ оборонительной войны. Кто изъ нихъ правъ? Они всѣ правы, и не правъ никто. Ибо самый этотъ принципъ теперь не годится. При настоящемъ положеніи вещей эта теорія —что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Много-ли пользы для пролетаріата отъ примѣненія теоріи оборонительной войны, если въ результатѣ получился тотъ крахъ 2-го Интернаціонала, который прямо скинулъ со счетовъ соціалистическія партіи на время войны?

Было время, когда и Плехановъ понималъ, что на абстрактномъ критеріи оборонительной войны далеко не уѣдешь. Въ августѣ 1915 года онъ писалъ:

—«Не менѣе догматично и то мнѣніе, что мы, соціалисты-можемъ сочувствовать только *оборонительнымъ* (курсивъ автора) войнамъ. Такое мнѣніе правильно лишь съ точки зрѣнія *консервативнаго* (курс. автора) suum cuique, а международный пролетаріатъ, послѣдовательно держась своей точки зрѣнія, долженъ сочувственно отнестись ко всякой войнѣ—*оборонительной или наступательной, это все равно*, которая обѣщаетъ устранить какое-нибудь важное препятствіе *съ пути соціальной революціи*»*).

Терминологія v .Ілеханова не достаточно отчетлива. Онъ не проводитъ разницы между войной оборонительной въ дипломатическомъ и историческомъ смыслахъ. Но, во всякамъ случаѣ, ясно, что онъ сознаетъ недостаточность и фальшь «теоріи» оборонительной войны, которую онъ-же теперь выставляетъ альфой и омегой соціалистическаго мышленія. Оборонительная или наступательная война это—*все равно*, говоритъ Плехановъ. Только догматикъ можетъ думать, что «оборона» или «наступленіе» рѣшаютъ дѣло. Для насъ соціалистовъ рѣшаетъ дѣло не это. Для насъ рѣшатъ дѣло интересы соціальнсй революціи.

«Борьба классовъ принимаетъ острый, революціонныи характеръ, расшатывая старыя, унаслѣдованныя отъ прежнихъ поколѣній понятія, и гдѣ, кромѣ того, угнетенный классъ легко можетъ убѣдиться въ томъ, что его интересы очень сходны съ

---

*)См. «Дневникъ С.-Д.» №. 2, «Патріотизмъ и соціализмъ», отвѣтъ на анкету редакціи «La vie socialiste» стр. 7, 8.

интересами угнетеннаго класса чужихъ странъ и противоположны интересамъ господствующаго класса его собственной страны, тамъ *идея отечества* въ весьма значительной степени утрачиваетъ свое прежнее обаяніе» (Плехановъ).

Вотъ именно! Десятки лѣтъ марксисты работали надъ тѣмъ чтобы подорвать обаяніе буржуазной «идеи отечества», указывая рабочимъ на «бросающееся въ глаза сходство въ положеніи угнетенныхъ классовъ двухъ или нѣсколькихъ «отечествъ». А теперь, когда началась первая міровая имперіалистская война, когда идея отечества понадобилась имперіалистамъ для прямого обмана рабочихъ всѣхъ странъ, теперь и бывшій марксистъ Плехановъ сталъ проповѣдывать «идею отечества». Какой съ божьей помощью поворотъ!... Отъ Маркса и Энгельса къ Гейне и Зюдекуму—вотъ тотъ путь, который прошли бывшіе марксисты, ставшіе теперь на путь соціалъ-шовинизма.

Фридрихъ Великій, говорятъ, когда-то изрекъ:

—«Когда монархи желаютъ войны, они начинаютъ ее и потомъ заставляютъ какого-нибудь прилежнаго юриста доказывать, что право на ихъ сторонѣ».

Если посмотрѣть, какъ поступаютъ теперь Плехановы и Зюдекумы всѣхъ странъ,—то это изреченіе можно-бы перефразировать такъ: «когда имперіалисты желаютъ войны, они начинаютъ ее и потомъ заставляютъ какого-нибудь прилежнаго соціалъ-шовиниста доказывать, что право на ихъ сторонѣ».

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Конецъ первой части.

Его-же. Причины краха германской с.-д. Часть I. Попутчики . . . . 40 „
Его-же. Тоже. Часть II. Рабочая бюрократія . . . . 40 „
Его-же Тоже Часть III. Рабочая аристократія . . . . 40 „
Его же. Англія и Германія передъ міровой войной . . . 75 „
Его-же Чего хотятъ с.-д. большевики? . . . . 20 „
Ю. Каменевъ. Имперіализмъ и балканская республика 30 „
Демьянъ Бѣдный. Барыня (Окопная) съ иллюстр. . . 20 „
Его-же. Сказки. (Морока. Чертовщина. Крысы. Усы да борода. Звонокъ) съ иллюстр. . . . . 60 „
Его-же. Басни. („Куй желѣзо пока горячо") съ рисунками 60 „
Его-же. Басни „Всякъ Еремѣй про себя разумѣй" . . 75 „
Ив. Логиновъ. У станка (Стихи) . . . . 20 „
И. Безработный. Правда объ іюльскихъ дняхъ (Къ предстоящему процессу интернаціоналистовъ . . . 25 „
Л. Троцкій. Что-же дальше? (Итоги и перспективы). . 30 „
Его-же. Когда же конецъ проклятой бойни? . . . . . . 20 „
Кого выбирать въ Комитеты, Совѣты, Думы, Учредительное Собраніе? . . . . 20 „
М. Ольминскій. Объ Учредительномъ Собраніи . . . . 25 „
К-ій. Задачи профессіональнаго союза. . . . . 20 „
К. Поповъ. Запись офиціантовъ (разсказъ). . . . . . 20 „
А. Михайловичъ Крушеніе капитализма. . . . . . . 40 „
Г. Зиновьевъ и К. Сталинъ. Кто виноватъ въ пораженіи на фронтѣ? . . . . 40 „
Г. Зиновьевъ и Н. Ленинъ. Соціализмъ и война. . . 75 „
Н. Ленинъ. Уроки революціи . . . . 30 „
Его-же. Удержатъ-ли большевики государственную власть 40 „
А. Коллонтай. Работницы и Учред. Собраніе . . . . . 10 „

Печатаются и на дняхъ выйдутъ.

Г. Зиновьевъ. Война и кризисъ соціализма
Ф. Энгельсъ. Принципы коммунизма. (Первоначальный проектъ коммунистическаго манифеста). Подъ ред. **Г. Зиновьева**..
Странникъ. Изъ арміи.
З. Лилина. Солдаты тыла.
Д. Бѣдный. Про землю, про волю, про рабочую долю. (Повѣсть) съ иллюстр.
Н. Ленинъ. Сборникъ статей по аграрному вопросу.
Подъ знамя «Правды» Сборникъ пролетарскихъ поэтовъ.

Имѣются на складѣ:

Всѣ изд. Гельсингфорскаго, Кронштадскаго и Юрьевскаго Ком. Р. С. Д. Р. П. Издательства: „Книга", „Пролетарская мысль".

Бухаринъ. Классовая борьба и революція въ Россіи . .	50	коп.
Н. Антоновъ. Германская с.-д. и война	25	„
Серафимовичъ. Какъ устроить русскую землю	15	„
Лукинъ. Милитаризмъ.	30	„
В Невскій. Что такое большевики?	60	„
Н. Ленинъ. Къ моменту	30	„
Крыленко. Почему побѣжала русская революціонная армія.	50	„
Доброхотовъ. Земельный вопросъ и борьба за Учред. Собраніе	25	„
Н Ленинъ. Грозящая катастрофа и борьба съ ней . . .	40	„

При заказѣ 100 экз. скидка 20%; 1000 экз. —25%.

Провинціальные заказы выполняются только при полученіи задатка $^1/_3$ стоимости заказа.

Каталоги безплатно.

Принимаются заказы на составленіе библіотекъ.

Изданія „Прибоя" имѣются:
Въ Москвѣ, Арбатъ, 40 кн. маг. „Волна",
Въ Самарѣ, Аквариумъ, клубъ Р. С. Д. Р. П.
Въ Екатеринбургѣ, Покровскій просп. д. Поклевскаго.

Цѣна 3 р. 25 к.

